

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 40504

Правовое поле современной экономики

2012, № 1

Санкт-Петербург
2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чибинев В.М., главный редактор журнала «Правовое поле современной экономики», декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, кандидат экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Бродский М.Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Глушенко П.П., декан юридического факультета Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный адвокат России

Кайнов В.И., заведующий кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук, профессор

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ

Коваленко А.Г., профессор кафедры гражданского процесса, трудового и экологического права Поволжской академии государственной службы, доктор юридических наук, профессор

Крутник И.А., доктор экономических наук, профессор

Лысенко И.В., кандидат экономических наук, доцент

Малышев А.В., заместитель руководителя управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент

Сальников В.П., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ

Смирнов Е.Б., доктор экономических наук, профессор

Титов В.А., начальник кафедры тылового обеспечения органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, доцент

Хабибулин А.Г., помощник министра внутренних дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Шемелин А.В., заведующий кафедрой хозяйственного права Читинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ**Собственность и ее правовая защита. Право как социальный регулятор общественных и экономических процессов**

<i>Мусаев М.А.</i>	Патерналистская функция государства и проблемы имущественной и психологической реабилитации жертв преступлений	7
--------------------	--	---

**Правовые и экономические системы.
Политическая система общества и экономика**

<i>Радушинский Д.А.</i>	Роль государства в экономике (крупнейшие теории 20-го века)	18
-------------------------	---	----

<i>Мотышина М.С., Мотышина Е.В.</i>	Основные задачи управления коммуникациями в проекте	32
---	---	----

Правовая культура и экономическая жизнь общества

<i>Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л.</i>	Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства	35
---	---	----

<i>Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М.</i>	Социальное назначение права и правовая жизнь человека и общества	43
---	--	----

**Правовые основы рыночной экономики. Правовое обеспечение региональной экономики.
Налогообложение и налоговое право**

<i>Потолокова М.О.</i>	Сегментация рынка на базе метода оптимальных критериев	50
------------------------	--	----

<i>Шлафман А.И., Садыкова Р.Р.</i>	Основные направления активизации бизнес процессов промышленных предприятий нефтегазового комплекса	53
--	--	----

Экономика и управление производством. Правовое регулирование рынка труда

<i>Беляков В.Г.</i>	Правовая сущность корпораций: опыт комплексного подхода	58
---------------------	--	----

<i>Барейко С.Н.</i>	Управление предпринимательской деятельностью в России, концептуальные подходы на основе нововведений	64
---------------------	---	----

<i>Ющенко А.Л.</i>	Особенности формирования и проблемы функционирования системы менеджмента качества образовательных услуг	67
--------------------	--	----

<i>Копыл Д.Н.</i>	Организация и планирование геодезических работ в процессе управления строительством	71
-------------------	--	----

Финансы и денежное обращение. Финансовое и бюджетное, банковское и валютное право. Финансовый контроль

<i>Кондрат Е.Н.</i>	Контроль в финансовой сфере: место государства и рынка	80
<i>Шукюров Р.А.</i>	Содержание и проблемы функционирования системы банковского надзора в Европе и в Республике Азербайджан	90
<i>Казалиева К.Н.</i>	Федеральный и региональный бюджеты как источники финансирования социальной сферы.....	96
<i>Долакова М.И.</i>	Особенности организации государственного финансового контроля в Российской империи XIX века	101

Гражданское и предпринимательское право. Гражданский и арбитражный процесс

<i>Пронин И.А.</i>	Гражданско-правовая ответственность сторон по договору на оказание косметологических услуг	106
--------------------	--	-----

**Безопасность человека, общества и государства.
Экологическая безопасность и правовые аспекты окружающей среды**

<i>Реуф В.М., Удычак Ф.Н.</i>	Национальная безопасность России и механизм ее обеспечения: государственно-правовая идеология и институционные основы	114
<i>Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И.</i>	Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь	122

Физические и юридические лица, корпоративное право. Преступления и иные правонарушения в сфере экономической деятельности. Примириительные процедуры и разрешение экономических споров

<i>Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л.</i>	Автотранспортные преступления в России: общее состояние проблемы	128
<i>Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасanova С.Г</i>	Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства	135
<i>Антонова Л.Г., Виноградов М. Ю., Кондрат И.Н., Рытькова В.Ю.</i>	Элементы процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России	148
Информация для авторов		153

CONTENTS

Property and its legal protection. Law as a social regulator of social and economic processes

Musayev M.A.	Paternalistic function of the state and the issues of property and psychological rehabilitation of crime victims	7
--------------	---	---

Legal and economic system. Political system of society and economics

Radushinskiy D.A.	State role in economy (the largest theories of 20th century)	18
-------------------	--	----

Motyshina M.S., Motyshina E.V.	Main tasks of the communication management in the project	32
-----------------------------------	---	----

Правовая культура и экономическая жизнь общества

Bezryadin V.I., Sal'nikov P.P., Shkhagapsoev Z.L.	Legal education as a social value of civil society and law-based state	35
---	--	----

Artamonova G.K., Babadzhanov I.Kh., Gorbashev V.V., Retunskaya T.P., Reuf VM.	Social purpose of law and legal life of individual and society	43
---	--	----

Legal foundation of market economy. Legal enforceability for regional economy

Potolokova M.O.	Segmentation on the market on the basis of a method of optimum criteria	50
-----------------	--	----

Shlafman A.I., Sadikova R.R.	The basic directions of activation business processes of the industrial enterprises of an oil and gas complex	53
---------------------------------	--	----

Economics and production management. Legal regulation of the labour market

Belyakov V.G.	Legal essence of corporations: the experience of a comprehensive approach	58
---------------	---	----

Bareyko S.N.	Management of enterprise activity in Russia, conceptual approaches on the basis of innovations	64
--------------	---	----

Yuschenko A.L.	Features of formation and problems of functioning for management system in educational services	67
----------------	--	----

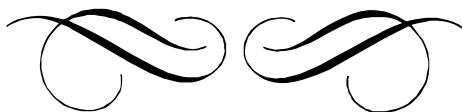
Kopil D.N.	The organization and planning of geodetic works in the process of construction management	71
------------	--	----

Finance and circulation of money. Finance, budget, banking and monetary law. Financial control

Kondrat E.N.	Control in financial sector: the place of state and market	80
--------------	--	----

Shukyurov R.A.	The content and problems of functioning of the banking supervision system in Europe and the Republic of Azerbaijan	90
----------------	---	----

<i>Kazalieva C.N.</i>	Federal and regional budgets as sources of financing the social sphere	96
<i>Dolakova M.I.</i>	Peculiarities of organization of state financial control in Russian Empire in the nineteenth century	101
Civil and business law. Civil and arbitration proceedings		
<i>Pronin I.A.</i>	Civil liability of the parties to the contract for rendering cosmetological services	106
Safety of human, society and state. Environmental security and legal aspects of the environment		
<i>Reuf V.M., Ydichak F.N.</i>	National security of Russia and its enforcement mechanism: state-and-law ideology and institutional foundations	114
<i>Babadzhanov I.Kh., Ol'E.M., Tarayko V.I.</i>	Enabling environment and human right to life	122
Natural and legal persons, corporate law. Crimes and other offences in the area of economic activities. Conciliations and resolution of economic disputes		
<i>Aliev Ya.L., Aruev K.B., Sal'nikov S.P., Tret'yakov I.L.</i>	Enabling environment and human right to life	128
<i>Babadzhanov I.Kh., Reuf V.M., Khasanova S.G.</i>	Legal protection, ideological essence and value perception of the individual, society and state	135
<i>Antonova L.G., Vinogradov M.Yu., Kondrat I.N., Rit'kova V.Yu.</i>	Elements of the investigator's procedural status in criminal court proceedings of Russia	148
Information for the authors		153

СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА. ПРАВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

МУСАЕВ Мурад Алаудинович,
заведующий кафедрой адвокатуры
Государственной классической академии им.
Маймонида,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: musaev1212@mail.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная
деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная
деятельность

ПАТЕРНАЛИСТСКАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМЫ ИМУЩЕСТВЕННОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена современным имущественным проблемам российских граждан. Автор ведет речь о социальных обязанностях государства и задачах гражданского общества в России. Ссылаясь на Конституцию, анализируя отраслевое законодательство, программные документы руководителей государства, он приходит к выводу о необходимости реализации патерналистских функций в нашей стране.

Интересно представлена дискуссия исследователей по вопросам патерналистских ценностей в обществе. Автор приходит к выводу о том, что отказ от государственной патерналистской идеи является отказом от социальных функций государства, от государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, от системы социальных служб, государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты. Цивилизованный патернализм – это поддержка государством социально незащищенных слоев общества и тех граждан, которые обездолены стихийными бедствиями, техногенными катастрофами, преступностью.

Подробно автор ведет речь о материальной поддержке жертв преступлений, им высказывается в этом контексте конкретные предложения по совершенствованию судебной реформы, использованию возможностей гражданского общества, исполнительной и законодательной ветвей власти.

Ключевые слова: социальное государство; гражданское общество; патернализм; материальная поддержка; жертвы преступлений; имущественная реабилитация; психологическая реабилитация.

MUSAYEV M.A.

PATERNALISTIC FUNCTION OF THE STATE AND THE ISSUES OF PROPERTY AND PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF CRIME VICTIMS

The summary. The article is concerned with current property issues of Russian citizens. The

author refers to social obligations of the state and tasks of the civil society in Russia. Referring to the Constitution, analyzing the sectoral legislation, policy documents of the state leaders he comes to the conclusion of the need for implementation of paternalistic functions in our country.

The discussion of researchers on the issues of paternalistic values in the society is presented with a point of interest. The author comes to the conclusion that abandonment of the state paternalistic idea is the renunciation of social functions of the state, the state support for families, motherhood, fatherhood and childhood, disabled and elderly citizens, of the system of social services, state pensions, welfare payments and other guarantees of social protection. Civilized paternalism is the state support for vulnerable social strata and those citizens who are disadvantaged by natural disasters, technogenic catastrophes, crime.

The author concerns in detail the material support for victims of crimes, in this context specific proposals on improvement of the judicial reform, use of the opportunities of the civil society, executive and legislative branches of power are given by him.

Key words: social welfare state; civil society; paternalism; material support; crime victims; property rehabilitation; psychological rehabilitation.

В статье мы не касаемся судебных решений по искам потерпевшего в уголовном и гражданском процессах. Им нами посвящаются отдельные работы. Здесь речь пойдет о *социальных обязанностях государства* [16; 38; 45; 46, стр. 5-14; 47; 53; 60; 64; 67, стр. 72-80; 69; 70; 75; 76] и *задачах гражданского общества* [5, стр. 151-158; 6; 13; 14, стр. 15-22; 15; 17; 18; 21; 22; 23, стр. 171-185; 24; 25, стр. 15-18; 26, стр. 77-78; 27, стр. 222-223; 30; 35, стр. 8-17; 37; 41; 44; 52; 56; 57; 59; 61, стр. 64-72; 63, стр. 3-11; 65, стр. 254-260; 68; 71; 73; 77], связанных с бедами составляющих его граждан, о чем довольно подробно говорил Президент России Д. Медведев в своем послании Федеральному Собранию [3]. О проблемах формирования гражданского общества в России он также неоднократно заявлял и ранее [2].

Социальные обязанности государства по отношению к гражданам определены Конституцией РФ.

Из статьи 7: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Из статьи 17: «В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

В теории государства и права понятие о

социальном государстве сводится к представлениям о «произвольном перераспределении национального дохода в пользу социально слабых». Этим оно отличается от правового (либерального) государства [7; 8; 8; 12; 16; 20; 36; 40; 42; 51; 54; 66; 74], в основе которого господствует принцип формального равенства. Конституции многих современных государств чаще всего сочетают признаки правового и социального государства: наряду с провозглашением равенства прав граждан, предусматриваются формы социальной помощи «слабым». У «слабых» появляются права-притязания, которые не являются естественными и неотчуждаемыми, а скорее относятся к «привилегиям» – льготам и преимуществам (бесплатное жилье, бесплатная медицинская помощь, пособия по безработице и пр.). «Подобные привилегии социально слабых означают, что общество в социальном правовом государстве делится на тех, в чью пользу перераспределяется национальный доход и тех, за чей счет он перераспределяется. Поэтому принцип социальной государственности – это несправедливость или уравниловка» [39, стр. 57].

Вопрос о том, в какой мере могут быть реализованы конституционные декларации о социальных льготах слабо защищенных слоев общества в современной России с ее разрушенной экономикой и небогатым бюджетом, нами здесь не обсуждается. Вместе с тем, ныне не кажется убедительным утверждение о том, что «положения ст. 7 Конституции в обозримом будущем будут оставаться фикцией».[39, стр. 57] Реальность

государственных акций социальной помощи многодетным семьям, гражданам, пострадавшим от стихийных бедствий, техногенных катастроф и терроризма, установление серьезных льгот по оплате жилья и коммунальных услуг и пр. опровергают суждения о фиктивном характере социального государства в России. Мы исходим из того, что государство соответственно с Основным законом страны возложило на себя заботу о гражданах и по возможности ее выполняет. И это естественно, иначе не было бы смысла в таком объединении, которое недешево обходится гражданам.

Пределы социальных забот государства не уточнены и составляют ныне предмет научных споров, которые ведутся в основном в рамках представлений о его *патерналистских функциях*. Обобщенное представление об этих спорах и предлагаемых выводах дает статья С.С. Цуканова в Ученых трудах РААН, на которую мы в данном случае сожлемся [72].

«В юридической литературе, – пишет автор, – доминирует мнение о том, что *патернализм* (лат. pater – отец) – это принцип попечительства, опеки государственных органов над населением и органами местной власти; тип отношений между правителями и населением, предусматривающий «отеческую заботу» первых и «сыновью благодарность» вторых за улучшение условий жизнедеятельности».

Проанализировав историю развития идей патерналистского, правового и полицейского государства в разных научных источниках, автор сообщает: «На страницах российской периодической печати существовали две разнонаправленные идеиные установки. С одной стороны, аппелируя к работам европейских мыслителей, российские авторы объявили о приоритете интересов свободно действующей *личности*, а с другой – писали о *государстве* как об институте, осуществлявшем заботу и покровительство по отношению к собственным гражданам. Переплетение либеральных и *патерналистских* ценностей прослеживается не только в отношении целей существования *государства*, но и при описании условий, необходимых для его функционирования».

Далее им развивается мысль о вреде патерналистской концепции. «Люди привыкли к тому, что за все вопросы необеспечения их социального и материального положения может

нести ответственность *государство*. Более того, отсутствие длительное время условий для существования гражданского общества привело к тому, что *государство* заполнило собой все общественное пространство». Вместе с тем в ряде публикаций отмечается, что любые попытки государства освободиться от функции непосредственного «опекуна» своих граждан, избавиться от *патернализма*, в частности, в социальной сфере, воспринимаются гражданами как невозможность или отказ от реализации социальных прав.[31, стр. 33]

Приводятся и слова Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В.Лукина: «Ситуация, когда люди смиренno просят *государство* о том, чего должны были бы требовать, – пишет он, – увы, типична для нашей страны с ее давними традициями *патернализма* и чинопочтания. Проблема очень серьезна: неспособность граждан отстаивать свои права разворачивает *государство*, объективно препятствует его демократизации».[34, стр. 22] Автор не уточняет, идет ли речь о необходимости активной защиты основных, неотчуждаемых прав или о защите прав-льгот. А это далеко не одно и то же, и не может быть одинаковой реакции на их нарушение.

Призывы к гражданам об активном отстаивании своих прав слышались и ранее. Широко известно высказывание основателя пролетарского государства В.И. Ленина о том, что граждане должны «научиться воевать за свои права по всем правилам законной в РСФСР войны». Очень скоро выяснилось, что война эта и обременительна, и опасна. Власть пресекала любое свободомыслие, а попытки организованных выступлений расценивались как государственные преступления контрреволюционного характера. Наиболее упорных «борцов за права» отправляли на Колыму. Насаждался страх перед государственной властью, след которого до сих пор сохраняет в общественном сознании россиян. При всем том идеология патернализма активно поддерживалась официальной пропагандой и находила подтверждение в реальности, ведущей и к чинопочтанию, и к благоговению перед государственной властью.

Конечный вывод автора упомянутой статьи сводится к следующему несколько неоднозначному положению. «Таким образом, есть основания утверждать, что концепция

государственного патернализма отнюдь не утратила своей актуальности; однако она, к сожалению, является предметом не исторических научных исследований, а подоплекой нескрываемой ностальгии и, по сути, идеализации феодального и советского этапа развития *права и государства*. Обоснование «неизбежности» *патернистского* характера российского государства представляется автору «весьма спорным научным направлением, ибо, в первую очередь, российский исторический опыт подтверждает несостоятельность такого теоретического подхода».

Мы бы сказали: напротив, российский исторический опыт подтверждает именно состоятельность такого теоретического подхода. Проблема не в опасности патернализма, а в доведении идеи до абсурда путем внушения представления о патернализме как о безграничной опеке государства, сковывающей инициативу и самостоятельность личности. Отказ от патернистской идеи это, по сути, отказ от социальных функций государства, от государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, от системы социальных служб, государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты. Цивилизованный патернализм – это поддержка государством социально незащищенных слоев общества и тех граждан, которые обездолены стихийными бедствиями, техногенными катастрофами, преступностью. Об этом шла речь и в послании Президента России Д. Медведева Федеральному Собранию. «Мы полностью исполняем взятые на себя социальные обязательства, – подчеркнул он. – Пенсии и зарплаты у большинства работников бюджетного сектора росли быстрее, чем мы планировали до кризиса». Целенаправленно проводится политика в области материнства и детства, и здесь уже многое сделано. «Принят закон, который позволяет использовать материнский капитал и для строительства жилья собственными силами. В тридцати восьми субъектах Федерации решено выплачивать региональный материнский капитал...»

Регионам дано право бесплатно предоставлять многодетным семьям земельные участки из государственной муниципальной собственности. Отменены налоги с граждан за получаемую ими благотворительную помощь, в том числе помощь,

оказываемую детям». В стране проводится большая работа по поддержке государством граждан, нуждающихся в социальной защите [3]

Пожары лета 2010 года в России, поставившие на грань нищеты тысячи семей, не могли не заставить государство прийти им на помощь. Здесь уместно припомнить и помочь государства жертвам техногенных катастроф (Чернобыль, к примеру), и жертв террористических актов (Норд-Ост, Беслан, аэропорт Домодедово и др.). Впору говорить о недостаточности компенсаций, а не об их неуместности, «разворачивающих правовое и нравственное сознание населения». Практика возмещения вреда жертвам террористических акций формировалась путем выплат единовременных пособий за счет средств федерального бюджета либо бюджета субъектов Федерации и рассмотрения исков в порядке гражданского судопроизводства. Ее правовые основы были определены ст. 17 ФЗ № 130 «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. [1] Причем размеры выплат жертвам терактов существенно возрастали с ростом тяжести последствий и числа жертв. Размер выплат зависит и от возможностей бюджета, но едва ли кто будет оспаривать их необходимость – даже и противники государственного патернализма. Если пострадавшим от трех терактов во Владикавказе (1999 – 2000 г.) выплаты семьям погибших составляли – 10 тысяч руб., то семьи погибших в театральном центре на «Дубровке» (г. Москва, 23 октября 2002 г.) получали 100 тыс. руб., за погибших в аэропорту Домодедово (конец 2010 г.) оплата составляла 2 млн. руб.

Идея разумного патернализма ныне перерастает в идею *социальной ответственности ветвей государственной власти, бизнеса, институтов гражданского общества*. В каждом случае она имеет свои конкретные способы реализации. Исполнительная власть реализует формы материальной и психологической поддержки слабозащищенных слоев общества и жертв преступности. Законодательная ветвь власти призвана обеспечить правовые предпосылки и условия ее адресной направленности. Судебная власть обеспечивает процессуальные формы защиты прав потерпевших [10, стр. 21-27; 28, стр. 44-50; 29, стр. 79-86; 32; 33; 43; 62, стр. 5-11]. Бизнес использует формы благотворительности и меценатства. Институты гражданского общества – неправительственные

правозащитные организации, адвокатура и др. – способствуют реализации прав гражданами, и их доступ к правосудию. Все эти виды деятельности заслуживают и популяризации, и поддержки. Они актуальны в современной России, для которой ущемление прав граждан составляет стиль повседневной жизни.

Мы уже отмечали, и еще не раз вернемся к этому, недостаточность внимания современного российского государства к жертвам преступных посягательств [48, стр. 119-124; 49, стр. 99-104; 50]. Им требуется упорядоченная правом и четко организованная материальная поддержка, особенно в случаях, когда причинен вред здоровью, связанный с потерей заработка и иных доходов, а преступник или не установлен, или оказался несостоятельным. Для этого во многих странах создаются *государственные и общественные фонды помощи жертвам преступлений*. Идея не нова. И она не раз обосновывалась и в научных публикациях, и в рекомендациях конференций ученых и практических работников правоохранительных органов, обращенных к «компетентным органам и ведомствам». Учеными НИИ при Генеральной прокуратуре РФ еще в 1997 г. было подготовлено Положение о Государственном фонде помощи жертвам насильственных преступлений.[58, стр. 123-126]. Это был детально отработанный и юридически состоятельный документ, включавший разделы общих положений о порядке деятельности фонда и основаниях получения помощи фонда, источниках его финансирования. И ныне, спустя 14 лет после опубликования Положения, не возникает сомнений в его обоснованности, как не возникает и оснований для обвинения авторов в популизме. Для иллюстрации приведем отдельные извлечения из этого документа. «Ст. 1. Обращаться в отделения Фонда могут граждане, которым преступным посягательством причинен физический вред в виде менее тяжких и тяжких телесных повреждений, близкие родственники лица, погибшего в результате преступления, а также те лица, жилище и имущество которых уничтожены в результате совершения преступления». «Ст. 5. Оказание материальной помощи зависит от финансового положения потерпевшего, а также компенсаций, полученных из фондов социального страхования, иных источников социального обеспечения». Предусмотрены пределы размеров материальной

помощи, возможности ее снижения в зависимости от вины протерпевшего. Указываются и источники финансирования Фонда, максимально снижающие бремя государственного бюджета.

Судьба этого документа, как и многих других благих начинаний, печальна. В ведомствах, куда проект Положения был направлен руководством НИИ, он былложен «под сукно», где и истлел за десять с лишним лет.

Предложения по совершенствованию законодательных актов по защите и обеспечению прав граждан, пострадавших от преступлений, достаточно многочисленны и уже давно обрели свою историю. Многие из них, касающиеся вопросов судебной защиты потерпевших, рассматриваются в нашем исследовании. Законодательные предложения, относящиеся к социальной роли правосудия, мы делим на частные нормы и нормы-принципы,

Слабое использование отечественной судебной практикой положений международных пактов о защите жертв преступлений актуализирует идею подготовки фундаментального межотраслевого правового акта *«О защите жертв преступных посягательств»*.

Если вопросы социальной ориентированности исполнительной и законодательной ветвей власти более или менее определены конституционными принципами правового и социального государства, то положение *судебной власти* отличается особенностями, ставящими ее вне социальных забот. Таковы последствия судебно-правовой реформы 90-х годов и начала нового века [4; 19; 55]. Либеральные реформаторы, ориентированные на мифические «западные образцы», превзошли своих зарубежных адептов, добившись максимального отчуждения суда от народа и социальных проблем. Их взгляд на формирование суда, его состав и определение задач правосудия победил при обновлении судоустройства и процессуального законодательства. И сейчас мы имеем суд, вызывающий острую критику и специалистов, и общественности, заставляющую продолжать и продолжать т. н. судебную реформу. Связаны же многие недостатки правосудия с освобождением судей от общественного контроля, их защищенностью от ответственности юридическими иммунитетами, снижением роли судьи, изменением задач правосудия. Все это вело к отчуждению суда от защищаемого им населения, к снижению его социальной роли.

Было очевидным не только специалистам, но и общественности несоответствие концептуальных положений, отраженных в результатах реформы, конституционным принципам.

Конституция РФ предусматривает осуществление правосудия судом (ст. 118 п. 1). Суд же – орган коллегиальный и отступление от этого правила в истории отечественного судопроизводства не допускалось. В результате реформы утвердился суд, осуществляемый государственным чиновником единолично. Принцип коллегиальности правосудия теперь не упоминается даже в учебниках.

Конституция предусматривает право граждан участвовать в управлении правосудия (ст. 32 п. 5). Но народные заседатели из суда устраниены, а подсудность коллегиального суда присяжных составляет менее десятой части одного процента от числа рассматриваемых уголовных дел, не распространяясь на гражданские дела. Такая избирательная подсудность противоречит конституционному положению о равенстве граждан перед законом и судом.

Вместе с народными заседателями из сферы правосудия исключены и другие общественники, каковыми были представители трудовых и учебных коллективов в виде общественных обвинителей и защитников, действовавших наряду с профессиональными участниками процесса. Устранение народного контроля за действием чиновника-судьи открывает простор для злоупотреблений.

В дореформенное время судьи в СССР избирались народом. Конечно, это были советские выборы, без конкуренции кандидатур. Но избираемого судью знало население района, и он обязан был о своей деятельности отчитываться перед избирателями. И избравшиеся трудовыми коллективами народные заседатели отчитывались перед ними. Теперь судебский корпус комплектуется по спискам квалификационной коллегии судебского сообщества и утверждается Президентом. Получив столь высокий мандат, судья может позволить себе свысока взирать на сограждан, что и подтверждается в повседневной жизни.

При всех призывах о повышении авторитета судебной власти *правовая и социальная роль правосудия заметно и необоснованно снижены*. Это касается, прежде всего, понимания задач судебной власти и осуществляемого ею

правосудия.

Соответственно традиционным взглядам, поддерживаемых наукой о правосудии и дореформенным законодательством, судебная власть располагает наиболее сильными рычагами воздействия на отношение граждан к закону, на их «установки» в выборе вариантов правового либо противоправного поведения. Уровень правового и нравственного сознания населения связывался с культурой и справедливостью правосудия. Торжественность и гласность порядка направления правосудия, активная демонстрация судом и профессиональными участниками процесса уважения к закону и его роли в обеспечении субъективных прав и интересов личности, попадающей в сферу правосудия, выяснение судом им по каждому рассматриваемому делу «подлинной правды жизни» (по выражению А.Ф. Кони) – вот та школа, которую должны проходить участники судопроизводства и судебная аудитория. Выявление причин, способствовавших возникновению правового конфликта либо совершению преступления, и разумное реагирование на них как приговором, так и частными определениями, – это также один из способов проникновения судьи в сущность рассматриваемого конфликта и способ реализации судом его воспитательно-профилактической функции.

Именно такой образ деятельности суда, отраженный в задачах судопроизводства, подтверждал общественное значение и самой судебной процедуры, и решений суда, обеспечивая упорядочивающую и привентивную роль права.

Но есть и другой взгляд на правосудие. Он сводится к тому, что от суда нельзя требовать больше, чем разрешение данного правового конфликта. Рассматриваемое дело задает жесткие границы правосудию. Его социальная значимость за пределами интересов суда, ибо возникает, как полагали реформаторы, опасность объективного вмешания и обвинительного уклона.

И потому в новом УПК РФ нет упоминания о таких задачах правосудия, как формирование у граждан уважения к закону, предупреждение преступлений и это повлечет множество вполне прогнозируемых правовых последствий и противоречивых решений.

Так, сохранение в УПК возможности выносить частные определения и постановления по вопросам устранения нарушений законов и обстоятельств,

способствовавших совершению преступлений (ч. 4 ст. 29), не корреспондирует назначению правосудия (ст. 6). По этой, видимо, причине выпала из нового УПК и статья о частных определениях и постановлениях, выносимых одновременно с приговором.

Освобождение суда от активного поиска истины, воздействия на преступность, от обязанности реагирования на выявленные в ходе судебных разбирательств новых преступлений оставляет потерпевшего без той самой судебной защиты, которая предусмотрена ст. 46 Конституции РФ.

Одним из лозунгов судебной реформы был лозунг борьбы с бюрократизацией суда, его отстраненностью от интересов рядового человека. Как видим, эта задача судебной реформой не решена. Казенное равнодушие и бюрократизм суда возведены в правило, поощряемое строем процесса.

Затянувшаяся судебно-правовая реформа проходит, как известно, под лозунгом формирования независимой и сильной судебной власти. Это отвечает идеи правового государства, ибо суд – важнейший гарант прав человека и как орган власти способен эффективно выполнять свою роль, упреждающую скатывание исполнительной власти к диктату.

Эта роль, к сожалению, не нашла развития в концепции судебной реформы. И ныне на этапе ее завершения не утратила значения дискуссии о задачах судебной власти, о ее социальном назначении и функциях правосудия.

По мнению многих специалистов, вносящих позитивный вклад в развитие теории правосудия, суд как ветвь государственной власти не может стоять в стороне от общих вопросов, решаемых государством: утверждения законности и правопорядка, совершенствования законодательства, формирования правовой культуры в обществе путем воздействия на общественное и индивидуальное правосознание, внедрения в общественные отношения принципов здоровой морали.

Будем надеяться, что продолжаемая судебная реформа не ограничится латанием пробелов и устраниением мелких противоречий в законодательстве. Следует, наконец, осознать, что сама концепция и судебной власти, определения ее места в системе властей и задач правосудия требуют пересмотра с позиций уточнения их

социальной роли, приближения к человеку как важнейшей социальной ценности, осознанию необходимости защиты, прежде всего, жертв преступлений. В Послании Президента Федеральному Собранию Д. Медведев отмечал: «Особую роль в проведении эффективной уголовной политики нужно отвести судебной системе. От нее зависит, станет ли система назначения наказания более гибкой, дифференцированной, а значит, и более справедливой. Мы продолжим работу по улучшению качества судебского корпуса. И один из ближайших шагов – это создание системы самостоятельных экзаменационных комиссий, через которые будут проходить все кандидаты на высокую должность судей» [3]. Все население России надеется на то, что принимаемые государством меры по совершенствованию судебной системы и повышению качества судебского корпуса помогут ему преодолеть те невзгоды и трудности, в которых оно оказалось в начале второго десятилетия XXI века.

Реализация идеи социального государства и его патерналистских функций на практике и в теории привело к пониманию *социальной ответственности* не только государственных институтов, но и институтов гражданского общества и субъектов предпринимательской деятельности.

Любая деятельность подчинена определенным целям, которые могут преследовать чисто эгоистические, личные либо групповые, корпоративные интересы. Эти интересы могут быть безразличны обществу и государству, могут вступать с ними в конфликт или, напротив, отвечать общественным потребностям. Осознание социальной ответственности стимулирует служение обществу, способствует решению стоящих перед обществом и государством задач. Разрушительные реформы 90-х годов, начавшиеся с дискриминации прежних идеологических ценностей, не обошли и проблему соотношения частных и публичных интересов – побеждала установка на индивидуальную вседозволенность, личный успех любой ценой. Вопросы служения обществу, защиты общего блага стали восприниматься в виде наивного архаизма. Восстановление социального равновесия и духовности требовало обращения к нравственным ценностям, отвечающим русскому национальному менталитету. Вспомнили о социальной

ответственности бизнеса, о реабилитации успешно разрушающей морали, о том, что благополучие индивида не может быть прочным в условиях пренебрежения общим благом, публичными интересами.

Требование социальной ответственности применимо к любому институту общества и государства. И мы уже видим определенные сдвиги общественного сознания в этом направлении. Так, применительно к представителям юридических профессий, принцип социальной ответственности нашел отражение в «Меморандуме о социальной ответственности российского юриста», принятом Ассоциацией юристов России (30 сентября 2008 г.) [11, стр. 174-176]. В нем предложены представителям «всех юридических профессий» принять стандарты социальной ответственности. Этот стандарт предполагает оказание юристами на добровольной основе безвозмездной юридической помощи гражданам и некоммерческим организациям, не имеющим возможности такую помощь оплатить, а также осуществлять правовое просвещение граждан.

Обсуждаемый ныне предложенный МЮ РФ проект Федерального закона «**О системе бесплатной юридической помощи в Российской Федерации**» развивает идею о социальной ответственности представителей юридических профессий. Его первая статья, посвященная предмету регулирования, устанавливает систему бесплатной юридической помощи в Российской Федерации, под которой понимается «информирование населения о действующем законодательстве; безвозмездное оказание юридической помощи отдельным категориям граждан федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными юридическими бюро, адвокатами, нотариусами, а также иными участниками системы бесплатной юридической помощи». Проект предусматривает виды юридической помощи, оказываемые перечисленными субъектами, с учетом их статуса и реальных возможностей. Для адвокатов эта благотворительная деятельность является привычной с момента ее образования судебной реформой России 1864 г. Она лишь расширялась с годами и вполне отвечала и данному проекту и

известным положениям Общего Кодекса правил для адвокатов Европейского сообщества: «В любом правовом обществе адвокату уготована особая роль.... Адвокат должен действовать в интересах права в целом, точно так же, как в интересах тех, чьи права и свободы ему доверено защищать...» (ст. 1.1). В этом отношении российская адвокатура имеет давние заслуги, неизменно соединяя задачи защиты частного интереса со служением обществу, что предопределяло публично-правовой характер ее деятельности. Активное участие адвокатов в обеспечении бесплатной юридической помощью малоимущих граждан, участие в правовом просвещении населения нашло признание законодателя, отнесшего адвокатуру к числу институтов гражданского общества.

Подводя итог положениям этой статьи, отметим следующее. Вопросы правовой и социальной защиты жертв преступлений должны быть тесно увязаны с научно обоснованной государственной политикой борьбы с преступностью. В основе последней должна лежать выверенная информация о состоянии преступности и ее тенденциях, об устойчивых детерминантах преступности и средствах воздействия на них – экономических, идеологических, организационных, правовых и др.

Исходя из Рекомендаций IX Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Каир, 29 апреля – 8 мая 1995 г.) *о необходимости переноса акцента с приоритетной защиты прав правонарушителя на приоритетную защиту жертвы правонарушения и общественных интересов* автором подвергаются критической оценке отдельные изменения законодательства последних лет, ведущие к ухудшению правовых условий защиты жертв преступлений. Акцентируется внимание на уголовно-правовых и уголовно-процессуальных аспектах политики борьбы с преступностью и защиты населения от преступных посягательств, имущественной и моральной реабилитации жертв преступлений.

Мы не ставили перед собой задачу в деталях определить основы будущей уголовной политики государства, как политики борьбы с преступностью и необходимых мер защиты государства и общества от нарастающей криминализации. Это сложнейшая задача, которая может решаться коллективом специалистов, включающим криминологов, правоведов,

социологов, социальных психологов, представителей правоохранительных органов, экономистов. Наша цель – напомнить о значении проблемы в условиях, когда преступность сращивается с аппаратом управления и перерастает в реальную угрозу самому существованию отечественной государственности. Мы пытались освежить в памяти известные достижения науки в этой области, показать убожество информационной базы в виде фальсифицированной ведомственной статистики

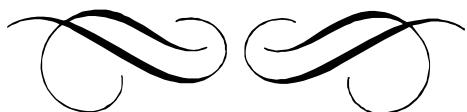
преступности, напомнить об обязанностях государства – правового и социального – по защите прав и свобод человека, о социальной ответственности институтов государства и общества, погребенных идеологией рыночного чистогана. И мы видим в этом будущем программном акте в качестве самостоятельного раздела – систему мер имущественной и психологической реабилитации жертв преступных посягательств с учетом сложившейся практики цивилизованных государств.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. №130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3808.
2. Медведев Д.А. Выступление на ярославском форуме «Современное государство в эпоху социального многообразия» // Российская газета. – 2011. – 9 сентября.
3. Медведев Д.А. Послание Президента Федеральному Собранию. 22 декабря 2011 г. // Российская газета. – 2011. №290 (5666). 23 декабря.
4. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н., Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
5. Баранов В.М., Гойман В.И., Сальников В.П. Действие права и развитие демократии // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
6. Библер В.О. О гражданском обществе и общественном договоре // Через тернии. – М., 1990.
7. Боботов С.В., Васильев Д.И. Французская модель правового государства // Сов. государство и право. – 1990. – №1.
8. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 1999.
9. Бойцова В.И. Идея правового государства в трудах русских юристов (административно-правовой аспект) // Правоведение. – 1991. – №3.
10. Бородин С.В., Кудрявцев В.Н. О судебной власти в России // Государство и право. – 2001. – №10.
11. Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2009. – № 1.
12. Визер Б., Будер Й. Принцип правового государства в конституционном правосудии Австрии // Государство и право. – 1999. – №11.
13. Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. – М., 1995.
14. Гавриленко В.И. Гражданское общество: понятие и конституционные основы // Конституционное развитие России. – Саратов, 1993.
15. Гаджиев К. Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1991.
16. Гафуров З.Ш. Социально-правовое государство и право человека на достойное существование // Государство и право. – 2008. – №5.
17. Геллер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. – М., 2004.
18. Гендзехадзе Е.Б. Гражданское общество и новый подход к государственно-правовым институтам // Сов. государство и право. – 1990. – №8.
19. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
20. Горшнев В.М. Законность как достояние правового государства // Проблемы обеспечения законности в механизме правоприменения. – Волгоград, 1991.
21. Гражданское общество в России: западная парадигма и российская реальность. – М., 1996.
22. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования / Отв. ред. Г.Н Манов. – М., 1991.
23. Грандонян К.А. Правовые противоречия гражданского общества и гарантии охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина // Правоохранительная деятельность: проблемы и пути решения / Под ред. В.Ю. Назарова, А.С. Мордовца. – Саратов, 2011.

24. Грандонян К.А. Противоречия гражданского общества: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011.
25. Грандонян К.А. Современное гражданское общество: понятие и признаки // Информационная безопасность регионов. – №1(6). – Саратов: Сарат. юрид. ин-т МВД России, 2010.
26. Грандонян К.А. Становление гражданского общества в России // Современные подходы к управлению социально-экономическими и политическими процессами. – Саратов: Поволжская академия гос. службы им. П.А. Столыпина, 2004.
27. Грандонян К.А. Функции гражданского общества в современной России // Российское общество и государство: региональные аспекты модернизации. – Саратов: Поволжская академия гос. службы им. П.А. Столыпина, 2010.
28. Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защита прав и свобод человека // Государство и право. – 1997. – №8.
29. Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Государство и право. – 1992. – №8.
30. Замбровский Ю.Л. К вопросу о формировании гражданского общества и правового государства // Социально-политический журнал. – 1991. – №6.
31. Зорькин В.Д. Верховенство права и встреча цивилизаций // Журнал конституционного правосудия. – 2008. – № 1.
32. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
33. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
34. Иванова Е. Тихая радость омбудсмена // ЭЖ-Юрист. – 2008. – №11.
35. Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и правовое государство // Полис. – 1992. – №1-2.
36. Казлихин И.Ю. Идея правового государства: история и современность. – СПб., 2003.
37. Кальной И.И., Лопушанский И.Н. Гражданское общество: истоки и современность. – М., 2006.
38. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм / Пер. с нем. – М., 1998.
39. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий. – М., 1997.
40. Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. – М., 1993.
41. Кравченко И.И. Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис. – 1991. – №5.
42. Кузнецов Э.В., Савельев В.Ф. Правовое государство: из истории русской правовой мысли // Правоведение. – 1991. – №1.
43. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. – СПб., 2006.
44. Магомедов К.О., Смольков В.Г. Гражданское общество. – М., 1993.
45. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
46. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. – 2001. – №7.
47. Милецкий В.П. Этапы становления и развития теории социального государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 1999. – №2.
48. Мусаев М.А. Жертва преступления в криминологическом, уголовном и гражданско-правовом аспектах // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – №4.
49. Мусаев М.А. Жертвы преступных посягательств: проблемы регистрации и признания потерпевшими // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – №5.
50. Мусаев М. Правовая и социальная защита жертв преступности в России. – М.: Человек, 2011.
51. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
52. Одинцова А.В. Гражданское общество: взгляд экономиста // Государство и право. – 1992. – №8.
53. Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Щукшина Е.Г. Государство, общество, личность: проблемы совместимости. – М.: Юристъ, 2005.
54. Омельченко О.А. Идея правового государства: истоки, перспективы, тупики. – М., 1994.
55. Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором 15 октября 1997 года. – СПб., 1998.
56. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М., 1992.
57. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
58. Правовые и социальные проблемы защиты жертв преступлений: Сборник научных трудов и нормативных актов. – М., 1998.
59. Реформирование государственной службы как стабилизирующий фактор становления гражданского общества в России. – Саратов: Поволжская академия гос. службы им. П.А. Столыпина, 2005.
60. Ромашов Р.А. Государство: территория, население, власть. – СПб. – Пушкин, 1998.
61. Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. – 2000. – №12.
62. Салищева Н.Г., Хоманева Н.Ю. Исполнительная и судебная ветви власти: соотношение и взаимодействие // Государство и право. – 2000. – №1.

63. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
64. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государство как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб., 2001.
65. Сальников В.П., Экимов А.И. Право в действии // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел. – СПб., 1993.
66. Соколов А.Н. Правовое государство. Идея, теория, практика. – Курск, 2004.
67. Тарендорф Р. От социального государства к цивилизованному обществу // Полис. – 1993. – №5.
68. Тихомиров Ю.А. Закон и формирование гражданского общества // Сов. государство и право. – 1991. – №8.
69. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. – №2.
70. Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. – 2004. – № 4.
71. Тупишин В.П. Гражданское общество и демократическое государство // Общественные науки. – 1990. – №1.
72. Цуканов С.С. К вопросу о сущности и содержании понятия патернализм государства на современном историческом этапе // Ученые труды РААН. – М., 2010. – № 4.
73. Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. – 1992. – №6.
74. Черниловский З.М. Правовое государство: исторический опыт исследования // Государство и право. – 1992. – №6.
75. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – №2.
76. Чиркин В.Е. Три ипостаси государства // Государство и право. – 1993. – №8.
77. Явич Л.С. Господство права (К концепции правового государства в СССР) // Правоведение. – 1990. – №5.

ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКА.

РАДУШИНСКИЙ Дмитрий Александрович,
доцент кафедры связей с общественностью и
массовых коммуникаций Санкт-Петербургского
государственного инженерно-экономического
университета,
кандидат экономических наук
E-mail: D.Radoushinsky@gmail.com

Специальность 08.00.01 – Экономическая теория

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИКЕ (КРУПНЕЙШИЕ ТЕОРИИ 20-ГО ВЕКА)

Аннотация. В логической последовательности рассмотрены подходы, выдвигаемые в рамках семи основных теоретических школ экономической мысли, развивавшихся в 20 веке, по их отношению к роли государства в экономике. Определены обозначенные в теориях объекты государственного вмешательства и соответствующие им рычаги управления экономикой.

Ключевые слова: неолиберальные концепции управления экономикой; ордolibерализм; неоклассический синтез; долгосрочная стратегия регулирования экономики; институционализм.

RADUSHINSKIY D.A.

STATE ROLE IN ECONOMY (THE LARGEST THEORIES OF 20TH CENTURY)

The summary. The issue puts forward the seven major theoretical schools of economic thought that developed in the 20th century in their relation to the state's role in the economy within logical approach. Objects of state intervention and the corresponding levers of economic management identified in theories are studied.

Key words: neo-liberal concept of economic management; ordoliberalism; neoclassical synthesis; long-term strategy for regulating the economy; institutionalism.

Проблемы, связанные с местом, ролью и функциями государства в экономике, занимали умы ученых с самого возникновения экономической науки. В мировой экономической литературе прошлых столетий представлен довольно разнообразный спектр мнений относительно возможностей государственного регулирования рыночной экономики. При этом взгляды ученых существенно менялись в зависимости от конкретных условий развития мирового хозяйства

– был ли это период мира или войны, бурного экономического роста или затяжного циклического кризиса, галопирующей инфляции или дефляции и др. При этом объективные процессы эволюции мирового хозяйства способствовали существенному возрастанию роли экономической теории в познании закономерностей и тенденций развития экономики и разработке научно обоснованной экономической политики государства.

Следует отметить, что доля государственных

расходов в бюджетах большинства стран мира на протяжении прошлого столетия имела устойчивую тенденцию к росту.

Основу смешанной экономики составляет частная собственность. Государство – своеобразное дополнение к ней и потому не должно выступать в качестве конкурента частного капитала. Государство выполняет функцию «встроенного стабилизатора», ликвидируя (или нивелируя) неустойчивость социально-экономического развития.

Глобальный финансово-экономический кризис, разразившийся в 2008 г., еще раз заставил задуматься над эффективными механизмами регулирования экономических процессов.

В последней трети XIX в. с развитием внутренних экономических и социальных противоречий капитализма начинается стадия, характеризующаяся возникновением монополий и активным вмешательством государства в развитие экономики, ее огосударствлением. Эта стадия неоднозначно трактовалась представителями различных направлений и школ экономической теории. В процессе эволюции взглядов ученых на вопросы регулирования экономических процессов в прошлом столетии в западной науке сформировались альтернативные позиции в отношении макроэкономического регулирования:

Одни экономисты исходили из того, что система свободного рынка в определенные периоды – кризисы, войны, и т. д. – лишена внутреннего механизма, обеспечивающего макроэкономическое равновесие. Поэтому поощряется активное вмешательство государства в экономику посредством бюджетной, структурной, кредитно-денежной и социальной политики. Другие экономисты отстаивали положение о том, что рынки конкурентны, и рыночная система в состоянии автоматически достигать макроэкономического равновесия.

Характерны полярные оценки сформировавшей в XX в. в западных странах экономической системы. В начале века в марксистской политической экономии, ее называли системой «финансового капитала» и «империализма» (Р. Гильфердинг, В. Ленин), а в трудах второй половины XX в. самыми распространенными стали названия «корпоративный» и «народный» капитализм, «индустриальное общество», «общество потребления».

Совокупность течений, школ экономической мысли, развивающихся в 20 веке, по их отношению к роли государства в экономике следует рассмотреть в следующей последовательности: 1) неоклассическая экономическая теория; 2) кейнсианство; 3) институционально-социологическое направление, или институционализм; 4) неоклассический синтез; 5) неолиберализм и монетаризм; 6) ордolibерлизм; 7) леворадикальная политическая экономия.

1. Неоклассическая экономическая теория

Объект исследования неоклассической экономической теории – поведение *Homo economicus* – «человека экономического», который в качестве продавца рабочей силы, потребителя или предпринимателя пытается максимизировать свой доход, свести к минимуму затраты (или усилия). Этот подход в экономической теории возник в 70-е гг. XIX в., что известно как «маржиналистская революция». Тогда представители различных европейских университетов на разных языках (немецком, английском, французском) высказали новаторские для того периода идеи, базирующиеся на концепции предельной полезности. «Отцы маржинализма» – К. Менгер, У.С. Джевонс, Л. Вальрас.

Основной категорией анализа сторонники маржинализма и неоклассической экономической теории считают предельную полезность, противопоставляя ее теории трудовой стоимости. Ценность (стоимость) товара они определяют полезностью последнего, наименее необходимого предмета потребления, то есть предельной полезностью.

Маржиналисты и неоклассики – выраженные сторонники свободного рынка, саморегулирующейся экономической системы. Они считают государственное регулирование бессмысленным в длительном промежутке времени, поскольку оно деблокирует действие рыночных регуляторов. Представители неоклассической школы выступают за нормативный характер экономической науки, то есть за нацеленность ее на разработку экономической политики, конкретных практических мер и рекомендаций.

Принципы неоклассической школы были развиты в австрийской школе Ф. Визером, Е. Бем-Баверком, подняты на высокий мировой уровень А. Маршаллом, С. Викслем, Дж.Б. Кларком, А. Пигу и другими экономистами.

2. Кейнсианство и его эволюция

Кейнсианство – макроэкономическое течение, сложившееся как реакция экономической теории на Великую депрессию в США и одно из ведущих направлений современной экономической теории получила название от имени Джона Майнарда Кейнса (1883 – 1946). Основополагающей работой теории стала «Общая теория занятости, процента и денег», опубликованная в 1936 году. Кейнс доказывал, что в кризисных условиях без активного вмешательства государства в развитие социально-экономических процессов, без существенного расширения функций государства капитализм может оказаться под угрозой социалистических революций.

Кейнсианство исследует практические пути стабилизации экономики, количественные связи макроэкономических величин: национального дохода, капиталовложений, занятости, потребления и др. Решающая сфера воспроизводства – рынок, основные цели – поддержание «эффективного спроса» и «полной занятости». Важно отметить, что кейнсианство использует те же механизмы, что классическая и неоклассическая школы, но различается по ряду гипотез и приходит к совсем иным выводам.

Кейнс одним из первых в западной экономической науке обосновал макроэкономический подход к анализу социально-экономических процессов, оперируя такими глобальными категориями, как национальный доход, совокупные инвестиции, потребление, занятость, накопление и др., которые рассматривал в их взаимодействии и взаимосвязи, создав концепцию рыночной экономики как целостной системы.

В отличие от неоклассиков, Кейнс утверждал, что равновесие экономической системы – исключительно редкое явление вследствие действия механизма свободной конкуренции, подвижности капитала, монополизации и т. д. Чтобы приблизиться к равновесию, необходимо, прежде всего, регулировать спрос путем повышения эффективности инвестиционных процессов со стороны предприятий и государства («эффект мультиликатора») и тем самым воздействовать на производство. Таким образом, в его теории решающая роль отводилась инвестициям, от прибыльности и размеров которых зависят темпы экономического роста, масштабы производства. *Расширение функций*

государства, по мнению Кейнса, необходимо для рационального использования трудовых ресурсов, борьбы с ростом безработицы, кризисами. С этой целью он предлагал увеличивать государственные закупки товаров, государственные расходы на общественные работы и даже на военные цели.

Кейнс выстраивал следующую цепочку: падение общего покупательского спроса вызывает сокращение производства товаров и услуг. Сокращение производства ведет к разорению мелких товаропроизводителей, к увольнениям наемных работников большими предприятиями, и крупномасштабной безработице. Безработица влечет снижение доходов населения, то есть покупателей. А это, в свою очередь, форсирует дальнейшее падение покупательского спроса на товары и услуги. Возникает замкнутый круг, удерживающий экономику в состоянии хронической депрессии.

Кейнс предлагал следующий выход: если массовый потребитель не способен оживить совокупный спрос в масштабах национальной экономики, это должно сделать государство. Если государство предъявит (и оплатит) предприятиям некий крупный заказ, это приведет к дополнительному найму рабочей силы со стороны этих фирм. Получая заработную плату, бывшие безработные увеличат свои расходы на потребительские товары и, соответственно, повысят совокупный экономический спрос. Это, в свою очередь, повлечет рост совокупного предложения товаров и услуг, и общее оздоровление экономики. При этом начальный государственный заказ, предъявленный предприятиям, может быть грандиозным и в той или иной степени даже малополезным.

Таким образом, из методов регулирования в кейнсианстве решающее значение придается государственным расходам, расширение которых иногда обеспечивается в определенной степени дефицитным финансированием, то есть появлением контролируемого дефицита в государственном бюджете (7-10% от доходов).

Основная цель роста государственных расходов – увеличение эффективного спроса со стороны самого государства и создание благоприятных условий для частных капиталовложений.

Важнейшие направления государственных расходов, согласно этой концепции, – научные исследования, производственная и социальная инфраструктура (образование, подготовка и

переподготовка кадров, медицинское обслуживание).

В результате применения комплекса мер возникает эффект мультипликации, согласно которому инвестиции, осуществляемые правительством, благоприятно сказываются на динамике валового внутреннего продукта, обеспечивают рост занятости, расширяют потребление.

Увеличение объема частных инвестиций государство должно стимулировать удешевлением кредита. От общей суммы инвестиций зависит объем национального дохода, уровень занятости, соотношение спроса и предложения. При этом наиболее действенным средством регулирования совокупного спроса Кейнс считал все же бюджетное регулирование, поскольку во время кризиса снижение процентной ставки слабо влияет на уровень инвестиций.

Сторонники Кейнса выступали за активизацию процессов перераспределения национального дохода, увеличение социальных выплат, за антикризисное и антициклическое регулирование. Все эти меры направлены на ускорение развития экономики, ослабление глубины и остроты экономических кризисов, социальной напряженности в обществе. Но такое стимулирование спроса привело в 70-е гг. к высокому уровню инфляции, углублению диспропорций в экономике и на рынке труда, росту дефицита государственного бюджета и т. п. Поэтому современные последователи Кейнса отказываются от ортодоксальных положений его учения, отстаивают необходимость государственного регулирования совокупного спроса в органической взаимосвязи с предложением и доходами, усиления методов монетарного регулирования (Д. Робинсон, П. Сраффа и др.). В политике доходов они видят средство решения наиболее болезненных проблем экономики. Немало последователей Кейнса выступают за долгосрочное регулирование экономики в форме национального планирования, за более активное участие государства в структурной перестройке экономики, в координации экономической политики в международном масштабе.

Посткейнсианство или неокейнсианство – одно из направлений развития западной экономической науки, которое рассматривает теорию Кейнса лишь в качестве одного из

элементов новой системы экономических взглядов наряду со взглядами представителей институционального направления (их теорий рынка и ценообразования) и с некоторыми положениями теории К. Маркса по проблемам капиталистического воспроизводства.

Наиболее известными представителями данного направления являются экономисты А. Лейонхувуд (США), Д. Робинсон (Англия), Л. Пазинетти (Италия) и др. Критикуя положение неоклассической школы о способности рыночной системы обеспечить стабильный экономический рост и решить социальные проблемы, они пытаются разработать такую теорию производства и распределения продуктов, в которой темпы экономического роста, норма накопления капитала будет зависеть от распределения национального дохода между трудом и капиталом.

Значительную роль посткейнсианцы отводят анализу денег и денежно-кредитных ресурсов, образованию и нестабильности денежного спроса, которые в состоянии повлиять на процесс воспроизводства. Инфляцию они объясняют особенностями монополистического ценообразования и другими факторами, связанными с издержками производства, а финансовую нестабильность – ожиданием в условиях неопределенности, влияющим на динамику процентных ставок, оценку будущих прибылей и цен различных финансовых активов. Чтобы преодолеть инфляцию, необходимо, по их мнению, традиционные методы бюджетной и кредитной политики дополнить политикой доходов, предусматривающей добровольное соглашение профсоюзов, монополий и государства о темпах роста своих доходов в соответствии с определенными ориентирами роста производительности труда. Ими была разработана теория акселератора (от лат. accelerate – ускорять), в которой раскрывается зависимость прироста инвестиций от прироста дохода и которая органично дополняет концепцию мультипликатора. При этом устанавливается, что каждый процент прироста дохода обуславливает больший процент прироста инвестиций.

Многие посткейнсианцы выступают за разработку долгосрочной стратегии регулирования экономики, проведение глубоких структурных реформ, за внедрение системы национального планирования экономики и т. д. Эти идеи в рамках

посткейнсианства получили название левого кейнсианства. Его сторонники (П. Сраффа, Л. Пазинетти и др.) выступают за ограничение власти монополий и их прибылей, уменьшение военных расходов, расширение социальных программ, развитие образования, здравоохранения, социального страхования, жилищного строительства, справедливое распределение и перераспределение национального дохода, более эффективную антикризисную и антициклическую политику государства. Такая политика должна осуществляться, прежде всего, через госбюджет с использованием стабилизаторов (налогов, выплат на социальное страхование и др.).

Теоретико-методологической основой левого кейнсианства является соединение некоторых положений экономической теории с элементами марксистской политической экономии. Левокейнсианцы подвергают острой критике идеи неоклассической школы и, прежде всего, ее теорию предельной полезности, пытаются переосмыслить многие фундаментальные категории политической экономии путем синтеза позитивных сторон классической школы политической экономии и марксистских взглядов.

3. Институционализм

Институционализм (от лат. «*institutum*» – учреждение) – направление социально-экономических исследований, которое возникло в конце XIX – в начале XX в., рассматривает экономическую организацию общества, как комплекс различных – институтов. К институтам представители данного направления относят конкуренцию, профсоюзы, налоги, государство, монополии (корпорации), устойчивый образ мышления, юридические нормы, объединения граждан и др. Экономику они рассматривают как систему отношений между хозяйствующими субъектами, которые формируются под влиянием экономических и неэкономических факторов. Широкий социологический подход к предмету экономической теории сближает институционалистов с исторической школой.

Основоположниками институционализма являлись американские ученые Т. Веблен, У.К. Митчелл, Д. Коммонс, У. Гамильтон, английский экономист А. Гобсон и др.

Институционализм отрицает обусловленность развития человеческого общества только производственными отношениями (отношениями собственности, максимизацией полезности),

движущей силой общественного развития считает психологические, политические, социально-правовые факторы. Из-за подобной позиции институционалисты поставили себя во многом вне рамок основного течения («мэйнстрим») экономической науки, в результате данная теория часто оказывалась в оппозиции, рассматривалась как «альтернативная», редко поддерживалась властями.

Основатель течения, Т. Веблен рассматривал жизнь человека как борьбу за существование, как процесс отбора и приспособления. В основе его взорений лежало понимание человека как биосоциального существа, руководимого врожденными инстинктами и ограниченного в своем поведении рамками сложившихся общественных институтов. По мнению институционалистов, в ходе развития общества идет процесс естественного отбора институтов, система которых создает своеобразную культуру и определяет тип цивилизации. Самы институты являются особыми формами жизни (в том числе хозяйственной), человеческих связей и отношений, которые носят устойчивый характер, формируют в обществе духовные качества и свойства. В свою очередь, институты также выступают важным фактором отбора.

Представители институционализма выступили с резкой критикой маржинализма, неоклассической теории рыночного равновесия с ее базовыми категориями предельной полезности и производительности, в которых видели лишь формализованные абстракции с идеей ограничения рынка и рыночного равновесия как универсального механизма распределения ограниченных ресурсов. Они утверждали, что концепция классического общества свободной конкуренции XIX в. перестала отвечать реалиям современности, а рынок стал одним из многочисленных экономических институтов, таких, как корпорация, государство и др. Рынок способствует обогащению только крупных монополизированных предприятий, навязывающих свои товары и услуги потребителю.

Развитие институционализма в начале XX века параллельно с неклассической школой было инициировано наметившимся усилением роли государства в правовом и ином регулировании экономических процессов. В результате возникла необходимость в новом подходе к исследованию экономических явлений, основанному на признании важности социальных норм или постулатов

деятельности субъектов хозяйствования, а также в подходе, раскрывающем механизмы действия и тенденции изменения этих норм и обеспечивающих их социальных институтов.

Институционалисты имели благосклонное отношение к государственному вмешательству в рыночную экономику. В период почти абсолютного доминирования в западной экономической науке неоклассической школы (1890 – 1930-е гг.) они старались рассмотреть институт государства как необходимый элемент познания закономерностей функционирования и развития рыночной системы, а также как активный фактор функционирования этой системы. Главным образом, государство должно обеспечивать бесконфликтное «существование» разнородных и часто противоречащих элементов (институтов) реально функционирующих сегодня экономических систем.

Согласно основной доктрине институционализма, государство должно оказывать постоянное активное воздействие на нормы и правила поведения субъектов экономической деятельности, т. е. направлять эволюцию или отбор институтов, поскольку спонтанная эволюция общественных отношений не всегда следует выбору вариантов, адекватных конкретной стадии и уровню развития экономики в той или иной стране.

Различают социально-психологический (1890 – 1920-е гг.), социально-правовой (1920 – 1940-е гг.) и социально-технологический институционализм (1950 – 1980-е гг.). Автор социально-психологического институционализма Т. Веблен считает, что основа развития институтов – «инстинкт мастерства», «инстинкт к освоению новых знаний» и родственные чувства («инстинкт семьи»), а основатель социально-правового институционализма Дж.Р. Коммонс, что – это право, юридические отношения, в частности между работодателями и работниками.

Представители социально-технологического направления (поздний институционализм) Дж. Гэлбрейт, Р. Арон, Ян Тинберген и другие основой экономического развития называют внедрение науки и техники в производство и, исходя из этого, обосновывают индустриальное, постиндустриальное, информационное и другие, лишенные конфликтов, формы общества

Корпорация, в которой происходит отделение собственности от управления и осуществляется планомерное развитие в единстве со стихией

мелкого и среднего предпринимательства, представляет собой качественно новый элемент экономических институтов. При этом ключевым экономическим институтом, основой современного им общества и будущей общественной системы представители институционализма считали **государство**, которое проводит активную социальную политику, применяет индикативное планирование и регулирование хозяйственной жизни. Идеалом общественного устройства они провозгласили *государство социального благоденствия*, а условием его построения – действенный социальный контроль.

Государственная политика должна вырабатываться таким образом, чтобы обеспечить согласованное развитие полюсов роста в интересах обеспечения максимальных темпов роста, ликвидации дифференциации между отраслями и регионами и удовлетворения интересов различных социально-экономических групп. В реальности это обеспечивалось путем предоставления льгот тем фирмам, которые действовали в сферах, признанных государством приоритетными, а также в широкомасштабных государственных программах, направленных на реализацию сложных и дорогих высокорисковых проектов с длительным сроком окупаемости.

Институционалисты предусматривают различные формы социального контроля над экономикой. Сюда относятся реформы, касающиеся крупных корпораций, управления их деятельностью, государственные и регулирующие мероприятия, воздействующие на механизм рыночной конкуренции, ценообразование, занятость, состояние денежно-кредитного рынка, финансово-бюджетной системы и др. Большое место в организации социального контроля отводится планированию, включая создание и развитие государственной системы программирования и индикативного планирования. Все это объективно способствует развитию и совершенствованию государственных форм хозяйствования.

В организации социального контроля институционалисты возлагают надежды на программы «социализации», призванные расширять и укреплять экономическую базу государственного регулирования экономики и повышать его действенность. Описывая тенденции видимого им западного общества, поздние институционалисты формируют модель, по определению Р. Хейлбронера и Л. Туру,

«тотально контролируемого общества», где «традиционные опоры капитализма – узаконенность частной собственности и функционирование рыночного механизма будут исправлены до неузнаваемости, если не вообще заменены государственными директивами».

Институционалисты возлагают на государство большие надежды в организации и стимулировании научно-технического прогресса. О необходимости активизации деятельности государства в пишет американский экономист У. Ростоу, говоря о «четвертой промышленной революции», связанной с широким внедрением микроэлектроники, новых методов телекоммуникационной связи, лазерной технологии и робототехники, принципиально новых искусственных материалов и т. д. Такая необходимость обусловлена, по его мнению, тем, что усилий частного сектора здесь явно недостаточно. Именно государство – считает У. Ростоу – должно стимулировать НТП, взяв на себя в особенности заботу об организации фундаментальных исследований, улучшении системы образования, профессионального переобучения, по осуществлению экспериментальных, наиболее рискованных в коммерческом отношении проектов и т. п.

Вместе с тем – и это с сожалением отмечается институционалистами – государственное регулирование научно-исследовательской деятельности, освоения результатов НТР заключает в себе глубокое противоречие. Основная масса научных разработок, финансируемых из государственного бюджета, связана с военной и космической программами, не имеет прямого выхода на гражданское производство Дж.К. Гэлбрейт, например, неоднократно критиковал гипертрофию военных корпораций, нарастающее давление военно-промышленного комплекса, союза крупных корпораций и государственной администрации. Институционалисты выступают за ликвидацию монополии военно-промышленных компаний на многие важнейшие достижения науки, за расширение исследований и внедрение их результатов в гражданские отрасли производства.

При анализе корпорации сторонники институционализма значительное внимание уделили исследованию процесса отделения собственности от контроля за производством, который, по их мнению, привел к принципиальным изменениям в системе управления корпорацией.

Это управление осуществляется не предприниматель, а управляющие, заботящиеся о своих узко групповых интересах, и контролирующие корпорации. Такую систему американский экономист Г. Минз назвал коллективным капитализмом. Согласно теории техноструктуры Дж. Гэлбрейта, в систему управления корпорацией должны входить профессиональные руководители (как высшие менеджеры, так и бригадиры, мастера, лица, занимающихся рекламой, и т. д.). Для научного обоснования своей концепции институционалисты ввели понятие «абсентеистской» собственности – собственности, которой нет, которая рассеивается среди акционеров, теряющих контроль над средствами производства.

На основании анализа «вредных» сторон господства крупных корпораций (техноструктуры) Гэлбрейт приходит к выводу о необходимости социального контроля над экономикой со стороны государства, которое включало бы государственное регулирование общественных потребностей, государственное планирование основных народнохозяйственных пропорций и т. п. Нерациональное использование природных ресурсов, инфляция и безработица, излишнее потребление являются, по Гэлбрейту, результатом соглашательской политики техноструктуры, которая желает жить в мире со всеми слоями общества. Одним из последствий такой политики является рост заработной платы, опережающий рост производительности труда, тем самым открываящий путь инфляции. Реальную силу, способную задержать негативные процессы, Дж. Гэлбрейт видит в государстве. Только с помощью независимого от корпораций государства, по его мнению, возможно ослабить воздействие негативных процессов и обеспечить дальнейшее развитие системы.

Указание на необходимость совместных действий институтов гражданского общества – профсоюзов, обществ потребителей и т. п. – и государства против диктата предпринимателей сближают институционализм с марксизмом.

Несмотря на то, что институционалисты отразили многие тенденции государственного регулирования, имеющие место в самых передовых странах, в экономической теории институционализм остается направлением скорее не конструктивного, а критического плана. Поставив под сомнение центральные постулаты

классической политической экономии: рациональность поведения индивида, автоматическое достижение оптимального состояния экономической системы, тождественность частно-собственнического интереса общественному благу; представители институционализма оказываются вне рамок основного течения экономической мысли.

Выход за рамки приемлемых для большинства решений в теории институционализма заключается в чрезмерном дирижизме, в идеях об организации социального контроля, в создании контролируемого общества, где центральное место отводится государству. Оппоненты институционалистов, представители основных течений экономической мысли показывают, что недостатки функционирования капиталистической системы (показное потребление, устранение конкуренции, ограничение выпуска товаров и другие), не обязательно будут устранены с внедрением тотальных регулирующих мер со стороны государства.

4. Неоклассический синтез

Неоклассический синтез – обобщающая экономическая концепция, в которой объединяются рациональные элементы теории ценообразования и распределения доходов неоклассицизма и кейнсианской теории роста национального дохода. Согласно этой концепции, в зависимости от состояния экономики, следует применять либо кейнсианские, либо неоклассические рецепты воздействия на нее, но прежде всего, денежно-кредитные методы и по мере усложнения экономической системы необходимо всемерно совершенствовать методы государственного регулирования экономики.

Сторонники неоклассического синтеза рассматривают теорию общего экономического равновесия как идеальную модель функционирования экономической системы. Но в отличие от неоклассиков они предлагают использовать различные методы государственного регулирования. Поэтому концепцию неоклассического синтеза еще называют ортодоксальным кейнсианством. Его наиболее известными представителями являются американские экономисты Е. Хансен, П. Самуэльсон, Дж. Хикс, которых считают авторами теории доходов – расходов как ортодоксальной версии кейнсианской доктрины. По мнению П. Самуэльсона, решение ключевых

проблем денежной и финансовой политики с помощью теории дохода придает законную силу классическим истинам.

В противовес кейнсианской модели мультипликатора Дж. Хикс предложил модель IS–LM, показывающую с помощью соответствующего научного аппарата отличие между законом Сэя, согласно которому предложение порождает спрос, и законом Вальраса, определяющим, что сумма предложения, то есть сумма доходов и расходов в обществе совпадают. При этом в доходы включаются и денежные сбережения, их определенный объем находит свое проявление в спросе и предложении данного товара (т. е. денег), что, в свою очередь, влияет на равновесие экономической системы. Анализ совокупного спроса осуществляется Хиксом в производственном (реальном) и денежном секторах. Главным условием равновесия в первом из них он называет равенство инвестиций и сбережений, во втором – равенство спроса на ликвидность и денежной массы.

Теорию неоклассического синтеза критикуют представители монетаристской школы, в частности, М. Фридмен. Острое критики направлено, прежде всего, на тезис сторонников неоклассического синтеза о том, что механизм рыночного саморегулирования должен дополняться и корректироваться целенаправленным государственным вмешательством. По мнению монетаристов, задача государства создать условия для максимально свободного функционирования рыночного механизма.

5. Неолиберализм и монетаризм

В целом взгляды неоклассической школы политической экономии с различными течениями и направлениями получили в литературе название «либерализм» (от лат. *«liberalis»* – свободный). В экономической науке либерализм – это совокупность взглядов, основным содержанием которых является отрицание необходимости вмешательства государства в экономическую жизнь и понимание механизма саморегулирующегося рынка как единственного эффективного регулятора хозяйственных процессов. За государством остается функция охраны существующей системы. Идеи экономического либерализма основательно разработал А. Смит, выступавший за отмену остатков регламентации промышленности и

торговли государством.

Положительной стороной либерализма была его направленность против феодальных порядков, чрезмерной цеховой регламентации. Ярче всего идеи экономического либерализма сформулированы Ж.Б. Сэем в законе, гласящем, что предложение порождает собственный спрос, а капитализм способен без вмешательства государства стихийно и автоматически восстанавливать экономическое равновесие.

Методологической основой либерализма является принцип индивидуализма, согласно которому в обществе должна существовать естественная свобода человека, его независимость от социума, а отстаивание своих интересов отдельными индивидуумами ведет к удовлетворению общественных интересов, к общественному благополучию. Такие взгляды в значительной мере отражали специфику капитализма эпохи свободной конкуренции. Идеи экономического либерализма господствовали до кризиса 1929 – 1933 гг. На смену им пришло **учение Дж. Кейнса** и практическое воплощение ряда институциональных в экономической политике Ф.Д. Рузвельта (одно из доверенных лиц последнего – институционалист У.К. Митчелл).

Современные последователи экономического либерализма – американские ученые-неолибералы Л. Мизес и Ф. Хайек выступают за минимальное вмешательство государства в экономику, за предоставление максимальной свободы предпринимателям и торговцам. Л. Мизес абсолютными основами цивилизации называл частную собственность, свободный обмен и разделение труда, на котором основывается такой обмен. Но регулируемую при социализме экономику он считал запланированным хаосом, поскольку цены в ней не отражали соотношения спроса и предложения. Ф. Хайек активно отстаивал идею максимальной свободы человека, преимущества рыночной системы над смешанной, считал капитал вечной категорией. По его мнению, регулирование хозяйственной деятельности разрушает механизм передачи информации.

Монетаризм (от англ. money – деньги) – экономическая теория, согласно которой денежная масса в обращении играет определяющую роль в формировании экономической конъюнктуры и установлении причинно следственных связей между изменением количества денег и величиной

валового национального продукта, а также в развитии производства. Монетаризм возник в середине 50-х гг. XX в. в США.

Лидер монетаристов – руководитель чикагской школы политической экономии М. Фридмен – выступает против активного и широкомасштабного вмешательства государства в экономику, против государственных мер стимулирования спроса, выдвигая при этом лозунг «Назад, к Смиту». Рыночное хозяйство он считает наиболее рациональным, а возникающие в нем диспропорции – следствием внешнего (государственного) вмешательства. Он, в частности, выступает против налогового и бюджетного регулирования.

Монетаристы, являющиеся последователями неоклассической теории равновесия рыночной экономики, поддерживают ее концептуальное положение о тождественности сбережений и инвестиций. В противовес кейнсианству, которое спрос на деньги считает неустойчивым и подверженным воздействию спекулятивных мотивов, монетаризм исходит из стабильности функции спроса на деньги, обусловленной устойчивой склонностью к сбережениям. Из этого делается вывод, что эффективное функционирование и развитие рыночной системы могут быть достигнуты при условии соответствия изменений денежной массы изменениям массы товаров (ВВП); в свою очередь, динамика инвестиций, рассматриваемых как воплощенная форма сбережений, определяется изменениями денежной массы.

В отличие от кейнсианской теории монетаризм предполагает, что дискретная политика государства по манипулированию денежным предложением препятствует функционированию рыночной экономики, нарушая ее стабильность. Вследствие инерционности рыночного механизма могут возникать различные последствия, которые являются предсказуемыми лишь на краткосрочном отрезке. Несвоевременное вмешательство государственных органов может привести к искажению рыночной конъюнктуры, лишает хозяйствующие субъекты экономических ориентиров. Регулирование инвестиций посредством воздействия на процентную ставку вызывает нарушение механизма саморегулирования, ведет к резким колебаниям денежной массы в обращении, росту инфляции. Поэтому для стабилизации экономики лучше всего из года в год поддерживать постоянный рост

денежной массы, соответствующий долгосрочному прогнозу по росту экономики (на базе роста ВВП).

Рекомендуемый Фридманом темп прироста денежной массы в обращении на уровне 3 – 5 % в год («золотое монетарное правило» или «денежное правило»). Регулирование величины и темпов роста денежной массы осуществляется методом таргетирования, предполагающего установление целевых ориентиров роста денежных агрегатов на предстоящий период исходя из ожидаемого повышения производственного потенциала и роста цен в течение таргетируемого периода, а также учет количественных параметров денежной массы в действиях всех участников рынка.

Стабилизация цен, нивелирование инфляционной компоненты в результате политики таргетирования ведет к стимулированию конкуренции. В этих условиях происходит восстановление механизма равновесных цен, ориентирующих инвестора на вложение в более прибыльные сферы инвестиционной деятельности. Использование монетарного правила должно учитывать долгосрочные цели. Общее изменение денежной массы за определенный период не должно превышать расчетного долгосрочного темпа.

Средствами регулирования экономики монетаристы считают также достижение сбалансированности государственного бюджета (сокращение бюджетного дефицита), установление высоких процентных ставок. С целью воздействия на инвестиционный процесс государство использует также снижение налогового бремени.

Положительной стороной монетаризма является всеобщий анализ механизма действия денег на рынок товаров, обоснование влияния монетарной политики на развитие экономики, а негативной – необоснованная абсолютизация роли денежной массы как определяющего звена хозяйственного механизма.

Монетаризм можно назвать особым подходом к анализу экономического роста, национального дохода, занятости, проблем открытой экономики.

По мнению монетаристов, рыночная система имеет два принципиальных преимущества – она чрезвычайно динамична и является саморегулирующейся. В результате эта система дает широкий простор для изменений, восприимчива к нововведениям, гибко приспосабливается к новым потребностям.

Рынок побуждает людей проявлять энергию, умение, амбиции, идти на риск. Рыночная система способна обеспечить быстрый и эффективный рост, источник которого – это, прежде всего, активность и предпринимчивость людей. Механизм саморегулирования экономически эффективен, требует относительно мало затрат.

М.Фридман бескомпромиссно отстаивал идею об исключительном значении устойчивости денег для нормального функционирования экономики. Отклонение от этого правила означает распад всех механизмов, с помощью которых части рыночной экономики образуют единое целое.

Кredo денежной политики монетаристы определяли как стабильность, стабильность и еще раз стабильность. Стабильный рост запаса денег обеспечивает, с определенным лагом стабильный рост производства. Отсюда «денежное правило»: Центральный банк обязан поддерживать устойчивость прироста денежного запаса независимо от циклического движения хозяйственной конъюнктуры.

Положение о том, что прирост денежной массы не должен превышать 3 – 5 % в год, легло в основу политики многих стран мира и большинства международных валютно-финансовых организаций.

Выражая интересы самых консервативных кругов монополистического капитала, монетаристы пытаются ликвидировать или существенно урезать социальные программы государства, считают безработицу меньшим «злом» по сравнению с инфляцией. Рецепты монетаристской школы воплощены в программах Международного валютного фонда. Навязывая их государствам – бывшим республикам СССР – в качестве условия предоставления кредитов, эксперты фонда (как и других международных организаций) обосновывают пути выхода этих стран из глубокого экономического кризиса, не учитывая национальной специфики каждой из них, исторических и структурных тенденций в экономике. Монетаристским рецептам стабилизации в 1980–90-х гг. пытались следовать правительства многих латиноамериканских стран, России и Украины, вследствие чего народное хозяйство получило неоднозначное воздействие.

6. Ордolibерализм и теория социально ориентированного рыночного хозяйства

Идеи неолиберализма были положены в основу теории социально ориентированного рыночного

хозяйства, одним из авторов которой был известный немецкий экономист и государственный деятель Л. Эрхард. Данная теория провозглашает необходимость свободной конкуренции, свободных цен и т. п., гарантирование государством данных условий наряду с социальной направленностью их развития.

В то же время допускается использование государственных рычагов регулирования экономики (государственного распределения ресурсов и контроля над ними), которые значительно ослабляются после достижения поставленной цели.

Ордoliberalizm учитывает подход новой исторической школы, для которого характерно рассмотрение реальных экономических систем в их эволюции, ордoliberalы, в отличие от неоклассиков, оценивали процессы хозяйственной жизни с макроэкономических позиций, а не микроэкономических.

При этом с традиционным либерализмом ордoliberalizm роднит идея индивидуальной свободы на основе всемирного укрепления и поощрения частной собственности на средства производства. Вместе с тем, ордoliberalizm отличается от либерализма эпохи капитализма свободной конкуренции тем, что он выступал за активное государственное воздействие на экономику: «система «laissez faire» пришла к саморазрушению, поскольку принцип нерегулируемой свободы договоров создал предпосылки для подрыва механизмов конкуренции». Однако, объектами вмешательства ордoliberalы, в отличие от кейсианцев, считали не сам процесс воспроизводства, а институциональные основы механизма прибыли и конкуренции.

Основу ордoliberalizma составляют учение о строе конкуренции и концепция социального рыночного хозяйства. Взгляды Вальтера Ойкена (Eucken; 1891 – 1950) и возглавляемой им «фрайбургской школы» положили начало организационной консолидации ордо-либералов, «отцов» концепции социального рыночного хозяйства.

В истории формирования немецкого ордoliberalizma следует выделить две фазы. На начальном этапе, в 1936 – 1945 гг., при фашистском режиме, немецкие ордо-либералы могли только обсуждать свои идеи, причем заведомо в узком кругу и без широкого общественного резонанса.

Лишь на следующем этапе, после крушения Третьего рейха, либеральные экономисты вышли из «интеллектуального подполья» и начали активную пропаганду своих взглядов как практической парадигмы реформирования экономики послевоенной Германии.

Ойкеном были сформулированы принципы экономической политики, которая призвана создавать и поддерживать «конкурентный порядок» (ordo – «естественный строй... свободного рыночного хозяйства») или «полную конкуренцию», обосновываясь необходимостью deregulirovaniya созданной в 30-40-х гг. модели германской экономики, в частности критиковался и контроль над экономикой со стороны оккупационной администрации коалиции западных стран после поражения Гитлера. Господство властных групп (в лице картелей, концернов и т. п.) создавало условия для утверждения тех или иных вариантов централизованно-административного хозяйства. В этих условиях, по мнению В. Ойкена, «важнейшая задача состоит в том, чтобы этой новой, индустриализированной экономике с глубоким разделением труда дать дееспособный и достойный человека порядок хозяйства, который мог бы существовать достаточно долго. Дееспособный и достойный человека означает следующее: в нем должна максимально широко и надолго преодолеваться ограниченность благ, которая изо дня в день тяжким бременем ложится на большинство домашних хозяйств. Одновременно в этом порядке должна стать возможной самостоятельная ответственная жизнь людей».

Теория хозяйственного порядка Ойкена в то время противопоставлялась экономическим идеям Кейнса и подразумевала, что активная государственная политика должна быть направлена только на обеспечение конкуренции (разрушение монополий, олигополий) в различных секторах экономики, во всем остальном государство делегирует полномочия рынку. Обезопасить общество от негативных последствий действия рынка в этих условиях призваны «регулирующие принципы», которые поддерживаются «всей правовой системой цивилизованного общества» – по сути, устоявшимся хозяйственным менталитетом, характерным для западных стран.

Если Кейнс объяснял недуги капитализма хроническим недостатком эффективного спроса,

что при невмешательстве государства в экономику лишает этот строй стимулов к развитию, то ордolibералы видели источник бед в подрыве конкуренции, монополизации. Монополия – отклонение от модели конкуренции. К монополистам он причислял и профсоюзы, этим обосновывая правомерность принятия предпринимателями и государством ограничительных мер против них.

Из пассивности государства Ойкен выводил подрыв совершенной конкуренции и социальные издержки капитализма, которые могут быть устранены при помощи государства.

Основным направлением государственной экономической политики является формирование хозяйственного строя: регулирование монополии и конкуренции, соотношения частной и государственной собственности, прямых и косвенных мер вмешательства в экономику, установление правовых норм хозяйствования.

Ордolibералы противопоставляли постоянство экономической политики идеям Кейнса, считавшего необходимой гибкую фискальную и кредитно-денежную антициклическую политику. Государственное воздействие на хозяйственный процесс ордolibералы допускали лишь в исключительных случаях, связанных с действием экзогенных факторов.

Теория ордolibералов не могла использоваться в Западной Германии после войны по двум причинам:

- 1) из-за объективной необходимости более гибкого государственного воздействия на экономику, чем это допускали ордolibералы;
- 2) строй конкуренции не находил поддержки у широких слоев населения из-за кризиса 20–30-х гг.

Эти обстоятельства были учтены теоретиками социального рыночного хозяйства. Этот термин впервые появился в 1947 г. в работе А. Мюллера-Армака «Регулирование экономики и рыночное хозяйство».

Если Ойкен провозглашал венцом социальной справедливости рыночное распределение доходов в условиях совершенной конкуренции, то Мюллер-Армак выступал за активную социальную политику, подчиненную принципу социальной компенсации, что являлось основным отличием социального рыночного хозяйства от капитализма.

Главным инструментом социальной компенсации Мюллер-Армак считал

прогрессивное налогообложение лиц с высокими доходами и перераспределение этих средств в пользу менее имущих слоев в виде бюджетных дотаций на содержание детей, выплату квартплаты, строительство собственных жилищ. К другим формам социальной политики он причислял развитие системы социального страхования: по безработице, болезни и достойной человека социальной инфраструктуры.

Рекомендации В. Ойкена и других ордolibералов «фрайбургской школы» (Х. Гроссман-Дерт, Ф. Бем, Ф. Лутц, В. Репке и др.) авторы идей «социального рыночного хозяйства» считали воззрения чересчур «академичными», при этом отдавалась дань их приверженности принципам рыночной экономики.

В проводимой в период подъема германской экономики 1950 – 70-е гг. политике для населения Германии создавались значительные социальные гарантии, так или иначе поддерживались крупные концерны, применялись кейнсианские подходы к регулированию экономики, что действительно не вполне соответствовало воззрениям школы Ойкена.

Выдающуюся роль в практической реализации ордolibеральных идей сыграл профессор Людвиг Эрхард (1897 – 1977 гг.), вице-канцлер ФРГ при Аденауре и канцлер после его смерти. В работе «Благосостояние для всех» (1956 г.), которая явилась отчетом о проделанных преобразованиях, Эрхард отмечает, что основные цели социального рыночного хозяйства – свобода и справедливость, причем экономическая свобода невозможна без политической свободы, без государственных гарантий обеспечения прав и свобод человека, без социальной защищенности и социальной справедливости.

«Второе рождение» идеи «фрайбургской школы» испытали уже в 1980-х гг., когда во власти в Германии пришли консервативные партии ХДС/ХСС, провозглашавшие приоритет индивидуальной экономической эффективности перед социальной справедливостью. Неолиберальные концепции управления экономикой стали доминировать в западных странах с конца 70-х гг. XX века, при этом концепции Ойкена, относящиеся к 1940-м гг., наиболее органично вписались в «консервативную волну» именно в этот период, спустя десятилетия после смерти автора.

Однако, несмотря на принадлежность к консервативному блоку, В. Ойкен продолжает

оригинальную немецкую традицию в экономической теории, выдвигая близкую к «старому» институционализму концепцию «экономического конституирования», предлагая «мышление категориями порядка». Кроме того, практическая реализация идей ордolibерализма имела значительную социальную направленность. В связи с этим «фрайбургскую школу» принято относить к левому крылу неолиберализма.

Ордolibералы выступают за «рыночную экономику», но против «рыночного общества». Они исходят из того, что степень эффективности «рыночного порядка» в экономике зависит от состояния нерыночных институтов в системе «социального порядка». В этом плане наиболее показательна позиция Вильгельма Репке (Ripke), который подчеркивал, «что проблема хозяйственного порядка является специальной – хотя и чрезвычайно важной – проблемой, которую следует четко отличать от других проблем общественного порядка, несмотря на существующую общую взаимосвязь всех этих проблем. А потому и их решение может потребовать совершенно разных средств. Если рыночная экономика есть наилучшее решение проблемы хозяйственного порядка, то она, разумеется, будет только одним ответом (частью ответа) на этот специфический вопрос. Рыночная экономика в полностью атомизированном, пролетаризированном и массовизированном обществе представляет собой нечто иное по сравнению с рыночной экономикой в обществе с широким распылением собственности, устойчивыми источниками средств существования, здоровой социальной структурой и богатством истинных сообществ, дающих человеку опору (семья, община, соседство, профессия, религиозно-духовные общества), с противовесами для рыночно-ценовых механизмов, с индивидами, у которых есть корни и чье существование нельзя оторвать от естественных жизненных опор, в обществе с равновесием властных групп и широким самостоятельным средним сословием, со здоровыми отношениями между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством» [1, стр. 136]. По сути, именно вписывание рыночной экономики в систему не сводимого к рынку социального порядка придает ей, по мысли ордolibералов, характер «социального рыночного хозяйства».

7. Леворадикальная политическая экономия

Одним из течений современной экономической мысли является леворадикальная политическая экономия, которая отражает интересы промежуточных слоев развитых стран Запада, прежде всего, интеллигенции. Поскольку промежуточные слои складываются из различных групп и прослоек, а среди интеллигенции наблюдается резкая дифференциация, леворадикальной политэкономии свойственна некоторая неоднородность и даже противоречивость методологических и теоретических основ.

Местом зарождения данного течения были университеты развитых стран мира, прежде всего, США. К представителям леворадикальной политэкономии относятся известные ученые-экономисты Г. Шерман, Р. Эдванс (США), П. Андерсон, Дж. Харрисон (Великобритания) и др. Леворадикальную политическую экономию отличает широкий социологический подход к анализу экономических явлений и процессов: кроме отношений собственности, она приобщает к предмету своего исследования *социальные, политические, правовые, психологические и другие аспекты*. При этом большинство представителей данного направления считают марксизм его теоретической и методологической основой.

Заметное влияние на эволюцию леворадикальной политической экономии оказали западногерманские теоретики Г. Маркузе и Э. Фромм, представители институционального направления западной экономической мысли Дж. Гэлбрейт, Р. Хейлброннер и др.

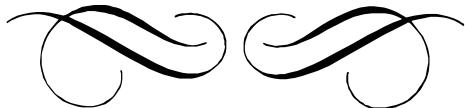
Сторонники леворадикальной политической экономии резко критируют неоклассическое направление политической экономии; выступают против господства монополий (в том числе транснациональных) и крупной капиталистической собственности, чрезмерных военных расходов, неравномерности при распределении доходов, против эксплуатации. Характерным в их взглядах является и то, что высшим критерием общественного прогресса они считают всестороннее развитие личности, провозглашают социализм более совершенным, чем капитализм, строем. Но на основе анализа советского опыта немало представителей леворадикальной

политической экономии делали вывод об отсутствии социализма в СССР, выступали за трудовую коллективную собственность. Однако многие придерживаются и иных взглядов –

считают необходимым утверждение плюрализма форм собственности, выступают за демократическую централизацию в управлении экономикой и т. д.

Список литературы

1. История экономических учений (современный этап): Учебник / Под общ. ред. А.Г. Худокормова. – М.: Инфра-М, 2004.
2. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой: Учеб. пособие. – М.: Инфра-М, 2001.
3. Потапова И.С. История экономических учений: Уч. пособие. – М: Гинфо, 2000.
4. Радушинский Д.А. Монетаризм – ведущая школа современного экономического либерализма // Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР 2007 г. (март-апрель 2008): Сб. докладов / Под. ред. В.А. Грошева. – СПб: Изд-во СПбГУЭиФ, 2008.
5. Радушинский Д.А. Монетаризм и рыночная трансформация экономики в России // Сборник научных трудов кафедры экономической истории / Под. ред. В.В. Круглова. – СПб: Изд-во СПбГУЭиФ, 2003.
6. Рёпке В. Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм / Пер. с нем. / Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. – М.: Экономика, 2002.
7. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. – М., 1968.

МОТЫШИНА Марина Станиславовна,
профессор кафедры экономики и управления
Санкт-Петербургского гуманитарного
университета профсоюзов,
доктор экономических наук, профессор
E-mail: motishina@yandex.ru

МОТЫШИНА Елена Владиславовна
аспирант Санкт-Петербургского государственного
университета экономики и финансов
E-mail: motishina@yandex.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством: менеджмент

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ УПРАВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИЯМИ В ПРОЕКТЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные задачи управления коммуникациями, решение которых необходимо для успешного управления проектами.*

***Ключевые слова:** управление проектом; управление коммуникациями; информационные шумы.*

MOTYSHINA M.S.
MOTYSHINA E.V.

MAIN TASKS OF THE COMMUNICATION MANAGEMENT IN THE PROJECT

***The summary.** The article deals with the basic tasks of communication management, necessary for successful project management.*

***Key words:** project management; communication management; information noise*

Управление коммуникациями является одной из важнейших групп процессов в методологии и практике управления проектами. Известно, что большую часть времени в управлении проектом занимают коммуникации. От эффективности их организации во многом зависит успешность всего проекта. По оценкам в 2009 г. лишь 32 % проектов были успешными, остальные – либо проблемными (44 %), т. е. выполненные с нарушениями (сроков, бюджета, задач), либо и вовсе проваленными (24 %) [1]. В значительной мере эти результаты являются следствием неэффективных коммуникаций. Коммуникации могут быть самого разного типа: внешние и внутренние, формальные и неформальные, горизонтальные и вертикальные и др.

Основной целью управления коммуникациями является обеспечение участников проекта

информацией, необходимой для выполнения проекта в нужное время и в нужном месте. Управление коммуникациями обеспечивает соответствующие связи между участниками проекта, членами команды и внешним окружением для обмена идеями и информацией, необходимыми для успеха проекта. Особенность коммуникаций состоит в том, что, с одной стороны, они являются предметом целенаправленного регулирования со стороны руководителя проекта, с другой стороны, коммуникации обеспечиваются через все функции управления проектом в ходе их реализации. Существует и обратное влияние коммуникаций на все функции управления – именно посредством коммуникаций руководитель проекта реализует свои функции. Таким образом, коммуникации являются связующими процессами в управлении проектами.

Управление коммуникациями в проекте включает процессы, необходимые для обеспечения своевременного и корректного формирования, сбора, распределения, хранения и окончательного закрытия информации по проекту. В соответствии с действующими стандартами, например стандартом PMBOK [2], управление коммуникациями включает следующие основные процессы:

- определение заинтересованных сторон проекта – процесс выявления всех людей или организаций, на которых будет оказывать влияние проект, и документирования значимой информации относительно их интересов, вовлеченности и влияния на успех проекта;
- планирование коммуникаций – определение потребностей участников проекта в коммуникации и информации;
- распространение информации – своевременное предоставление необходимой информации участникам проекта;
- отчетность по исполнению – сбор и распространение информации о выполнении работ, в том числе, отчеты о текущем состоянии, оценку прогресса и прогнозирование;
- управление ожиданиями заинтересованных сторон проекта – процесс общения и работы с заинтересованными сторонами проекта с целью удовлетворения их потребностей и решения возникающих проблем.

Процессы управления коммуникациями тесно связаны как между собой, так и с другими процессами. Формальные связи между процессами, их входы, выходы, а также методы и инструменты описаны в нормативных документах.

Однако, несмотря на регламентацию указанных процессов, в теории и практике управления коммуникациями существует множество проблем, которые слабо поддаются формализации, но, вместе с тем, требуют серьезного внимания.

В основе управления коммуникациями лежит, так называемая «базовая модель коммуникации» (рис. 1). Модель иллюстрирует движение информации между отправителем и получателем по каналам сообщения, а также возникающие при этом помехи, иначе называемые информационными шумами или коммуникационными барьерами. В процессе передачи или восприятия сообщения часть информации может быть потеряна в силу различных причин.

Вначале сообщение, представленное упорядоченной последовательностью знаков, передается по физическому каналу связи и принимается. Качество приема зависит от физического шума в канале и приемнике, от пропускной способности последнего. Как правило, в методологии проектного управления наибольшее внимание уделяется именно этому типу шумов, к которым относятся, например, помехи в информационных каналах, ошибки кодирования и декодирования сообщений, недостаток или избыточность информации, несвоевременность передачи сообщений.

Однако существуют и другие шумы (барьеры), затрудняющие коммуникации в проекте. Сообщение должно быть понято, усвоено получателем. Для этого оно должно пройти семантический фильтр, отсеивающий семантический шум, а именно – отсутствие однозначного соответствия между знаком и объектом, между знаком и понятием (что не позволяет точно истолковать полученное

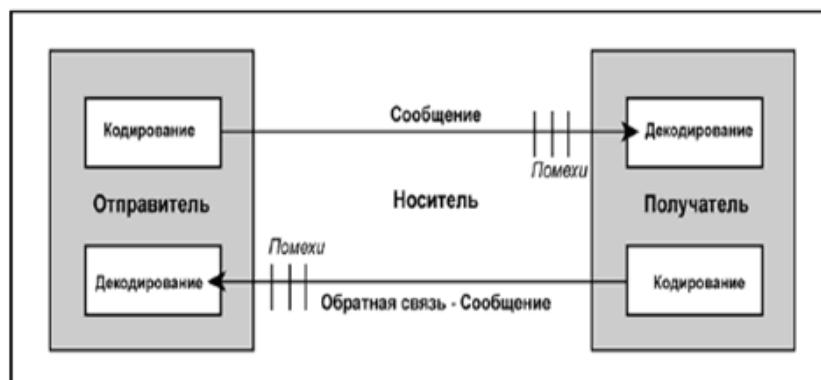

Рис. 1. Базовая модель коммуникации [2].

сообщение); отсутствие в сообщении сведений, не содержащихся в тезаурусе получателя; отсутствие в тезаурусе получателя кода для расшифровки полученного сообщения и т. п. Примером семантических шумов являются языковые барьеры в международных проектах.

Содержание сообщения может быть принято, понято, и все же не исключено, что для конкретного получателя оно не доставит информацию, если он не настроен на его восприятие и использование. Следовательно, содержание сообщения должно быть еще и оценено. Сведения, бесполезные для решения актуальных задач конкретного участника проекта, отсеиваются им как *прагматический шум*. В этой связи, участнику проекта должна быть предоставлена действительно ценная для него информация. Однако прагматический шум может быть обусловлен и другими обстоятельствами, например, скрытыми мотивами участника.

Помимо указанных информационных шумов в управлении коммуникациями проекта целесообразно учитывать также *психологические и эмоциональные барьеры*. Они могут быть связаны с личными или внутригрупповыми конфликтами.

Знание информационных барьеров необходимо уже на этапе формирования концепции и планирования коммуникаций, которое, в свою очередь должно осуществляться на самых ранних этапах проекта.

Управление коммуникациями в проекте включает следующие основные задачи.

1. Разработку концепции управления коммуникациями в проекте, в том числе:

- выработку стратегии управления коммуникациями (определение целей и задач, общих требований и ограничений);
- определение базовой документации проекта;
- определение требований к коммуникациям;
- обоснование и выбор коммуникационных технологий для управления проектом.

2. Планирование коммуникаций:

- разработку структуры сети информационных потоков в проекте;

- определение информационных потребностей участников проекта;
- выбор и обоснование методов и средств работы с информацией;
- определение технического и программного обеспечения;
- организацию распределения информации в проекте;
- разработку системы отчетности об исполнении работ;
- распределение ответственности за подготовку необходимой документации;
- разработку регламента обмена информацией;
- определение и формализацию процедур сбора, передачи, хранения и отображения информации;
- разработку плана управления коммуникациями.

3. Организацию и контроль информационной поддержки в проекте:

- организацию управления коммуникациями в проекте;
- информационную поддержку выполнения проекта;
- контроль функционирования системы коммуникаций;
- ведение управленческой документации.

4. Анализ коммуникаций в ходе выполнения проекта:

- анализ сбоев и нарушений при обеспечении участников проекта необходимой информацией;
- анализ запросов на внесение изменений;
- анализ функционирования системы коммуникаций после внесения необходимых изменений;
- анализ и оценку всей системы коммуникаций в проекте.

Особое значение в управлении коммуникациями принадлежит адекватному распределению информации между ключевыми участниками проекта, чтобы не возникал эффект «асимметрии информации».

Список литературы

1. CHAOS Summary 2009. The Standish Group International. – 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.standishgroup.com/newsroom/chaos_2009.php
2. Руководство к Своду знаний по управлению проектами. 4-е издание (Руководство PMBOK) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dsr.belregion.ru/dsr/uploads/ugleblenoc_upravlenie/PMBOK_4th_Edition_RUS.pdf

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,
профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: B.V.I.@inbox.ru

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,
профессор Саратовского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: naukarf@yandex.ru

ШХАГАПСОЕВ Заурби Лелович,
начальник Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: shkhagapsoev@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассмотрены различные аспекты интеграции юридического образования России в европейское образовательное пространство. Авторы обосновывают идею о неразрывной связи этого процесса с этапами становления в нашей стране гражданского общества и развития правового государства. Проанализировав многочисленную литературу по данной проблеме, они говорят о главенствующей роли здесь гражданско-правовой культуры. Она толерантна по своей сути и миротворческая по своей нацеленности, интегративна по содержанию.

Интересно в работе представлено соотношение человека, общества и государства. Обосновывается мысль о правах и обязанностях человека, их значении, соблюдении и защите как высшей ценности общества и основополагающей обязанности государства. Заслуживает поддержки идея о приоритете интересов личности над интересами государства, о необходимости более качественного исполнения обязанностей российского государства перед гражданами. Такое же отношение вызывает и авторский вывод о том, что гражданское общество нуждается в праве, в правовом государстве, а его граждане в юридическом образовании, которое выступает в качестве гражданской ценности.

Ключевые слова: юридическое образование; гражданское общество; правовое государство; гражданско-правовая культура; социальная ценность; интересы личности; интересы государства; приоритет интересов; ответственность государства перед гражданами.

LEGAL EDUCATION AS A SOCIAL VALUE OF CIVIL SOCIETY AND LAW-BASED STATE

The summary. The article discusses various aspects of integration of legal education in Russia into the European educational space. The authors justify the idea of inextricable connection of this process with the stages of formation of civil society and development of law-based state in this country. Having analyzed numerous papers on this issue they say of the dominant role of civil legal culture in this area. It is tolerant by its nature and peace-making in its determination, integrative in content.

The correlation of the individual, society and state is presented in the paper with a point of interest. The justification is given to the concept of individual's rights and duties, their significance, observance and protection as the highest value of the society and the fundamental responsibility of the state. The idea of the priority of the individual's interests over the interests of the state, on the need more efficient execution of Russian state duties to the citizens deserves the support. The same attitude is caused by the authors' conclusion that a civil society needs in the law, law-based state, and its citizens – in legal education which acts as a civil value.

Key words: legal education; civil society; law-based state; civil legal culture; social value; individual's interest; interests of the state; priority of interests; responsibility of the state to the citizens.

На современном этапе развития европейского сообщества одна из главных задач перед европейскими гражданами заключается в объединении Европы, ее индивидуальных интеллектуальных человеческих и образовательных ресурсов. В формировании единой, могущественной, конкурентоспособной и процветающей Европы прямо заинтересованы подавляющее большинство представителей бизнеса, политиков, институтов образования, науки и культуры. Существенным препятствием на пути объединения европейских стран выступают разрозненные образовательные системы, что делает невозможным сравнивать уровни образования и образовательной культуры граждан Европы.

В целях обеспечения интеграции образовательных систем и образовательной культуры граждан Европы, значительного улучшения качества образования и удовлетворения социальных запросов общества, был создан так называемый «механизм», позволяющий «запустить реформы в действие». При таких обстоятельствах был принят «Болонский процесс»

как общественное наименование всех событий и документов, касающихся проблем формирования зоны европейского высшего образования, а также активизации европейской системы высшего образования в мировом масштабе. В соответствии с идеями и установками Болонского процесса в срок до 2010 года предполагалось сравнивать квалификации в области высшего юридического образования, переход на двухступенчатую систему высшего юридического образования, повышение академической мобильности студентов и преподавателей, обеспечение необходимого качества высшего образования, взаимное признание квалификаций и документов в области высшего юридического образования.

Следует отметить, что все правовые, организационные и учебно-методические документы Болонского процесса ориентируют и на признание национального своеобразия образовательных систем, образовательной и гражданской культуры отдельной страны. Так, лиссабонская «Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе» (от

11.04.1997) обращает внимание на то, «что большое разнообразие систем образования в европейском регионе является отражением его культурного, социального, политического, философского, религиозного и экономического многообразия, являющегося исключительным достоянием, которое требует всемирного уважения» [16, стр. 40]. В другом документе – Парижской декларации – так же подчеркивается: «Открытая зона европейского высшего образования несет богатство позитивных перспектив, конечно же, с уважением наших различий, но требует, с другой стороны, продолжения усилий по ликвидации барьеров и разработки таких рамок для преподавания и обучения, которые расширили бы мобильность, сделали сотрудничество более близким, чем когда-либо было ранее» [16, стр. 40; 42, стр. 61].

Более того, Болонский процесс нацелен на формирование «Европы знаний», объединения университетского образования и в конечном итоге на формирование единой гражданско-правовой культуры европейских граждан.

Об этом говорит еще один основополагающий акт, относящихся к числу базисных нормативных документов Болонского процесса, – «зона европейского высшего образования» (Болонья, 19.06.1999). В нем сказано: «Европа знаний теперь уже широко признана как незаменимый фактор социального и гуманитарного развития, а так же как необходимый компонент объединения и обогащения европейского гражданства, способного к приготовлению его гражданам необходимых сведений для противостояния вызовам нового тысячелетия одновременно с пониманием общности ценностей и принадлежности к общему социальному и культурному пространству» [14, стр. 65].

Необходимо отметить, что документы, определяющие Болонский процесс, являются феноменом высокой гражданско-правовой культуры и выступают факторами её формирования. Так, например, в Декларации, принятой в Саламанке 29-30 марта 2001 г., формируются следующие ключевые вопросы образовательной политики: качество как фундаментальный камень формирования; формирование доверия; совместимость, мобильность, совместимые квалификации на дистанционном и послестепенном уровнях; привлекательность [44, стр. 72-73]. Важнейшей

детерминантой появления нового типа глобализирующейся гражданско-правовой культуры в современных условиях выступает толерантность, в чем последнее время уже начинают писать западные правоведы.

В свою очередь толерантность выступает одним из приоритетных направлений развития глобального гражданского общества.

Этимологический смысл термина «толерантность» происходит от латинского слова «tolerantia» – терпение, что означает терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению [41, стр. 1341]. Если исходить из синонимической интерпретации этого термина, то он наряду с терпимостью означает «снисхождение, мягкость, нетерпеливость, взыскательность, либеральность» [5, стр. 501].

Одним из важнейших условий правильного применения элементов образования, гражданско-правовой культуры и гражданского общества в Европейском пространстве является единообразное их понимание всеми участниками европейских стран.

Конкурентное содержание тех или иных используемых в правовых документах понятий может быть выявлено в результате грамматического, исторического, логического, систематического и иного толкования.

Следует иметь в виду, что один и тот же термин может обозначать различные по своему содержанию понятия (явления) в зависимости от того, в каких условиях они используются в тех ли иных европейских странах с учетом их национальных особенностей.

В Пражском коммюнике 2001 г. вводятся новые понятия: «транснациональное образование», «сообщество высшего образования». В этом правовом акте так же говорится о роли и значении образования в «улучшении социального единства, равных возможностей и качества жизни» [20, стр. 75-80].

Эти основополагающие понятия указывают на связь между образованием, формированием нового типа гражданско-правовой культуры объединяющейся Европы и развитием Европейского пространства гражданского общества, о сознаваемую и поддерживаемую в интеллектуальных и политических кругах европейских государств.

Наконец, в правовом документе, который впервые подписала Россия Берлинском

коммюнике (19.09.2003), – подтверждается важность социального аспекта Болонского процесса.

В нем особо обращается внимание на то, что стремление к увеличению конкурентности должно сопровождаться стремлением улучшить социальные параметры общеевропейского пространства высшего образования, укрепить общественные связи и устраниТЬ проявления социального неравенства или неравенства по половому признаку как национальном, так и на европейском уровне. В этом контексте министры подтверждают свою позицию: высшее образование является общественным благом, и ответственность за него несут государственные структуры» [45, стр. 81].

Следует отметить, что Болонское движение к этому времени существенно изменило уже привычный для России процесс реформирования (модернизации). Условиями включения России в европейское образовательное и научное пространство является развитие отдельных составляющих и формирования определенной целостности гражданского общества. В силу активной тенденции развития нового общественно-экономического строя гражданская культура в российском обществе стремится соответствовать тем новым духовно-смысловым и объективным жизненным ценностям. Развивающиеся новые экономические, политические, идеологические, правовые и другие отношения дали повод и основания включать Россию в международное экономическое и социальное общество, постепенно приобретающее черты интернационализации. В этих условиях возникает безотлагательная необходимость создать в России такое гражданское общество, где по большому счету каждый человек становится личностью, способной самореализоваться. Об этом начали активно писать политические и государственные деятели, ученые, писатели, журналисты [12; 17; 18]. Только в таком гражданском обществе могут быть современные образованные люди, отвечающие новым требованиям в области экономических, политических, идеологических, гражданских и других отношений на мировом уровне. Это люди способные по-своему интеллекту, образованию и культурному воспитанию включиться в международный, политический и правовой дискурс, открытию новому межэтническому пониманию и

признающие фактические аспекты интернационализации международного образовательного и социально-культурного пространства. Современный образованный человек в России – это новый субъект политической деятельности и гражданских отношений в национальном и международном масштабе.

Для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – очень важное значение имеет национальный вопрос. Он носит фундаментальный характер. И каждый россиянин должен понимать, что само существование нашей страны невозможно без национального и гражданского согласия. «Россия возникла и веками развивалась, – отмечает В.В. Путин, – как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотни этносов живут в стране вместе и рядом с русскими, и независимо от своей национальности считают, нередко, себя русскими. Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной ситуации – русский народ, русская культура. И, конечно, огромная роль здесь принадлежит образованию. Выбор образовательной программы, многообразие образования, – считает В.В. Путин, – наше несомненное достижение. Но варианность должна опираться на незыблемые ценности, базовые знания и представления о мире, на все богатство национальных традиций и культур. [3].

Чтобы в Российском гражданском обществе были современные высокообразованные люди, необходимо, в том числе, и включиться в правовое поле Болонского процесса. Задачи такого культурно-образовательного феномена, на наш взгляд, в достаточной степени с учетом национальных особенностей европейских стран, соответствует новой культурологической целеустановке.

В настоящее время в России начинает складываться инновационный тип гражданско-правового образования, который должен быть сориентирован на современную высокообразованную личность.

Данная личность, обладающая активной гражданской позицией вправе участвовать в социально-политической жизни страны и способствовать ее процветанию и стабилизации. Современный образованный человек должен быть

убежден в том, что любые этнические и социальные группы, социально-политические конгломерации имеют право на принятие соответствующих собственных уникальных моделей гражданского социально-нравственного поведения. В тоже время России необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. «Любой человек, – подчеркивает В.В. Путин, – живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности» [3]. Должно быть сформировано мировоззрение, скрепляющее всех людей, живущих в российском обществе. Важно не только соблюдение взаимных обязательств, но и определение общих для всех ценностей.

Демократические преобразования российского общества позволили закрепить в Конституции РФ общеправовые принципы, которые одержат гарантии прав и свобод человека и гражданина. В Конституции РФ указано (ст. 2): Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина обязанность государства [1].

Таким образом, закреплен приоритет интересов личности над интересами государства. О необходимости более качественного исполнения обязанностей российского государства перед гражданами говорил Президент Д.А. Медведев в Послании Федеральному Собранию 22 декабря 2011 года. [2]. Данное положение применимо и к гражданско-правовому образованию, которое базируется на следующих основополагающих идеях:

- верховенства закона
- уникальности человека как личности
- человеческой жизни как высшей ценности в мире
- признание неотъемлемых прав на жизнь
- ценности гуманизма - человеческой свободы
- демократии как идеальной формы организации социально-политической и гражданской жизни людей
- соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина в правовом

государстве и гражданском обществе

- ценности семьи и уважении к ее роли в гражданском обществе
- вера в справедливость и истину
- уважение к прошлому своего народа, государства, семьи
- патриотизма, любви, и преданности своему отечеству
- уважение к правам других народов, этнических, социальных и др. обществ - признание этнического и религиозного разнообразия в обществе
- религиозной терпимости и уважения труда и достоинств других людей, организаций, государств
- уважение взглядов других людей и терпимости в отношении иных мышления, поведения, эмоционального восприятия

Чтобы усвоить эти принципы, необходимо изучение Конституции РФ и основных отраслей российского права, основ политических знаний, религии и нравственности, социальной философии и экономики, социологии и социальной психологии

В российском обществе особое место занимает гражданско-правовая культура [4, стр. 10-14; 6, стр. 124-146; 26, стр. 50-53; 27, стр. 22-25; 29; 33, стр. 157-163; 34, стр. 7-10; 37; 39, стр. 73-80; 40, стр. 197-204]. Она отражает систему гражданских отношений и прав в обществе, о котором главенствующее место занимает закон. Гражданская культура включает в себя и выражает различия между обществом и государством, содержит механизм разрешения противоречий экономических, социальных и политических конфликтов [15; 25; 32; 46]. Она толерантна по своей сути и миротворческая по своей нацеленности, интегративна по содержанию. Функции гражданского общества, на наш взгляд, должны быть сформулированы и направлены на стабилизацию и усмирение общества и государства, поскольку признание разнообразия принцип толерантности – основные черты гражданской культуры. По мнению Президента Д.А. Медведева, наше гражданское общество укрепилось и стало более влиятельным [2].

Однако существует иное мнение о том, что гражданское общество является разрушительной функцией по отношению к государству, если оно ущемляет права граждан и не заботится о гражданах. Неисключено, что даже в самом гражданском обществе могут ущемляться права

различных общин и сообществ.

Выход из этого положения – это сочетание гражданской и правовой культуры в едином целостном комплексе. В этом отношении ученые справедливо подчеркивают, что и речь должна идти о взаимодействии, в котором не только гражданское общество служит базой демократической государственности, но и правовое государство расширяет права человека и гражданина от различных деформаций в структурах гражданского общества [24, стр. 39].

Гражданское и правовое образование, объединенные в единый комплекс и отнесенные к одному социально-образовательному феномену «гражданско-правовое образование», по-разному трактуются в научной литературе. На современном этапе развития российского общества термин «гражданско-правовое образование», на наш взгляд, наиболее емко выражает реальные взаимосвязанные и комплексные задачи построения гражданского общества и правового государства в России [7; 8; 9; 10; 13; 19; 21; 22; 28; 30; 31; 43].

Гражданско-правовое образование, предполагающее освоение право в реальности общества, должно быть эффективным, сопрягаться с собственно правовым, специализированным образованием. Представляется, что гражданско-правовое образование «в квадрате», погруженное в социальное духовное пространство движущегося и развивающегося процесса вовлечения личности в жизнь гражданского общества и организующих его жизнедеятельность норм и правил поведения человека.

Необходимо отметить, что в настоящее время в России происходит активный поиск путей совершенствования юридического образования [35; 36; 38], обсуждается проблема интернационализации юридического образования, уделяется большое внимание правовому образованию всего студенческого контингента, формированию его граждановедческой культуры и правосознания.

Главная задача в процессе университетского гражданско-правового образования, гражданского общества должна заключаться в том, какие сформированы в личности в ходе ее обучения.

Новая личность современного гражданского общества, на наш взгляд, должна сформировать в себе следующие принципы:

Во-первых, принцип верховенства права, во-

вторых, принцип плюрализма [41], согласно которому существуют несколько (или множество) независимых начал бытия или оснований знаний, способов организации социальной жизни, моделей поведения. В-третьих, принцип терпимости (толерантности), выражающийся в отсутствии негативного отношения к иному образу жизни и мысли. Некоторые ученые западных стран под толерантностью подразумевают «добротель, свойственная людям, осознающим свое несовершенство» [11, стр. 66].

В-четвертых, принцип мультикультурализма, который формируется в процессе признания богатства культурных ресурсов различных неравнозначных этнических, религиозных, тендерных и других групп. Практическая реализация его способствует достижению гражданского мира, снятию межэтнической, социальной, политической и духовной напряженности.

В настоящее время во многих странах складываются замкнутые национально-религиозные общины, которые отказываются и ассимилироваться, и адаптироваться в культуру страны проживания. Известны кварталы и целые города, где уже поколения приезжих живут на социальные пособия и не говорят на языке государства пребывания. Об этом довольно подробно пишет В.В. Путин в статье «Россия: национальный вопрос»: «Ответная реакция на такую модель поведения – рост ксенофобии среди местного коренного населения, попытка жестко защитить свои интересы, рабочие места – от «чужих конкурентов». Люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность».

Все чаще можно слышать из уст европейских политиков о провале «мультикультурного проекта». Чтобы сохранить свои позиции, они эксплуатируют «национальную карту», переходят на сторону недавнего противника, всерьез претендуют на государственную власть, предлагают серьезно говорить о принудительной ассимиляции и резком ужесточении миграционных режимов. За «провалом мультикультурного проекта» стоит кризис самой модели «национального государства», – считает В.В. Путин, – государства, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности» [3].

Рассмотренные выше принципы должны быть заложены в содержание образовательных профессиональных программ, в том числе и при подготовке будущих специалистов-юристов в российских университетах. Именно новое содержание этих программ и социально-правовой, и эмоционально оценочный потенциал будет выступать значительным фактором гражданско-правового образования и гражданско-правовой культуры. Думается, что на современном этапе начинают постепенно всходить первые ростки нового типа гражданско-правового образования в России.

Гражданское общество нуждается в праве, в правовом государстве, а его граждане в образовании. Гражданская задача образования – дать каждому тот абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа. Здесь не обойтись без повышения в образовательном процессе доли таких предметов как русский язык, русская литература, отечественная история, основы права и государства. Гражданское образование должно базироваться на всем богатстве национальных традиций и культур [3]. В одной из наиболее

значимых работ по гражданскому обществу, написанной Джин Л. Коэн и Эндрю Арато, говориться: «Современное гражданское общество создается с помощью определенных форм самоконструирования и самобиализации. Оно институализируется и генерализируется посредством законов, и в особенности субъективных прав, стабилизирующих социальную дифференциацию» [23, стр. 7].

Образование выступает в качестве гражданской ценности. Привлекательность образования и его ценность, – по мнению В.В. Путина, – «мощный рычаг мотиватор интеграционного поведения» для тех, кто хочет интегрироваться в общество. «Тогда как низкое качество образования всегда провоцирует еще большую изоляцию и закрытость» отдельных сообществ [3]. Потребности людей в образовании и образовательные институты, такие как университеты и университетские комплексы, являются элементами гражданского общества. При этом участники образовательного процесса, а так же самообразование для решения задач расширяющегося поля гражданского общества нуждаются в системном правовом регулировании.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. – М., 2011.
2. Медведев Д.А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 22 декабря 2011 г. // Российская газета. – 2011. – № 290 (5666). – 23 декабря.
3. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 7 (5493). – 23 января.
4. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. Научный журнал. – 2007. – № 1.
5. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко, 5-е изд. – М.: Русск.яз., 1986.
6. Антонов В.М., Поляков В.А. Правовая культура в XXI веке: различие и единство // Правоведение. – 2008. – № 2.
7. Батурина Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. Политико-правовой взгляд. – М.: Наука, 1989.
8. Боэр В.М., Городенец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алитейя, 1999.
9. Гавриленко Д.А. Правовое государство и дисциплина. – Минск: Наука и техника, 1991.
10. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования / Отв. ред. Г.Н. Манов. – М., 1991.
11. Грей Джон. Помощники по Просвещению – М., 2003.
12. Григонис Э.П., Исаков И.Ж. Гражданское общество и его институты в современной России. – СПб., 2004.
13. Григонис Э.П. Понятие и основные черты механизма правового государства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 2 (6). – С. 51-57.
14. Зона европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования. Болонья, 19 июня 1999 г. – М., 1999.
15. Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. – СПб., 2003.
16. Касевич В.Б., Светлов Р.В., Петров А.В., Циб А.В. Болонский процесс в вопросах и ответах. – СПб.: Изд-во СПбГУ,

- 2004.
17. Керимов А.Д. Сильное государство – ответ на вызов современной эпохи. – М.: NOTA BENE, 2009.
 18. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011.
 19. Керимов Д.А. Современное государство: вопросы теории. – М.: Норма, 2008.
 20. К зоне европейского высшего образования. Коммюнике встречи европейских министров, отвечающих за высшее образование. Прага, 19.05.2001 г. – М., 2001.
 21. Коваленко А.И. Проблемы теории и практики правового государства: Теорет. курс. авториз. изложения. – М.: Изд-во МЭГУ, 1994.
 22. Козлихин И.Ю. Идея правового государства. История и современность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
 23. Коэн Дл., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М: Весь мир, 2003.
 24. Красин Ю. Гражданское общество, плюрализм и толерантность. // Стратегии формирования гражданского общества в России. – СПб., 2002.
 25. Кузбагаров А.Н. Примирение сторон по конфликтам частноправового характера. – СПб., 2010.
 26. Латыпов Ф.Т. Правовая культура в системе социальной деятельности // Право и государство: теория и практика. – 2008. – № 6.
 27. Макеев В.В., Сафонов А.А. Правовая культура личности как фактор современно развития государства и общества // Философия права. – 2005. – № 1.
 28. Мамут Л.С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 108-116.
 29. Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
 30. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
 31. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
 32. Право и общество: от конфликта к консенсусу // Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
 33. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8.
 34. Ромашов Р.А. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1.
 35. Сальников В.П. Зная тенденции развития страны, мы готовим кадры с опережением // Юридический мир. – 2004. – № 7. – С. 48-59.
 36. Сальников В.П. О модернизации и совершенствовании российского образования // Наша власть: дела и лица. Специальный выпуск: Реформа образования в России. – 2006. – С. 44-46.
 37. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы, развитие, поиск // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – № 1.
 38. Сальников В.П. Служба закону – служить народу // Наша власть: дела и лица. – 2004. – № 2 (38). – С. 70-71.
 39. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. – 2004. – № 11.
 40. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. – 2003. – № 1.
 41. Советский энциклопедический словарь / Главный ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1986.
 42. Совместная декларация о гармонизации архитектур европейской системы высшего образования четырех министров, представляющих Великобританию, Германию, Францию и Италию. Париж: Сарбона, 25 мая 1998 г. – М., 1998.
 43. Тиунова Л.Б. Право. Конституция. Правовое государство: Автoref. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1992.
 44. Формирование будущего. Саламанка, 29-30 марта 2001. – М., 2011.
 45. Формирование общеевропейского пространства высшего образования. Коммюнике конференции министров высшего образования. Берлин, 19.09.2003 г. – М., 2003.
 46. Юридический конфликт: процедуры разрешения / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М., 1995.

АРТАМОНОВА Галия Калимоловна,
профессор кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС
России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан,
доцент Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

ГОРБАШЕВ Вадим Вадимович,
кандидат юридических наук
E-mail: VVG123@mail.ru

РЕТУНСКАЯ Татьяна Павловна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского университета предпринимательства
и права,
кандидат юридических наук
E-mail: retunsk1@mail.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

**Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве**

СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПРАВА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается право как социальное явление, его социальное предназначение, роль и место в правовой жизни общества. Внимательно изучается наследие классиков истории и философии права России и Германии, труды современных отечественных исследователей. Авторы социальную природу права видят в том, что оно может существовать только в обществе и что общественная жизнь обуславливает все правовые явления. Право составляет часть общественного целого. Они берут право в его воплощении в жизни в виде социального факта.

Правовая жизнь, по мнению авторов статьи, может уклоняться от действующего писаного права, в силу ее богатства, многогранности и разнообразия. Расхождение писаного права с правовой реальностью объясняется его невозможностью исчерпать всего права, осуществляющегося в жизни.

В работе высказывается мнение о том, что законодатель порой переоценивает имеющееся в его распоряжении орудие воздействия на жизнь. Это обстоятельство

диктует необходимость анализа наряду с правом и правовой жизнью общества. В статье обосновывается мысль о том, что социально-научное изучение права не исключает догматическое его изучение, а дополняет его. Такой подход авторы связывают с господством справедливости в правовой жизни.

Ключевые слова: социальное назначение права; правовая жизнь; общество; правовые явления; социальный факт; закон; правовая реальность; законодатель; социально-научное изучение права, догматическое изучение права, справедливость в правовой жизни.

ARTAMONOVA G.K.
BABADZHANOV I.Kh.
GORBASHEV V.V.
RETUNSKAYA T.P.
REUF V.M.

SOCIAL PURPOSE OF LAW AND LEGAL LIFE OF INDIVIDUAL AND SOCIETY

The summary. The article considers law a social phenomenon, its social purpose, role and the legal life of society. A careful study is given to the heritage of classical authors in law history and philosophy of Russia and Germany, works of native researchers. The authors see the social nature of law in the fact that it can exist only in the society and that social life causes all phenomena of law. The law is a part of the social whole. They take the law in its life implementation as a social fact.

Legal life, in the article authors' opinion, may deviate from actual written law by virtue of its richness, diversity and variety. The divergence of the written law with the legal reality is explained by its inability to exhaust the entire law implemented in life.

The paper presents the opinion that a legislator sometimes overestimates the available at his disposal tool for impacting on the life. This circumstance dictates the need for analysis of, along with the law, the legal life of the society. The article substantiates the idea that the social scientific study of law does not exclude the dogmatic study of it but makes an addition to it. This approach is associated by the authors with the rule of justice in the legal life.

Key words: social purpose of law; legal life; society; phenomena of law; social fact; law; legal reality; legislator; social and scientific study of law, dogmatic study of law, justice in the legal life.

Более полное и всестороннее изучение права приводит к тому, чтобы пересмотреть вопрос о социальном его характере. Именно в русской научно-юридической литературе раньше других было выдвинуто требование изучать право как социальное явление. Во второй половине семидесятых годов С.А. Муромцев последовательно разработал социально-научную теорию права. Однако идейное богатство, которым являются труды С.А. Муромцева, до сих пор остается не совсем использованным.

Вопрос о необходимости социально-научного изучения права выдвигается в последнее время в немецкой и во французской литературе. Появился ряд исследований, в которых настаивается на

значении социологического метода в правоведении. Данные исследования отчасти повторяют то, что ранее было установлено С.А. Муромцевым, но во многом в них сделан значительный шаг вперед. Так, как невозможно не принять во внимание практический и научный юридический опыт за последние тридцать лет.

Огромный интерес вызывает исследование вопроса о социально-научном изучении права по существу. Социологическое изучение права является отраслью юридических наук. Если обратиться к рассмотрению вопроса о социально-научном изучении действующих систем права, то стоит отметить, что нет более общепризнанного положения, как то, что право – социальное явление

[1; 2; 3; 4; 6; 7; 8; 11; 13; 15; 16; 17; 20, стр. 31-37; 21; 27; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 47; 48; 49].

Социальную природу права видят в том, что право может существовать только в обществе и что общественная жизнь обуславливает все правовые явления. Вся наша культура тесно связана с общественной жизнью. Даже язык не мог бы существовать без общества. То же можно сказать и о формах хозяйства: ни торговля, ни производство, ни современные пути сообщения не были бы возможны без общественной жизни. Точно также без общества не могли бы существовать ни литература, ни наука, ни искусство. Право как социальное явление есть в другом смысле, чем все проявления культуры, потому что более социально, чем все они. Право составляет часть общественного целого. По мнению Ю.С. Гамбарова, «право и жизнь, жизнь и право – неотделимы друг от друга и стоят в вечном взаимодействии» [12]. Таким образом, он признает правильным тот метод, «который не изолирует права от других частей социального целого, а рассматривает его в связи и во взаимодействии с ними» [23, стр. 22.]. Эти предложения изучать право в связи с социальным целым методологически несостоительны. Мы всегда изучаем только части, и целое недоступно нашему познанию. Правоведение издавна разрабатывалось как особая наука, отдельная от социологии. Это дало много ценных научных результатов. Метод изолирования был, плодотворен в научном отношении. В данный момент не достаточно старых методов правоведения. Необходимо стремиться к более полному и всестороннему познанию права. Но это не должно приводить к слиянию исследования права с исследованием социального целого.

По мнению Р. Штаммлера, «право есть регулирующая форма совместного существования людей. Только благодаря этой форме совместное существование людей обращается в общество и становится предметом познания». Р. Штаммлер утверждает, «что право создает возможность, как понятия общества, так и самого реального предмета общества». Однако право, как регулирующая форма, может быть и само по себе предметом отдельного научного познания, в связи с тем, что оно обладает логической законченностью. Для Р. Штаммлера закономерность социальной жизни заключается в оформлении ее регулирующими нормами [53]. С его точки зрения,

невозможны социальные науки, построенные на методологических принципах естественных наук, т.е. «исследующие социальные процессы как процессы причинно обусловленные и устанавливающие действующие в них законы в виде причинных соотношений».

Мы не сможем приблизиться к пониманию социальной природы права, если будем рассматривать право как совокупность известных норм или правил, действующих в обществе. В таком случае право всегда останется имеющим отношение к обществу, но не социальным явлением с его характерными особенностями. Чтобы изучать право, как социальное явление необходимо брать право в его воплощении в жизни в виде социального факта. Надо смотреть на то право, которое живет в народе и выражается в его поведении, в его поступках, а не на то право, которое установлено в кодексах. Юристами, способствовавшими выяснению сущности социальной природы права, надо назвать из немцев: О. Бюлова, Эрлиха, Фукса, Штампа, Гекка, Гмелина, Канторовича, особенно Шпигеля и др.

Жизнь так богата, многостороння и разнообразна, что она не может целиком подчиняться контролю закона и органов, наблюдающих за его исполнением. Эрлик правильно замечает, что «из невообразимого количества жизненных отношений только немногие в виде исключений привлекают к себе внимание судов и других учреждений. Ведь наша жизнь протекает не перед учреждениями. Есть миллионы людей, которые вступают в бесчисленное количество правовых отношений и которые настолько счастливы, что никогда не обращаются ни к одному учреждению» [50].

Правовая жизнь может уклониться от действующего писаного права, что до известного момента нисколько не будет влиять на формальную силу писаного права. Учреждения, которые ведают осуществлением писаного права, часто вступают в борьбу с правовыми явлениями жизни, отклоняющимися от него. До тех пор пока эта борьба ведется, писаное право сохраняет силу. Но «как только», по словам Шпигеля, «писаное право отказывается от борьбы и спокойно принимает противозаконие и при том не как единичное, изолированное противозаконие, а как противозаконие массовое, тогда именно обнаруживается, что правовая норма, которой это касается, больше не действует». В связи с этим

Шпигель приходит к заключению, что «закон и действительное право не необходимо должны покрывать друг друга» [52]. То же самое еще раньше сказал Зинцгеймер: «Нет нужды в том, чтобы установленное право совпадало с правовой действительностью, и оно в самом деле во многих отношениях не совпадает с нею. Ибо не все действующее право действительно и не все действительное право выражено в писаных нормах» [51]. Расхождение писаного права с правовой действительностью понятно, так как писаное право не может исчерпать всего права, осуществляющегося в жизни.

Законодателям свойственно переоценивать имеющееся в их распоряжении орудие воздействия на жизнь. Часто, даже осторожно и осмотрительно формулированные законы не могут справиться с жизнью. Когда жизненные отношения развиваются в противоположном направлении, тогда не жизнь приспособляется к закону, а закон приспособляется к жизни. Никогда нельзя знать наперед, что станет с законом в его действии. Те изменения, которым подвергается закон при своем применении, имеют неслучайный и непроизвольный характер. Масса обстоятельств свидетельствует о том, что правопорядок, существующий в жизни, не тождествен правопорядку, выраженному в правовых нормах. В связи с этим возникает необходимость изучать правовой порядок, существующий в жизни, как что-то самостоятельное, что ведет к социально-научному исследованию права как социального явления. Данное исследование дает возможность законодателю вполне ясно отдавать себе отчет в том, как должен быть издан тот или иной закон для того, чтобы закон оказывал желаемое воздействие на жизнь. Судье это исследование поможет устанавливать решения, согласные с жизнью, способствующие развитию здоровых социальных отношений. Ведь иногда приходится выбирать между различными решениями, так как законы допускают различные толкования, когда в действующих законах встречаются пробелы [24], неясность или противоречие.

Социально-научное изучение права не исключает доктринальское его изучение, а дополняет его. Юристу необходимо изучать действующее право как систему норм. Он должен, прежде всего, знать законы и уметь обращаться с ними, но при этом не должен забывать о жизни, должен изучать «правовую жизнь». Тогда на

практике юрист будет наиболее справедливо применять действующее право [26, стр. 230-269; 28, стр. 22-25; 36, стр. 8-10; 37, стр. 2-8; 40; 41; 43].

Изучение права, как социального явления, является насущной потребностью, чтобы право не расходилось со справедливостью и чтобы само право было справедливым. Тогда будет господство справедливости в правовой жизни.

Наличие многообразия социальных процессов, конечной целью которых «представляется некоторое желаемое состояние, специальная функция правового моделирования состоит в установлении формальных структур взаимодействий между различными элементами общественной системы, своего рода программ поведения индивидов, групп, коллективов, социальных институтов» [38, стр. 297].

И.Н. Карицкий, основываясь на советской – теории социального управления, все многообразие подходов к социальному управлению условно подразделяет «на приверженцев кибернетического или системного подхода, с одной стороны, и тех ученых, чьи профессиональные интересы непосредственно связаны с областью социального управления, как правило, с теорией экономического или государственного управления, – с другой» [19].

В.Г. Афанасьев, выделяет два механизма социального управления: стихийный, соответствующий западному обществу, и сознательный, соответствующий обществу социалистическому: «в случае стихийного механизма упорядочивающее, управляющее воздействие на систему является усредненным результатом... массы случайных единичных актов; наряду со стихийными, незапрограммированными факторами в обществе... действуют сознательные факторы управления, связанные с целенаправленной деятельностью людей» [5, стр. 44-46].

На базе двух исторически сложившихся видов анализа социального управления складываются современные определения.

Г.И. Осадчая под социальным управлением понимает «органически присущее общественной системе явление, обеспечивающее сохранение ее целостности, качественной специфики, воспроизведение и развитие» – в широком смысле, а в узком – это «осознанное, систематическое, специально организованное воздействие на общество по упорядочению и совершенствованию его социально-деятельностной структуры в процессе выработки и достижения цели» [35, стр.

192.]. Социальное управление, по В.И. Франчуку, – «интеллектуальная деятельность людей, заключающаяся в выявлении и удовлетворении общих потребностей членов организации, в выявлении и решении проблем организации» [46, стр. 75.]. Л. Карапетян считает, «социальное управление – это сознательное воздействие людей на общественную систему и ее отдельные звенья на основе познания объективных закономерностей и тенденций развития для обеспечения оптимального функционирования и регулирования системы при согласовании интересов настоящего и будущего» [18]. Ж.Т. Тощенко считает, что социальное управление – «совокупность научных знаний, специальных методов и приемов, направленных на выявление социальных аспектов всех процессов, происходящих в обществе и решение социальных проблем» [45, стр. 193.].

Можно сделать вывод, что в современном понимании социальное управление – целесообразное воздействие государства на общественные процессы – «менеджмент социальных проблем», а это указывает на наличие целей у субъекта, но не у объекта социального управления. В.Г. Графский пишет: «Между правом как регулятором и контролером социального общения и политическим (государственно-властным) управлением есть нечто общее, что можно назвать функцией поддержания равновесия между интересами (и ценностями) общества и личности, а также между требованиями порядка и стремлением к свободе и личному счастью» [14, стр. 76-78]. Таким образом, социальное управление осуществляется: в управленческом (преобразовательном) режиме и регулятивном (стабилизационном) режиме. Управленческий режим – социальное администрирование, а регулятивный режим – социальное регулирование.

Для того чтобы понять суть проблемы, необходимо разобраться: что значит «социальный контроль» и его соотношение с правовым регулированием.

В.Н. Курдяев выделяет пять стадий социального контроля «...норма – это абстрактное правило поведения, которое для его исполнения должно быть персонафицировано. Этую персонаификацию мы считаем первой стадией социального контроля правового поведения. Она состоит в предоставлении конкретному субъекту прав или возложения на него обязанностей... В соответствии со своими правами и обязанностями

субъект совершает те или иные правомерные действия... либо же, нарушая норму, совершает противоправные поступки. Вторая стадия социального контроля состоит в предупреждении отклонений от социальной (правовой) нормы... Третья стадия необходима в том случае, если отклонение от нормы все же произошло... Четвертая стадия – анализ совершенного поступка и его оценка... пятая стадия – применение санкций...» [22, стр. 230.]. Контроль за исполнением социальных норм – норм права, осуществляет государство. Остается вопрос – является ли государство единственным субъектом социального контроля. В.В. Лапаева под социальным контролем подразумевает «процесс, посредством которого сводятся к минимуму расхождения между системой ожиданий и требований, предъявляемых обществом к поведению его членов, и их фактическим поведением» [25, стр. 199.].

В.В. Лапаева утверждает, что «благодаря социальному контролю общество как система удерживается в равновесном... состоянии». В.А. Сысоева представляет цель социального контроля – «обеспечить конформное поведение личности, которая соответствует принятым обществом нормам поведения и системе ценностей с учетом стабильности и гармоничности функционирования общества как динамичной саморегулирующейся системы». При этом она различает три функции социального контроля: регулятивную, охранительную и стабилизирующую. Этим подразумевается наличие механизма. Данный механизм, по мнению В.А. Сысоевой, относится к внешней форме социального контроля и «состоит из системы правовых и неправовых мер, запретов и воздействий. По характеру социальные санкции разделяются на санкции, основанные на принуждении, то есть такие меры физического и психологического воздействия, которые вопреки воле человека или даже под страхом наказания заставляют придерживаться определенных стереотипов и правил поведения, а также санкции, которые основой своей имеют убеждение, осуществляющееся на доверии» [44, стр. 114-116.].

В отличие от социального управления социальный контроль имеет дело не с результатом, а с процессом. Субъектом контроля на уровне общества является государство как властвующий социум [42]. В связи с этим, регулирование, а

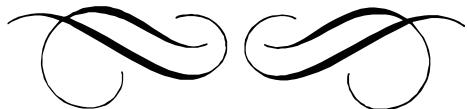
именно социальное регулирование, призвано обеспечивать нормальное функционирование и развитие общественной системы [9; 10; 39]. Управленческое воздействие на общество предпочтительнее регулирования, поскольку даже

в случаях кризисных состояний, приведение системы в сбалансированное состояние носит управленческий характер. Для выявления следующих различий необходимо обратиться к правовому регулированию.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001.
2. Алексеев С.С. Круг замкнулся: Повесть о праве. Философское эссе. Максими. – Екатеринбург, 2001.
3. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999.
4. Алексеев С.С. Тайна права: его понимание, назначение, социальная ценность. – М., 2001.
5. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: опыт системного исследования. – М., 1973.
6. Байгин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001.
7. Баранов В.М. Теневое право. – Н. Новгород, 2002.
8. Баранов П.П., Шпак А.В. Сила права: политico-институциональный анализ. – Ростов-на-Дону, 2004.
9. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб., 2005.
10. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб., 2002.
11. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права (сборник статей по философии и истории права). – СПб., 2002.
12. Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения // Журнал Министерства юстиции. – 1907. – Январь. – С. 21.
13. Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – №8. – С. 114-113.
14. Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М., ИГП РАН, 1996.
15. Гречцов Ю.И. Основы теории и социологии права. – СПб., 1996.
16. Гречцов Ю.И. Социология права: Курс лекций. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
17. Казимирачук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права. – М., 1995.
18. Карапетян Л. Концептуальные вопросы социального управления // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – №5.
19. Карицкий И.Н. Социальное управление: философские, психологические, организационные и экономические проблемы / Под ред. Г.Г. Квасова. – М., 1994.
20. Керимов Д.А. Социальное государство // Д.А. Керимов. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 3. – М.: Издательский дом «Академия», 2007. – С. 31-37.
21. Козлихин И.Ю. Право и политика. – СПб., 1996.
22. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.
23. Курс гражданского права. – СПб., 1911.
24. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М., 1974.
25. Лапаева В.В. Социология права. – М.: ИНФА-М, 2000.
26. Леванский В.А., Соколов Н.Я. Опыт конкретно-социологического исследования и моделирования профессиональной культуры юристов // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2006. – №2.
27. Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права. – М., 2002.
28. Макеев В.В., Сафонов А.А. Правовая культура личности как фактор современного развития государства и общества // Философия права. – 2005. – №1.
29. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М., 1999.
30. Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
31. Нерсесянц В.С. Право и закон: из истории правовых учений. – М., 1983.
32. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы: опыт прошлого и перспективы. – М., 1996.
33. Нерсесянц В.С. Право в системе социальной регуляции. – М., 1986.
34. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации // Юридический мир. – 2005. – №3.

-
- 35. Осадчая Г.И. Социология социальной сферы. – М., 1999.
 - 36. Правдюк Т.И. Правовая культура и правопорядок // История государства и права. – 2008. – №7.
 - 37. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – №1.
 - 38. Рудашевский В.Д. Право и моделирование // Методологические проблемы советской юридической науки / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1980.
 - 39. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы geopolитической доктрины России). – СПб., 2006.
 - 40. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников милиции. – Л., 1983.
 - 41. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. – Л., 1988.
 - 42. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государство как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб., 2001.
 - 43. Семитко А.П. Русская правовая культура: методологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. – 1992. – №10. – С. 108-113.
 - 44. Сысоева В.А. Социальные нормы и девиантное поведение // Актуальные проблемы права: Сб. научн. тр. Вып. 3. / Под ред. Е.В. Протас. – М., 2001.
 - 45. Тощенко Ж.Т. Сущность социального управления // Проблемы социального управления: Сб. статей и материалов «Круглого стола». – М., 1999.
 - 46. Франчук В.И. Современные основы социального управления. – М., 1997.
 - 47. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. – М., 1988.
 - 48. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой антологии правовой реальности. – СПб., 2000.
 - 49. Явич Л.С. Сущность права. – Л., 1986.
 - 50. Erlich E. Tatsachen des Gewohnheitsrechts. Leipzig, 1907. – S. 7. Vergl.
 - 51. Sinzheimer Hugo. Die soziologische Metod in der Privatrechtswissenschaft. Munchen. 1909. S. 7.
 - 52. Spiegel L. Jurisprudenz und Sozialwissenschaft // Gninhut, s Zeitschrift. Bd. 36 (1909). – S. 7.
 - 53. Stammer R. Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. 3 verbess. Aufl. Leipzig, 1914. S. 108 ff. Vergl. S. 75 ff (русск. пер. – СПб., 1907. - Т. 1. - С. 121 и сл. Ср. с. 83 и сл.)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

ПОТОЛОКОВА Мария Олеговна,
доцент кафедры коммерческой деятельности и
предпринимательства Санкт-Петербургского
государственного инженерно-экономического
университета,
доктор экономических наук, доцент
E-mail: mprotolokova@yandex.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством

СЕГМЕНТАЦИЯ РЫНКА НА БАЗЕ МЕТОДА ОПТИМАЛЬНЫХ КРИТЕРИЕВ

Аннотация. Сегментация рынка предопределяет выбор целевой аудитории для работы предпринимательской структуры, а также глубину и детализированность системы маркетинг микс.

Ключевые слова: маркетинг; ценообразование.

ROTOLOKOVA M.O.

SEGMENTATION ON THE MARKET ON THE BASIS OF A METHOD OF OPTIMUM CRITERIA

The summary. Segmentation of the market dictates the choice of the target audience for the business structure as well as the depth of detail and system marketing mix.

Key words: marketing; pricing.

Для проведения успешной сегментации рынка целесообразно применять апробированные практической деятельностью пять принципов: различия между сегментами, сходства потребителей, большой величины сегмента, измеримости характеристик потребителей, достижимости потребителей.

Принцип различия между сегментами означает, что в результате проведения сегментации должны быть получены различающиеся друг от друга группы потребителей. В противном случае, сегментация неявно будет подменена массовым маркетингом.

Принцип сходства потребителей в сегменте

предусматривает однородность потенциальных покупателей с точки зрения покупательского отношения к конкретному товару. Сходство потребителей необходимо для того, чтобы можно было разработать соответствующий маркетинговый план для всего целевого сегмента.

Требование большой величины сегмента означает, что целевые сегменты должны быть достаточно большими для обеспечения продаж и покрытия издержек предприятия. При оценке величины сегмента следует учитывать характер продаваемого товара и емкость потенциального рынка. Так на потребительском рынке количество покупателей в одном сегменте может измеряться

десятками тысяч, тогда как на промышленном рынке большой сегмент может включать менее сотни потенциальных потребителей (например, для систем сотовой или спутниковой связи, для потребителей энергомашиностроительной продукции и т. д.).

Измеримость характеристик потребителей необходима для целенаправленных полевых маркетинговых исследований, в результате которых можно выявлять потребности потенциальных покупателей, а также изучать реакцию целевого рынка на маркетинговые действия предприятия. Данный принцип крайне важен, так как распространение товара “вслепую”, без обратной связи от потребителей, ведет к распылению средств, трудовых и интеллектуальных ресурсов фирмы-продавца.

Принцип достижимости потребителей означает требование наличия каналов коммуникации фирмы-продавца с потенциальными потребителями. Такими каналами коммуникации могут быть газеты, журналы, радио, телевидение, средства наружной рекламы и т. п. Достижимость потребителей необходима для организации акций продвижения, иначе информирования потенциальных покупателей о конкретном товаре: его характеристиках, стоимости, основных достоинствах, возможных распродажах и т. п.

В основе процедуры сегментации рынка, наравне с применением принципов сегментации, лежит и обоснованный выбор соответствующего метода сегментации.

Поиск оптимального решения для реализации тех или иных исследований сегментации приводит к появлению специализированных методик. Одна из них – пирамidalная, ориентирована на поиск оптимальных критериев сегментации и основана на агрегации критериев трех уровней, каждый из которых позволяет решить определенные коммуникационные задачи [1, стр. 125].

Первый уровень формируют социоэкономические критерии, то есть индикаторы демографической, социальной, экономической структуры целевой аудитории. Они позволяют составить первичное представление о существующих и потенциальных потребителях, портрет потребителя, основанный на четких объективных показателях, которые дают возможность разделить всех потребителей на первичные сегменты.

Второй уровень составляют бенефитные

критерии, основанные на реальных и подразумеваемых свойствах продукта (например, легкости приготовления, полезности). Методика SegmentValue базируется на общей структуре бенефитных групп, которая представлена такими ключевыми группами выгод, как физиологические, когнитивные, эмоциональные, коммуникативные, социоструктурные, социокультурные, личностные, гедонистические, функциональные. Несмотря на разнообразие рынков и, следовательно, продуктов, бенефиты, характеризующие их потребление, могут быть отнесены к одной из таких групп. Анализ бенефитов основан на изучении соответствия свойств продукта спектру индивидуальных мотиваций. Вместе с тем для выявления бенефитов необходим сбор качественной информации о специфике различных рынков и продуктов (к примеру, в ходе фокус-групповых дискуссий). Выгоды, получаемые потребителем от использования продукта, составляют мотивационное ядро потребления. Его изучение позволяет определить значимые для потребителя реальные и предполагаемые свойства продукта, на которых должна базироваться маркетинговая стратегия.

Изучение стиля жизни, ценностей, ситуаций принятия решения о покупке происходит на третьем уровне, который обеспечивает поиск эффективных каналов коммуникации с потребителем, «встраивание» продукта в его образ жизни. Индикаторы этого уровня позволяют выявить жизнестилевое наполнение потребительских сегментов, то есть дополняют такие характеристики, как пол, возраст, доход потребителя (и другую объективную информацию), сведениями о стиле его жизни: исповедуемых ценностях, предпочтительном варианте времяпрепровождения. К примеру, это позволяет проанализировать, насколько различные коммуникационные каналы и форматы будут перспективны при достижении целевой аудитории продукта; определить существуют ли в рамках близкой по половозрастному и социальному профилю целевой группы свои подгруппы с разными стилевыми особенностями и т. д. Пространство основных стилей задают дифференцирующие жизнестилевые критерии. Они представляют три ключевых вектора: консерватизм – инновативность (степень готовности потребителя к нововведениям, ориентация на прошлое или будущее); активную

или пассивную жизненную позицию (степень готовности влиять на окружающую действительность, меру активности); групповые или индивидуальные ценности (степень ориентации на социум либо на собственное «Эго»).

Подобная трехуровневая градация критерий, дополняющая фундаментальные социодемографические индикаторы бенефитными и жизнестильными, особенно важна при поиске либо создании новых ниш в ситуациях, когда требуется сформировать потребность в продукте.

В последнем случае в исследование включают инновационный модуль, так называемую сегментацию идей. Он предполагает анализ ближайшего будущего рынка: выявление и типологизацию идей развития рынка, прогноз восприятия этих идей определенными группами потребителей. Сделать это позволяет процедура

изучения обогащенного мнения, а анализ строится на изучении специфики генерации идей внутри сегментов.

Результатом методики являются интерпретируемые, достижимые, наполненные сегменты, выделенные по наиболее значимым для данного рынка критериям, их подробное описание, включающее в себя оценку емкости. На этой основе разрабатывают рекомендации по работе с ними: каналы коммуникации и способы достижения перспективных сегментов, возможные модификации продукта для повышения его привлекательности в глазах потребителей.

Полученные сегменты представляют собой эффективный инструмент для дальнейшей работы компании на рынке. Такое многоуровневое знание о рынке становится дополнительным преимуществом в конкурентной борьбе.

Список литературы

1. Завгородний В.И. Информационные риски и экономическая безопасность предприятия: Монография. – М.: Финакадемия, 2008.
2. Климанов В.В. Региональные системы и региональное развитие в России. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 296 с.
3. Шишков А. Сущность, задачи и принципы мониторинга // Экономический рост в регионах России: Сб. науч. трудов по материалам рабочего совещания (09 февраля 2003 г.). – Института экономики Карельского научного центра РАН. – Петрозаводск, 2003. – С. 1-22.

ШЛАФМАН Александр Изевич,
профессор кафедры управления Санкт-Петербургского гуманитарного университета
профсоюзов,
кандидат экономических наук, профессор
E-mail: izevich@yandex.ru

САДЫКОВА Регина Рафкатовна,
соискатель кафедры коммерческой деятельности
и предпринимательства Санкт-Петербургского
государственного инженерно-экономического
университета
E-mail: regina_s@mail.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АКТИВИЗАЦИИ БИЗНЕС ПРОЦЕССОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

***Аннотация.** В данной статье проведен общий ситуационный анализ современных проблем, препятствующих развитию предприятий нефтегазового комплекса. Структурированные проблемы оказывают существенное воздействие на выделенные автором бизнес процессы.*

***Ключевые слова:** экономика промышленности; экономические, организационные, правовые, экологические факторы воздействия; пути решения проблем.*

SHLAFMAN A.I.
SADIKOVA R.R.

THE BASIC DIRECTIONS OF ACTIVIZATION BUSINESS PROCESSES OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISES OF AN OIL AND GAS COMPLEX

The summary. In given article the general situation analysis of the modern problems interfering development of the enterprises of an oil and gas complex is spent. The structured problems have essential influence on allocated with the author business processes.

***Key words:** an industrial economy; economic, organizational, legal, ecological factors of influence; ways of the decision of problems.*

Под проблемами, препятствующими развитию предприятий нефтегазового комплекса в исследовании, понимаются положения, причинность, условия, вопросы, объекты, которые создают затруднения и связаны с избыточностью или недостатками деятельности субъектов рыночных отношений для реализации эффективных взаимодействий предприятий нефтегазового комплекса.

В исследовании проведена группировка проблем, препятствующих поступательному развитию предприятий нефтегазового комплекса по направлениям: экономика, политика, экология, социальная сфера (рис. 1).

Для решения большинства выделенных проблем современные предприятия выстраивают свою деятельность на принципах кооперации, объединяя свои усилия под администрированием одного

юридического лица – формируя холдинговые предприятия. Проблемы развития холдинговых предприятий нефтегазового комплекса имеют ряд отличительных особенностей [1, стр. 32]. Они вызваны сложностями, с которыми столкнулись структуры нефтегазового комплекса в период перераспределения прав недропользования. Сложности были инициированы приватизацией государственного имущества в XX в. и закончились лишь в новом тысячелетии. Современные предпринимательские структуры нефтегазового комплекса имеют в своем составе активы различной географической принадлежности, организационные структуры подобных предприятий в составе группы не унифицированы, квалификация руководителей и исполнителей очень сильно колеблется и т. д.

В настоящее время для развития предприятий нефтегазового комплекса страны существует ряд проблем, которые условно можно разделить на зависящие от внутренних причин и внешних. К внутренним причинам, тормозящим развитие предприятий, можно отнести состояние основных производственных фондов (ОПФ), их значительный

физический износ, высокую себестоимость продукции, а также неспособность компаний возобновлять сырьевую базу и сокращение геологоразведочных работ, что явилось следствием дефицита инвестиционных ресурсов. Таким образом, наращивание инвестиций – существенный вопрос экономики страны и ее населения.

В то же время развитие нефтегазового комплекса в значительной степени будет зависеть от ситуации на мировых энергетических рынках, инвестиционной привлекательности России, налоговой политики, от законодательной базы в области недропользования, даже от сложившейся на сегодняшний момент демографической картины страны. Крупнейшей нерешенной проблемой является научно-техническое отставание предприятий нефтегазового комплекса (преимущественно сырьевой экспорт). Поэтому для предотвращения больших рисков развития нефтегазового комплекса должны быть созданы механизмы активного регулирования экономических процессов с целью обеспечения государственных интересов в

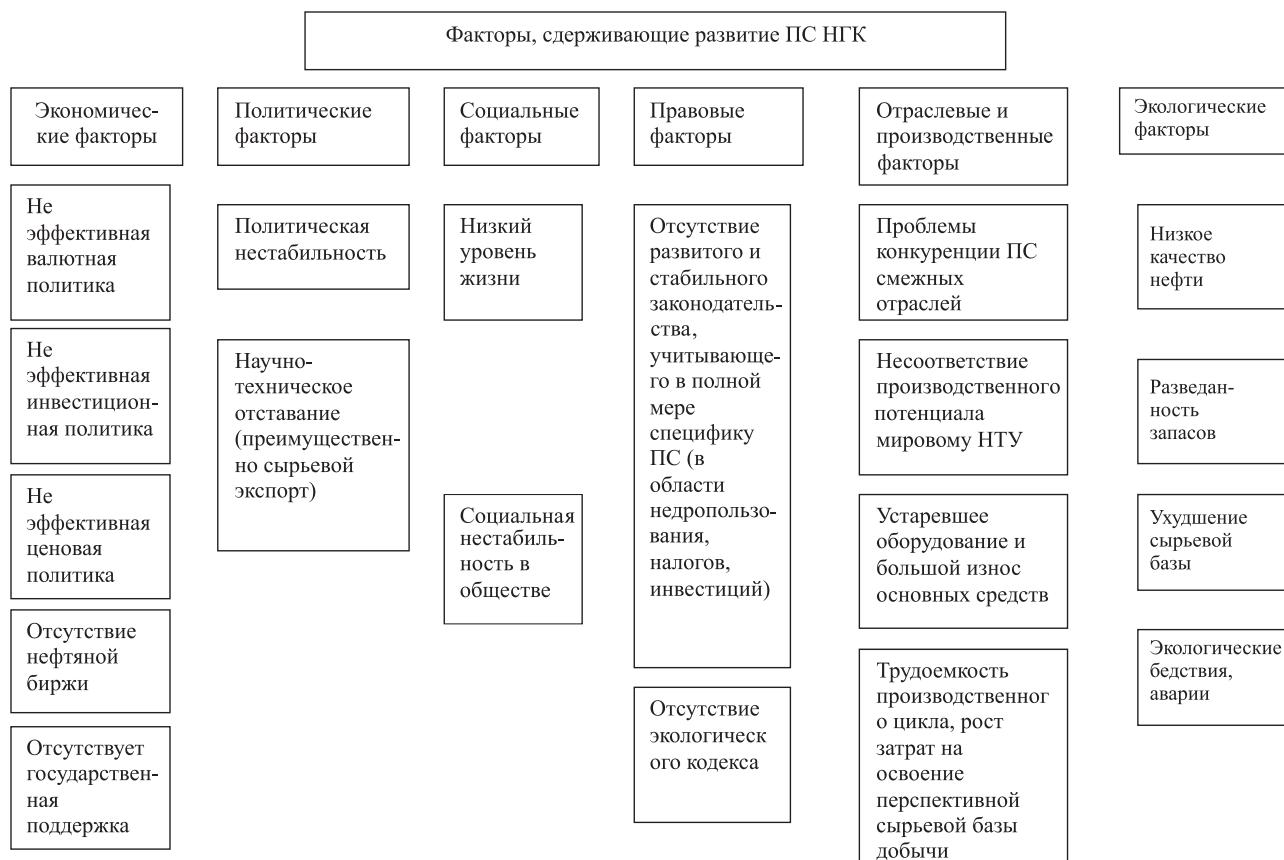

Рис. 1. Группировка проблем развития предприятий нефтегазового комплекса по направлениям

предстоящем периоде при сохранении условий для развития и совершенствования предприятий множества его отраслей.

Экономические факторы формируют негативное воздействие на отдельные бизнес процессы промышленного предприятия нефтегазового комплекса. Основная масса проблемных зон нам представляется не в основных, а во вспомогательных бизнес процессах.

Валютная политика государства ставит в неравные, не рыночные условия развития предприятия, реализующие свои блага на внешнем рынке. Воздействие на бизнес процессов сбыта и продвижения продукции конечного потребления сложно переоценить. Блокирование роста стоимости европейской и американской валюты ограничивает возможности роста дополнительной прибыли, сформированной за счет роста валютных котировок.

Инвестиционная политика государства требует пересмотра и конкретизации. До сих пор нет реального механизма, обеспечивающего реальные гарантии сохранности инвестируемого капитала на территории РФ.

Сложности с поиском и формированием инвестиционных проектов, ставят под вопрос возможности по реализации рисковых инновационных бизнес-процессов.

Ценовая политика продиктована требованиями антимонопольного комитета, методические подходы к организации работы которого до сих пор не приобрели достаточной гибкости. Существует ряд соглашений между дружественными странами СНГ, определяющие требования к заниженным ценам на поставку сырья. С другой стороны, отечественный потребитель действительно не готов к активному развитию независимых рыночных регуляторов, которые доказали свою эффективность в Европе. Расширение цепочек поставок представляется логичным выходом из сложившейся ситуации, однако регламент построения совместных бизнес-процессов, позволяющих сохранять высокий режим доверия в канале сбыта еще методически не до конца проработан. Построения сбытовых каналов на сегодняшний день - один из самых рисковых бизнес-процессов предприятий нефтегазового комплекса.

Отсутствие нефтяной биржи является производным фактором воздействия от неэффективной ценовой политики государства.

Государственная поддержка предприятий нефтегазового комплекса безадресна. Она не имеет четких границ и не выдерживает никакой критики, поскольку ориентирована лишь на развитие малых предприятий, тогда как высшим звеном руководства страны установлены требования к модернизации всего промышленного комплекса страны в отрыве от размеров предприятий. В государственных программах больше барьеров и ограничений по бизнес процессам, связанным с недропользованием и дальнейшей переработкой природного сырья.

Таким образом, предприятия нефтегазового комплекса находятся в постоянном поиске путей снижения себестоимости сырья, а так же необходимых и вспомогательных работ. Именно этот путь является единственно доступным для обеспечения поступательного развития предприятий отрасли.

Достижение лучших результатов по поиску готовых решений в области оптимизации вспомогательных бизнес процессов является их приобретение у узкоспециализированных, но при этом инновационно-активных предприятий.

Политические факторы.

Политическая нестабильность преобладает в нашей стране в порядке и степени ответствующей развитию страны в целом. Так политическая нестабильность 90-х годов разорила предприятия, разрушила организационные цепочки поставок ключевых ресурсов. Политические споры 2000-х гг. сопровождаются международными конфликтами на мировой арене, и дело не только в мировом финансовом кризисе, мы наблюдаем проблемы с ранее дружественными государствами. Газовый конфликт с Украиной, разногласия в сырьевых поставках с Белоруссией для производства бензинового и дизтоплива.

Последние выборы 2011 г. еще раз продемонстрировали наличие существенных разногласий государства и общества, которое доверило управление своими активами коллективу администраторов.

Руководство страны, совершающее серьезные системные просчеты на внутренней и мировой арене, ведущие к дополнительным потерям в отраслях хозяйствования, где добыча и переработка сырья являются приоритетными направлениями, гарантирующими наполняемость государственного бюджета страны, непременно приведет к новым потерям инновационноактивных

предприятий нефтегазового комплекса.

Одним из таких просчетов является сохранение сырьевой ориентации страны на мировой арене, тогда как политические заявления внутри страны наполнены идеями инновационных решений и модернизацией производства. Диссонанс в ключевых понятиях государственной власти ведет к блужданиям идей отечественных предпринимателей.

В рамках одобрения вхождения РФ в ВТО следует ожидать новых сложностей в реализации технологически сложных бизнес процессах, в процессах использования высокотехнологичного оборудования. Современным промышленным предприятиям выпадет шанс проверить устойчивость своих производственных программ. Сложности следует ожидать в организации конкурентной борьбы с транснациональным компаниями как производственного, так и сервисного характера. В этих условиях не только для развития отечественного производства, но и в рамках социальной защищенности граждан, в части обеспеченности рабочими местами, важно сохранить и развить всевозможные цепочки взаимодействия отечественных предприятий нефтегазового комплекса друг с другом, но при этом не должны страдать качество конечных продуктов и удовлетворенность участников партнерских отношений.

До сих пор остается непонятным, зачем модернизировать ключевые бизнес-процессы, если существующие работают достаточно эффективно и удовлетворяют международный спрос. Нет единой концепции государства, которая выделила и определила четкие границы политики государства на внешнем и внутреннем рынках. Политически не взвешенные резолюции для внешнего и внутреннего рынков представляются для целей нашего исследования сдерживающими факторами развития.

Решения, позволяющие компенсировать воздействие негативных политических факторов, лежит лишь в одной области – повышение качества готовой продукции. При этом основным источником повышения качества следует выделить своевременный и достаточный уровень обслуживания основного производства предприятий нефтегазового комплекса, позволяющего за счет своевременного сервисного обслуживания повысить качество работы старого оборудования и предотвратить несвоевременный

износ нового.

Социальные факторы следует разделить на внутренние и внешние. Внутренние социальные факторы сдерживают развитие коллектива. Действительно, развитие территорий, на которых развивается нефтяной и нефтегазовый комплекс имеют слабую культурную и социальную базу. Поэтому масса трудящихся на местах имеют своими задачами не развитие конкретных производств, сиюсекундный заработок, который не позволяет даже задуматься о реальном вкладе трудящихся в развитие социальных норм и правил в регионе.

Большинство регионов, где производится реальная добыча ресурсов, являются социально не защищенными. Низкий уровень социальной защиты ведет к снижению ответственности за конечный результат работы и требует от предприятий нефтегазового комплекса вводить в строй новые и новые решения по обеспечению контроля качества выполняемых работ. Таким образом, усложняются бизнес-процессы связанные с контролем и учетом процесса производства.

В последние десятилетия возрастила роль межнациональных и межрасовых конфликтов, толерантность, заявленная правительством, как единая цель развития общества внутри многонационального государства, не находит своего одобрения на местах. Таким образом, растут социальная нестабильность, которая несет в себе высокую степень угрозы к организации бизнеса в целом.

Правовые факторы – правовые факторы наряду с экономическими факторами несут в себе границы, очерчивающие возможности развития предприятий нефтегазового комплекса. Так современное законодательство универсально подходит к проблемам недропользования, ограничивая доступ к новым месторождениям не только высокими требованиями по гарантийным платежам, но и вводя юридические барьеры, требующие от новых юр. лиц на рынке дополнительных процедур регистрации, которые наполненными в свою очередь бюрократическими барьерами, с которыми не способен справиться современный малый бизнес.

Для предприятий нефтегазового комплекса необходима доработка юридических норм и правил, определяющих требования как к организации добычи, так и к условиям переработки

природного сырья.

Необходимо разгрузить бизнес процессы по администрированию бизнес процессов, что позволит ускорить процессы принятия управлеченческих решений и откроет новые возможности, которые крупное предприятие способно получить от взаимодействия с сервисным предприятием нефтегазового комплекса.

Развитие нефтегазового производства неразрывно связано с организацией добычи природных ресурсов. Работа с природным ресурсами связана с освоением новых территорий, работа, с которыми регламентируется множеством правовых норм, определенных в большом количестве законодательных актов. Разрозненность норм, противопоставление и накладки заставляют нас говорить о необходимости для обеспечения поступательного развития добывающей промышленности РФ разработки экологического кодекса, который также будет разгружать последовательности администрирования бизнес-процессов и тем самым укорит реализацию большинства управлеченческих бизнес-процессов.

Отраслевые и производственные факторы – отраслевые и производственные факторы по своим характеристикам воздействия имеют не косвенное, а непосредственно прямое влияние на конкретные бизнес-процессы внутри предприятий нефтегазового комплекса.

Одним из важнейших бизнес-процессов

является организация работы и структурирование каналов снабжения. Работа каналов снабжения определяется функционированием смежных отраслей и конкурентной средой на рынках их конечных продуктов.

Большинство современных производств имеют устаревшую базу. Производственные мощности имеют высокую степень зависимости от ручного труда, в осуществлении основного производства есть огромное место для внедрения инновационных решений с привлечением более квалифицированных специалистов.

Сложности в организации деятельности на основе устаревшего оборудования требует для повышения эффективности организации своевременных ремонтов и привлечения к сотрудничеству отдельных узкоспециализированных предприятий для выполнения непрофильных или высокозатратных работ.

Нефтегазовый комплекс включает в себя нефтегазодобывающие структуры и сервисные предприятия, основным направлением деятельности которых является оказание услуг, специфических для нефтегазового сектора.

Взаимная интеграция сервисных и нефтеперерабатывающих предприятий в хозяйственную деятельность друг друга базируется на обслуживании потребностей предприятий нефтегазового сектора и способствует решению проблем, которые возникают на пути большинства предприятий нефтегазового комплекса.

Список литературы

1. Балашов В.Г., Заложнев А.Ю., Новиков Д.А. Механизмы управления организационными проектами. – М.: ИПУ РАН, 2003. – 84 с.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВОМ. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА

БЕЛЯКОВ Владимир Григорьевич,
доцент кафедры менеджмента Национального
исследовательского университета Высшей школы
экономики (г. Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук
E-mail: belkoff@ya.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ КОРПОРАЦИЙ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА

Аннотация. Статья посвящена выявлению ключевых правовых особенностей корпорации как особой формы юридического лица. Особое место занимает анализ новых норм о корпоративных организациях, содержащихся в Проекте изменений ГК РФ.

Ключевые слова: корпорация; корпоративное правоотношение; участие в корпорации; управление в корпорации.

BELYAKOV V.G.

LEGALESSENCE OF CORPORATIONS: THE EXPERIENCE OF A COMPREHENSIVE APPROACH

The summary. The article is devoted to identifying the key legal characteristics of corporation as a special form of legal entity. The analysis of new rules about corporate organizations, contained the project changes of the Civil Code of Russian Federation, occupies a special place in this article.

Key words: corporation; corporate legal relationship; participation in the corporation.

1. Корпоративные организации, корпорации – понятие, которое достаточно недавно вошло в правовой оборот и до сих пор привлекает внимание как теоретиков, так и практиков. В действующем законодательстве это понятие применяется крайне редко и, по мнению большинства российских ученых, крайне неудачно [14, стр. 8; 16, стр. 22]. Согласно п. 1 ст. 7.1. Закона о некоммерческих организациях государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленических и

иных общественно полезных функций. Государственная корпорация создается на основании федерального закона [3].

Особую актуальность данная правовая конструкция приобрела в связи с появлением Проекта Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – проект) [6]. Наряду с введением в правовой оборот понятия «корпоративные отношения», по поводу которых также ведутся многочисленные дискуссии,

появление такого института как корпорация является достаточно новым, но закономерным фактом в развитии корпоративного законодательства. Так еще два года назад в рамках Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной в октябре 2009 г. Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, констатировалась назревшая необходимость включения в ГК РФ корпоративных отношений в круг отношений, регулируемых гражданским законодательством и определяющих его предмет (ст. 2 ГК). Как подчеркивается этим, в известной мере условным, названием охватывается уже достаточно четко обособившаяся группа интенсивно развивающихся отношений по созданию юридических лиц корпоративного типа, участию в них и связанным с таким участием обязательствам. В этой связи предлагалось законодательно закрепить деление юридических лиц с точки зрения организационной структуры на корпорации (построенные на началах членства) и некорпоративные юридические лица, при отнесении к первым хозяйственных обществ и товариществ, производственных кооперативов и большинство некоммерческих организаций, а ко вторым – унитарных предприятий, фондов и учреждений [5]. Практически полностью данные положения концепции были реализованы в рамках указанного проекта. Так, согласно проекту, юридические лица, учредители (участники), которые обладают правом на участие в управлении их деятельностью (право членства), являются корпоративными организациями (корпорациями). К ним относятся хозяйствственные товарищества и общества, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации граждан, ассоциации и союзы [6].

Юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными организациями. К ним относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, фонды, учреждения, а также религиозные организации (Статья 65.1.) Далее в той же статье подчеркивается, что в связи с участием в корпоративной организации ее участники приобретают корпоративные (членские) права и обязанности в отношении созданного ими юридического лица, за исключением случаев,

предусмотренных настоящим Кодексом [6]. Вызывает удивление перечень форм некоммерческих корпораций. К ним проект относит как потребительские кооперативы (жилищные, гаражные, дачные, кредитные и т. п.), так и общественные организации граждан, политические партии, профсоюзы и профсоюзные организации, созданные в качестве юридических лиц органы общественной самодеятельности и территориального общественного самоуправления, а также казачь общество и общины коренных малочисленных народов; ассоциации и союзы граждан и (или) юридических лиц, в том числе некоммерческие партнерства, саморегулируемые организации, созданные в качестве юридических лиц общественные движения, объединения работодателей, объединения профсоюзов, кооперативов и общественных организаций, торгово-промышленные, нотариальные и адвокатские палаты, коллегии адвокатов и адвокатские бюро, товарные биржи (ст. 50 проекта).

2. Следует отметить, что подход, при котором юридические лица делятся на корпорации и учреждения, является далеко не новым. Еще по законодательству дореволюционной России под термином «корпорация» понималась целая группа юридических лиц, при этом юридические лица делились (по одной из классификаций) на соединения лиц (корпорации) и на учреждения (институты) [21; 19]. Известный российский правовед Н.С. Суворов указывал, что «корпорацию принято определять как такое юридическое лицо, которое имеет своим субстратом союз физических лиц и за волю которого принимается соединенная воля всех членов корпорации. А напротив, институт определяется обыкновенно как такое юридическое лицо, субстратом для которого служит имущество и за волю которого принимается воля учредителя, выраженная в учредительном акте» [19, стр. 156].

3. Применительно к понятию «корпорация» в современной правовой российской науке существуют различные подходы. К корпоративным организациям относят, как правило, либо все коммерческие организации, основанные на членстве, участники которой имеют определенные права в отношении имущества организации [9, стр. 29, 103; 11, стр. 63], либо хозяйственные общества и товарищества, либо только акционерные общества [7].

Так Т.В. Кашанина в одной из первых работ,

посвященных корпорациям [12, стр. 138], относила к корпорациям все хозяйственные товарищества и общества, производственные и потребительские кооперативы, общественные и религиозные организации, фонды, ассоциации. В более поздних работах тот же автор определял корпорацию несколько иначе, понимая, в частности, под ней организацию, признанную юридическим лицом, в которой собственность отделена от управления, основанную на объединенных капиталах (добровольных взносах) для осуществления какой-либо социально полезной деятельности. Выделив все характерные признаки корпорации, автор делает вывод, что им соответствует только хозяйственное общество [13, стр. 37]. По мнению И.С. Шиткиной, к юридическим лицам корпоративного типа российская правовая доктрина относит коммерческие организации, для достижения уставных целей которых необходимо соединение усилий нескольких участников, уставной (складочный) капитал которых поделен на определенные доли [22, стр. 187]. Практически аналогичный подход превалирует в работах авторов, которые учитывают как правовые аспекты корпорации, так и иные, прежде всего управленческие. В частности, С.Д. Могилевский и И.А. Самойлов в своей фундаментальной работе, посвященной корпорациям в России, делают выводы, с которыми вполне можно согласиться. Они считают, что, во-первых, термин корпорация имеет несколько значений, наибольшее распространение среди них получили два значения – социальное и правовое. Во-вторых, правовое значение термина корпорация может выражаться в широком и узком смысле этого слова. В широком смысле слова корпорация – это любое юридическое лицо, в котором присутствуют отношения членства (участия). В узком смысле корпорация – это юридическое лицо, в отношении которого его участники имеют обязательственные права; коммерческая организация с разделенным на доли учредителей (участников) уставным капиталом; юридическое лицо, в котором имущество, созданное за счет вкладов учредителей или произведенное (приобретенное) принадлежит ему на праве собственности. Кроме того, корпорация – это организация с четкой организационной структурой и наличием системы органов корпоративного управления [16, стр. 28–30].

Все указанные характерные черты присущи

лишь хозяйственным обществам. Такая позиция нашла отражение и в официальных документах. В первую очередь, речь идет о Кодексе корпоративного поведения. В специальном распоряжении Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг от 4 апреля 2002 г. №421/р. «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения» указывается, что «корпоративное поведение» – понятие, охватывающее разнообразные действия, связанные с управлением хозяйственными обществами». Также и сам Кодекс корпоративного поведения, утвержденный указанным распоряжением под корпорацией, понимают только хозяйственное общество [4].

4. Несмотря на все теоретические разработки и существующую мировую практику по законодательному закреплению корпораций как особого правового института, очевидно, что авторы проекта пошли особым путем. На наш взгляд, достаточно спорным является основание, по которому в проекте проводится такая классификация юридических лиц на две группы, и, как следствие, правомерность включения в состав корпоративных организаций товариществ, кооперативов и большинства некоммерческих организаций. Попытаемся проанализировать особенности корпорации как специфического юридического лица и понять обоснованность включения тех или иных организаций в список корпоративных. Необходимость такого анализа определяется несколькими факторами. Во-первых, в настоящий момент корпорация как форма организации исследуется не только учеными – юристами, но и представителями многих (прежде всего экономической и управленческой) наук. Так, например, Р. Познер, один из крупнейших экономистов, занимающийся экономическим анализом правовых конструкций, писал «Фирма является методом организации производства, а корпорация – методом привлечения капитала в фирму» [17, стр. 556]. Поэтому чисто правовой подход к корпорации, не учитывающий разработки и достижения последних лет ученых смежных областей, не представляется верным.

Кроме того, (и это во-вторых), в последнее время наблюдается значительный «цивилистический уклон» при рассмотрении и разработке (даже на законотворческом уровне) правовых институтов и конструкций, существующих в смежных (или производных от гражданского

права) отраслях. И наконец, правовая наука, на наш взгляд, должна опережать и в значительной степени корректировать законотворческую практику, а не заниматься «подгонкой» теоретических изысканий под существующие законодательные параметры.

5. В качестве критерия разграничения корпораций и учреждений в проекте выделяется такая категория как «право членства», под которым понимается право на участие в управлении. Как отмечалось в нашей литературе, право членства или членство как понятие является не лучшим и не новым. Достаточно давно ряд российских авторов указывали на необходимость разграничения именно по этому критерию корпораций и учреждений. Так Е.Е. Суязов писал, что «корпорация – это, по сути, объединение лиц или капиталов, но этот признак корпорации является необходимым, но недостаточным; таким достаточным признаком является членство в организации» [20]. В другой работе современных цивилистов также указывалось, что весьма удобным «внешним» критерием разграничения корпораций и некорпоративных организаций в традиционной классификации может выступать наличие или отсутствие членства в организации [10, стр. 126]. Данная позиция совершенно справедливо подвергалась критике отдельными учеными. Современные российские авторы пишут, что термин «членство» не единственный и далеко не лучший термин, который позволяет выделить суть отличительного признака корпорации. [16, стр. 26]. Более обоснованным данные авторы считают использование термина «участие» (участник) как более соответствующего динамическому аспекту, что в большей степени соответствует характеру отношений, которые возникают в корпорации. Однако, на наш взгляд, более серьезной проблемой является определение понятие членства через категорию «участие в управлении». При таком подходе мы можем обнаружить признаки корпорации у любого юридического лица, ведь, по крайней мере, одно лицо (руководитель юридического лица) всегда участвует в управлении. Единственное возможное исключение – товарищества, поскольку согласно нормам ГК РФ управление деятельностью полного товарищества осуществляется по общему согласию всех участников. Учредительным договором товарищества могут быть предусмотрены случаи, когда решение принимается большинством голосов участников.

Каждый участник полного товарищества вправе действовать от имени товарищества, если учредительным договором не установлено, что все его участники ведут дела совместно, либо ведение дел поручено отдельным участникам. Управление деятельностью товарищества на вере осуществляется полными товарищами [1, ст. 71, 72, 84].

Поскольку, по нашему мнению, участники корпорации являются субъектами сложносоставного правоотношения, в котором, наряду с гражданско-правовым элементом, присутствует элемент особый, организационно-управленческий, постольку следует понять, что такое управление и попытаться оценить его в контексте корпоративных отношений.

Не углубляясь в подробности, отметим только, что понятие управления многообразно и используется в различных областях знания, но нас, прежде всего, интересует управление организацией. Один из основоположников менеджмента, А. Файоль в своей работе «Общее и промышленное управление» писал, что «управлять – значит предвидеть, организовывать, распоряжатьсяся, координировать и контролировать» [24, стр. 12]. В Большом экономическом словаре отмечается, что «управление – сознательное целенаправленное воздействие со стороны государства, экономических субъектов на людей и экономические объекты, осуществляющее с целью направить их действие в нужное русло и получить желаемые результаты» [8, стр. 760]. Но нас интересует вопрос – почему именно управленческая составляющая имеет такое значение для корпораций и что это за управление.

6. Еще во второй половине XIX века известный немецкий юрист О. Гирке, обосновывая положения о понятии и сущности юридического лица, предложил свою концепцию «союзных лиц (личностях)», различая среди них государство, корпорации и институты [19, стр. 97-98]. При этом, анализируя положения ученого о союзных лицах – корпорациях, можно выделить следующие характерные черты корпораций. Во-первых, корпорация есть юридическое лицо. Во-вторых, это собирательное лицо, в котором складываются особого рода связи между его членами. В-третьих, это лично-правовой союз, в котором члены союза обладают определенным набором прав и обязанностей. Кроме того, как справедливо подчеркивали современные авторы, в характеристику корпорации Гирке добавлял еще

одну важную черту: корпорация – это организация с четко сформулированной внутренней структурой, в том числе и структурой органов управления этой организацией [16, стр. 11].

На наш взгляд, наиболее полная и точная современная характеристика корпорации как особого юридического лица представлена в работах Н.В. Козловой, И.С. Шиткиной, С.Д. Могилевского и И.А. Самойлова [14; 15; 16]. В работах данных авторов подчеркивалось, что корпорация есть, прежде всего, юридическое лицо; она представляет собой союз или объединение физических и/или юридических лиц; корпорация есть волевая организация, воля корпорации отлична от индивидуальной воли входящих в ее состав участников; корпоративная организация как юридическое лицо независимо от изменения состава ее участников; корпорация объединение не только участников, но и их имущества (вкладов, паев, взносов); имущество, внесенное участниками в корпорацию, принадлежит корпорации на праве собственности [14, стр. 10-11]. Однако особое значение имеет еще одна характеристика корпорации. Реализуя свои корпоративные права, участники корпорации могут в определенной степени управлять корпорацией, влиять на формирование ее воли как юридического лица [15, стр. 213-214]. При этом корпорация имеет четкую организационную структуру и систему органов корпоративного управления [16, стр. 28-30]. Таким образом, цель создания и деятельности корпорации осуществляется уже не только ради целей отдельных участников, но даже вопреки им. Неизбежный конфликт между индивидуальными и коллективными интересами делает невозможным непрерывное существование собирательной цели, если нет воли, которая подчинила бы сопротивляющиеся индивидуальные интересы собирательной цели [15, стр. 213]. Данная воля, воля самой корпорации, выражается через решения органов управления корпорации, которые, в свою очередь, избираются членами корпорации. Но при этом высшим органом корпорации является общее собрание ее членов, решение которого принимаются большинством голосов. Именно эта система управления (система корпоративного управления) является одной из главных характерных черт корпорации. С учетом наработок в данной сфере ученых – экономистов и управленицев [23, стр. 473-511; 18] – можно говорить о существовании в корпорации управляемых

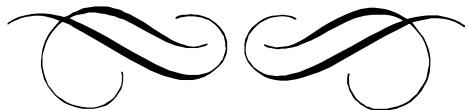
отношений двух видов. Во-первых, это организационно-управленческие отношения, одной из сторон которых выступает менеджмент организации во главе с руководителем организации. Во-вторых, отношения сферы корпоративного управления. Отношения второй группы и придают специфику корпораций той или иной организации.

7. В основе критерия разграничения корпораций и учреждений, указанного в проекте (членство) лежит гражданско-правовой подход к определению корпоративных правоотношений. Однако данная позиция не является до конца научно выверенной. На наш взгляд, корпоративное отношение представляет собой структурно-сложное правоотношение. Нельзя сводить сущность корпоративного правоотношения лишь к гражданско-правовому имущественному элементу. Полностью можно согласится с Н.Г. Фроловским, который полагал, что в группу корпоративных правоотношений входят правовые отношения, существующие между: а) участниками корпорации и самой корпорацией; б) участниками корпорации, в том числе с третьими лицами; в) участниками корпорации и органами корпорации; г) органами корпорации (их должностными лицами). Собственно гражданско-правовыми отношениями является только часть корпоративных обязательств, а именно: правоотношения, существующие между участниками корпорации и самой корпорацией и отношения между участниками корпорации, в том числе с третьими лицами [25, стр. 34-40]. Мы считаем, что отношения между участниками корпорации и органами корпорации, а также отношения между органами корпорации носят иной, преимущественно управленческий, характер. Так, например, согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» участник имеет право управлять делами общества в порядке, установленном настоящим Федеральным законом и уставом общества [2, ст. 8].

Отсюда такая важная характеристика управленческих отношений как присущий им властный характер. Именно наличие корпоративной власти делает такие отношения, не соответствующие параметрам гражданских отношений, основанных на юридическом равенстве сторон. Но именно наличие корпоративных властных управленческих отношений позволяет выделить корпоративные организации из всего многообразия юридических лиц.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. – № 51-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21 октября 1994 г.) (ред. от 07 февраля 2011). – М., 2011.
2. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 28 января 1998 с изм., внесенными Федеральным законом от 27 октября 2008 г. – № 175-ФЗ. – М., 2009.
3. Федеральный закон от 12 января 1996 – № 7-ФЗ (ред. от 29 декабря 2010) «О некоммерческих организациях» (принят ГД ФС РФ 08 декабря 1995) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01 января 2011). – М., 2011.
4. Вестник ФКЦБ России. – 2002. – №4.
5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.privatlaw.ru/16.html?&tx_ttnews\[backPid\]=1&tx_ttnews\[tt_news\]=34&cHash=9fa1f9f65a](http://www.privatlaw.ru/16.html?&tx_ttnews[backPid]=1&tx_ttnews[tt_news]=34&cHash=9fa1f9f65a)
6. Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/f41b7500467e7585b48efeb4415291f1_p_izmeneniya_v_gk_rf_red_sovet_po_kodifikaci_.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=f41b7500467e7585b48efeb4415291f1
7. Бандурин А.В., Дроздов С.А., Кушаков С.Н. Проблемы управления корпоративной собственностью. – М., 2000.
8. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. Изд.2-е. – М.: Книжный мир, 2004.
9. Гражданское право: Учебник. В 2-х т. Т. 1 / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 1998.
10. Гражданское право: Учебник. Ч. 1 / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – М., 1996.
11. Гражданское право России: Курс лекций. Ч. 1 / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юридическая литература, 1996.
12. Кашанина Т.В. Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ. – М, 1999.
13. Кашанина Т.В. Корпоративное (внутрифирменное)право. М, 2003
14. Корпоративное право / Отв. ред. И.С. Шиткина. – М.: Вольтерс Клувер, 2007.
15. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. – М., 2003.
16. Могилевский С.Д., Самойлов И.А. Корporации в России: Правовой статус и основы деятельности. – М.: Дело, 2006.
17. Познер Р. Экономический анализ права. В 2-х т. – Т.2. – СПб, 2004.
18. Совет директоров как мировой стандарт корпоративного управления компаний / Под ред. И.В. Беликова. – М.: Эксмо, 2008.
19. Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. – М.,2000.
20. Суязов Е.Е. Юридическая природа корпораций в Российской Федерации // Юрист. – 2002. – №6.
21. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). – М., 1995.
22. Шиткина И.С. Предпринимательское право Российской Федерации. – М., 2003.
23. Уильямсон. Оливер И Экономические институты капитализма. – СПб.: Лениздат, 1996.
24. Управление – это наука и искусство / А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тейлор, Г. Форд. – М.: Республика, 1992.
25. Фроловский Н.Г. К вопросу о месте корпоративных правоотношений в системе гражданско-правовых обязательств // Принципы и критерии дифференциации субъективных прав в частноправовой сфере: Сб. науч. статей / Отв. ред. Ю.С. Поваров, В.Д. Рузанова; науч. ред. Н.А. Баринов; Федеральное агентство по образованию. – Самара: Самарский университет, 2009. – С. 34-40.

БАРЕЙКО Снежана Николаевна,
доцент кафедры Предпринимательства и финансов
Санкт-Петербургского государственного
университета сервиса и экономики,
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: snejhana-74@yandex.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством

УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ НА ОСНОВЕ НОВОВВЕДЕНИЙ

***Аннотация.** В статье раскрыты основные концептуальные подходы государственного регулирования предпринимательской деятельности на основе инноваций.*

***Ключевые слова:** предпринимательство; государственное регулирование; инновации.*

BAREYKO S.N.

MANAGEMENT OF ENTERPRISE ACTIVITY IN RUSSIA: CONCEPTUAL APPROACHES ON THE BASIS OF INNOVATIONS

***The summary.** This article describes the basic conceptual approaches to the state regulation of business activity on the basis of innovations.*

***Key words:** business undertakings; government regulation; innovation.*

Государство интегрируется в рыночное хозяйство, является его полноправным субъектом и выступает генератором его развития, оно должно учитывать политические и социальные черты общества и на основании этого должно вырабатывать собственный инновационный механизм регулирования национальной экономики.

Инновации распространяются на государственную политику в области управления национальной экономикой и на государственное регулирование предпринимательства всех сфер и отраслей экономики.

Функционирование и развитие инновационной системы осуществляется на основе государственной инновационной политики, которая представляет собой совокупность мероприятий, направленных на активизацию инновационной и предпринимательской деятельности, повышение ее эффективности и широкое использование результатов в целях ускоренного социально-экономического развития страны и наиболее полного удовлетворения общественных потребностей.

Целью государственного регулирования предпринимательской деятельности сегодня, является создание определенных условий, обеспечивающих нормальное функционирование экономики в целом и стабильное участие данного сектора экономики в международном разделении труда и получение от этого оптимальных выгод.

К сожалению, в российской действительности положительные моменты государственного регулирования предпринимательской деятельности выражены недостаточно, тогда как негативные превратились в особую группу факторов, препятствующих нормальному развитию данного вида деятельности.

Вопросы и проблемы развития предпринимательства в России остаются актуальными в течение последних двух десятков лет. В тоже время, условия, в которых развивается предпринимательство, характеризуются недостаточностью и противоречивостью законодательной базы, зачастую избыточно регламентирующей деятельность субъектов

предпринимательства, отсутствием ясной и целенаправленной организационно-экономической политики, единственной системы мер в области поддержки предпринимательства. Нерешенность этих вопросов снижает эффективность и конкурентоспособность как отдельных предпринимательских структур, так и всего их бизнес сообщества.

Сегодня реальный сектор экономики должен быть главным направлением государственного регулирования экономики; для этого необходимо надлежащее правовое обеспечение, государственная поддержка должна стать одной из преобладающих форм государственного регулирования производственных отраслей, где закладывается основа для функционирования всей экономики.

Решение проблем экономического роста в предпринимательстве требует участие государства. В современных условиях государственная инновационная политика в отношении предпринимательства должна предусматривать: развитие направлений, в рамках которых создается новая продукция, отвечающая международным стандартам; становление и развитию рыночных отношений и производственного потенциала; формирование конкурентной среды, рост малого предпринимательства, благодаря которому формируется средний класс, создаются рабочие места.

Поэтому в настоящее время существует потребность в разработке концептуальных подходов к определению инновационных направлений государственного регулирования предпринимательской деятельности. Основы концепции должны быть дополнены поиском и обоснованием таких методов механизма рассматриваемой системы, которые формируют инновационность государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Главная задача государственного регулирования предпринимательства – создание благоприятных условий для инновационной и инвестиционной деятельности предпринимательских структур, расширение косвенного регулирования, в рамках которого необходима увязка налоговой и финансово-кредитной политики.

Во-первых, должны быть созданы благоприятные условия для развития инвестиционной деятельности в предприни-

мательской сфере, в том числе предоставления на конкурсной основе государственных гарантий по инвестиционным проектам за счет средств федерального бюджета, а также за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации.

Во-вторых, необходимо повысить роль государства в формировании и развитии инфраструктуры предпринимательства, способствующей повышению эффективности предпринимательской деятельности.

В-третьих, необходимо ускорить реализацию комплексной программы государственной поддержки предпринимательства.

В-четвертых, для эффективности деятельности предпринимательства необходимо продолжить совершенствование законодательства, для решения проблемы обновления производственного потенциала предпринимательских структур необходимо улучшить финансовые механизмы и методы государственной поддержки данного сектора экономики, а также оказывать содействие развитию отечественного машиностроения для производств разных отраслей.

Механизм государственного регулирования предпринимательской деятельности должен представлять целостную совокупность методов и инструментов управления. То есть эффективный механизм регулирования должен опираться на административно-контрольные и экономические инструменты. В то же время, необходимо учитывать социально-политические, психологические, морально-нравственные и другие факторы развития современного общества.

Данные предложения по совершенствованию государственного регулирования в той или иной мере, прямо или косвенно в конечном итоге нацелены на повышение эффективности предпринимательской деятельности. Государство, применяя инновационные меры организационно-управленческого, административно-экономического и законодательного порядка, регулирует предпринимательство и способствует его динамичному и устойчивому развитию.

В заключении можно сказать что, целью государственного регулирования предпринимательской деятельности является создание определенных условий, обеспечивающих нормальное функционирование экономики в целом и стабильное участие предпринимателей страны в международном разделении труда и получение от этого оптимальных выгод.

Список литературы

1. Сайдуллаев Ф.С., Шестоперов А.М. Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в 2010 году (без микропредприятий) // Ежеквартальный информационно-аналитический доклад, апрель 2011 г. – М., 2011.
2. Сайт комитета экономического развития, ППТ Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cedipt/spb.ru> (дата обращения 10.09.2011).

ЮЩЕНКО Андрей Леонидович,
доцент кафедры коммерческой деятельности и
предпринимательства Санкт-Петербургского
государственного инженерно-экономического
университета,
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: korshun1978@bk.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством: предприни-
мательство

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье рассмотрены основные положения по формированию системы менеджмента качества предоставляемых высшими учебными заведениями образовательных услуг.

Ключевые слова: система менеджмента качества; образовательные услуги; качество услуг.

YUSCHENKO A.L.

FEATURES OF FORMATION AND PROBLEMS OF FUNCTIONING FOR MANAGEMENT SYSTEM IN EDUCATIONAL SERVICES

The summary. In the article substantive provisions on formation of total quality management of services given by higher educational institutions are considered.

Key words: quality management system; educational services; quality of services.

За последнее десятилетие в России поменялось отношение производителей, продавцов и самих потребителей в отношении качества предлагаемых (потребляемых) продукции, работ, услуг. Потребитель стал более требовательным, предъявляет повышенные требования к качеству товаров, при этом вырос и уровень образованности и знаний потребителей, которые способны защитить свои интересы и имеют возможность отстоять свои права по соблюдению необходимого уровня качества.

В связи с этим производителю (продавцу) для повышения привлекательности своего товара становится недостаточным контроль качества после его производства и снижение брака продукции. Появляется необходимость внедрения комплексного подхода к обеспечению качества, внедрение современных методов, инструментов

управления качеством в организации, что выражается в большинстве случаев в формировании системы управления качеством не просто продукции, но прежде всего процессов деятельности организации в целом, что приводит и к повышению качества конечного продукта (услуги, работы).

Основой системы управления качеством является тотальное качество – Total Quality (TQ) – ориентированная на людей система менеджмента, целью которой является непрерывное повышение удовлетворенности потребителей при постоянном снижении реальной стоимости продукции или услуг.

Ключевой характеристикой TQM является то, что требования данной концепции предъявляются к процессам управления качеством на всех стадиях жизненного цикла товара.

TQ является общим (тотальным) системным подходом (не отдельной областью или программой) и неотъемлемой частью стратегии верхнего уровня. TQ присутствует во всех функциях любых подразделений, вовлекая всех сотрудников сверху донизу и захватывая цепь поставщиков и цепь потребителей. TQ ставит во главу угла учение и адаптацию к непрерывному изменению как ключ организационного успеха [1].

Развитие систем качества становится более актуальным и в сфере услуг, что определяется спецификой потребления услуги как продукта. Услуга – это изменение состояния товара или лица, осуществляющееся в результате деятельности иного экономического субъекта (предмета) с предварительного согласия первой стороны. Можно выделить несколько видов (типов) услуг [2]:

- 1) осязаемые услуги, направленные на человека (лечение);
- 2) осязаемые услуги на неодушевленные объекты (перевозка груза).
- 3) неосязаемые услуги на сознание человека (образование);
- 4) неосязаемые услуги с неосязаемыми объектами (банковские и страховые услуги);

При этом особенности управления качеством услуги определяются особенностями ее потребления, среди которых можно отметить следующие:

1. *Неоднородность или изменчивость качества услуги.* Качество услуги довольно сильно зависит от того, кто ее обеспечивает, а также от того, где и когда она предоставляется.

2. *Неосязаемость или нематериальный характер услуг.* Данная характеристика означает, что услугу невозможно продемонстрировать, увидеть, попробовать, транспортировать, хранить, упаковать до получения услуги.

3. *Неразрывность производства и потребления услуги.* Оказать услугу можно только тогда, когда поступает заказ или появляется клиент. С этой точки зрения производство и потребление услуг тесно взаимосвязаны и не могут быть разорваны.

4. *Неспособность услуг к хранению.* Услуги не могут быть сохранены для дальнейшей продажи и предоставления. Незанятые комнаты в гостинице, непроданные авиабилеты не могут быть восстановлены.

Во многом данная специфика определяет тот

факт, что одним из важнейших факторов обеспечения качества услуги является квалификация персонала, который оказывает данную услугу.

Особой областью сферы услуг является сфера образования. Это связано с некоторыми факторами, среди которых необходимо отметить следующие:

- 1) повышенное внимание со стороны государственных лиц к качеству предоставляемых образовательных услуг;
- 2) проводимая в последнее время реформа образования, которая одной из целей ставит адаптацию отечественной системы под европейский и международный уровень качества предоставляемых образовательных услуг;
- 3) одним из требований признания отечественной образовательной системы и ее учреждений за рубежом является подтверждение созданной системы управления качеством образовательных услуг.

В связи с вышеуказанными положениями одним из направлений повышения качества образовательных услуг является формирование в образовательном учреждении системы менеджмента качества.

Система менеджмента качества (СМК) вуза – совокупность организационной структуры, методик, процессов и ресурсов, необходимых для осуществления политики в области качества с помощью планирования, управления, обеспечения и улучшения качества образовательных и обеспечивающих их процессов.

Система менеджмента качества (СМК) предназначена обеспечить качество предоставляемых услуг и «настраивать» это качество на ожидания потребителей. При этом главная задача СМК – не контроль каждой отдельной услуги, а создание системы, которая позволит не допускать появление ошибок приводящих к плохому качеству услуг [4].

В результате создания необходимых условий СМК должна гарантировать соответствие выпускников института требованиям государственных образовательных стандартов, пожеланиям и рекомендациям заинтересованных сторон. При должном функционировании СМК затраты на подготовку специалистов должны быть оптимальными.

При этом становление системы менеджмента

качества для большинства российских вузов является актуальной задачей. Это не обозначает, что управление качеством образования в них не осуществляется или само качество достаточно низкое. В первую очередь речь идет о том, что в системе управления большинства вузов присутствуют элементы управления качеством, определенные меры, структурные подразделения, отвечающие за качество выполнения тех или иных образовательных и ряда вспомогательных процессов. Однако полноценной системы, отвечающей не просто за реализацией и контролем качества образовательного процесса, но и за его развитие, большинство высших учебных заведений не имеют.

При этом необходимость становление системы менеджмента качества образовательного процесса в вузе обуславливается следующими основными причинами.

Во-первых, заинтересованностью вуза в повышении значимости и престижности выдаваемого им диплома, что напрямую связано с уровнем конкурентоспособности и востребованности выпускемых вузом специалистов. Наличие сертификата соответствия, подтверждающего существование в вузе системы менеджмента качества образования, является одним из факторов привлечения абитуриентов в вуз. Примером могут служить сертификация на соответствие стандартам серии ИСО (ISO) и иным стандартам, регламентирующими управление качеством в высших учебных заведениях. К сожалению, в настоящий момент вузы, имеющие данные сертификаты, используют их в качестве инструмента рекламной кампании и фактора повышения имиджа вуза, реально не используя выгоды от внедрения СМК.

Во-вторых, определенные вузы сами становятся заинтересованными во внедрении системы менеджмента качества, поскольку она повышает прозрачность и регламентированность выполняемых вузом научных, образовательных и околообразовательных процессов. Это, безусловно, сказывается и на уровне управляемости данными процессами, повышая тем самым их качество.

В-третьих, многие вузы в настоящее время заинтересованы в повышении сотрудничества с зарубежными вузами. При этом под сотрудничеством понимается не просто обмен студентами, а прежде всего обмен опытом ведения образовательного процесса, обмен научными

наработками и направлениями деятельности. В рамках перехода на двухуровневую систему высшего образования сотрудничество с иностранными вузами приобретает более высокую ценность. Большинство ведущих иностранных вузов имеют системы менеджмента качества, большинство их процессов (в том числе и образовательных) четко прописаны и регламентированы. Таким образом, внедрение системы менеджмента качества повышает уровень сотрудничества за счет единого подхода и понимания к осуществлению образовательных и околообразовательных процессов.

В-четвертых, в рамках осуществления Федеральной целевой программы развития образования на 2006 – 2010 вузы, особенно государственные, обязаны формировать комплекс мер по повышению качества образования. Одним из направлений является формирование в вузе системы менеджмента качества. К примеру, среди целевых индикаторов и показателей данной программы, по которой осуществляется контроль деятельности учебных заведений, присутствуют такие, как «Удельный вес численности российских высших учебных заведений, аккредитованных зарубежными аккредитационными агентствами» и «Доля руководителей и специалистов соответствующих подразделений органов управления образованием, осуществивших повышение квалификации в области контроля качества образования» [3].

Тем не менее, существует ряд проблем в области разработки и внедрения системы менеджмента качества в высших образовательных заведениях в связи с переходом на двухуровневую систему подготовки.

Первая проблема. Необходима реальная заинтересованность топ-менеджмента, т. е. ректора и первого проректора во внедрении СМК.

Вторая проблема. Проблема включения мозгов, т.е. понимания сначала топ-менеджментом, что внедрение технологий обеспечения качества образования требует, прежде всего, освоения управленцами новых знаний, новых интеллектуальных технологий.

Это требует затрат, материальных (на производственном предприятии с численностью сотрудников 3000 человек время построения СК занимает 3-5 лет и стоит в среднем 3 миллиона рублей, для вуза приводятся другие цифры – число студентов умножается на 1000 рублей, это и есть

затраты на создание реально действующей системы качества) и духовных (это закономерно труднее, поскольку требует изменения мировоззрения). Но и материальные, и духовные затраты на выстраивание системы управления качеством – это для университета инвестиции однозначно.

Третья проблема. Смена стиля руководства. Внедрение технологий, обеспечивающих определенный измеряемый уровень качества образования, означает одновременно и замену авторитарных элементов стиля управления вузом на технологические. Регулировать процессы в организации начинают люди, освоившие передовые технологии управления.

Четвертая проблема. Доведение до всех без исключения сотрудников вуза значимости и необходимости внедрения СМК, активного участия в реализации процессов управления качеством.

Пятая проблема. Изменение состава, структуры и главное – содержания основных

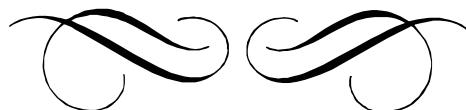
образовательных стандартов, а также иных документов, регламентирующих образовательный процесс в вузе.

Таким образом, в заключении необходимо сказать, что

- наличие сертифицированной системы менеджмента качества – формальное требование при государственной аккредитации вуза.
- единый во всем мире подход к признанию соответствия СМК требованиям ИСО 9001 создает преимущества для вузов, заинтересованных в привлечении иностранных студентов или в установлении коммерческих связей с другими странами.
- наличие сертифицированной СМК – гарантия качества образовательного процесса в глазах существующих и потенциальных потребителей.
- результативная и эффективная СМК – основа конкурентного преимущества вуза.

Список литературы

1. ГОСТ Р ИСО 9001-2008. Системы менеджмента качества. Требования. – СПб., 2008.
2. Грибов В.Д. Экономика предприятий сервиса. – М.: Кнорус, 2010.
3. Официальный сайт Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fcpro.ru/content/view/43/182/>
4. Пузанков Д.В., Олейник А.В. Методические рекомендации по применению стандартов серии ГОСТ Р ИСО 9000: 2001 в высших учебных заведениях. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2003.

КОПЫЛ Дмитрий Николаевич,
заместитель главного врача по хозяйственным
вопросам СПб ГУЗ Городская больница № 38 им.
Н.А. Семашко
E-mail: dnk1212@mail.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством: менеджмент
строительства

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПЛАНИРОВАНИЕ ГЕОДЕЗИЧЕСКИХ РАБОТ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВОМ

Аннотация. В статье рассмотрены современные организационно-экономические подходы к определению места и роль геодезических работ в организации строительства гражданских и промышленных объектов, выделены направления развития геодезических работ, расширяющих возможности современного строительства.

Ключевые слова: менеджмент; управление строительством; экономика строительства; организация геодезических работ.

KOPIL D.N.

THE ORGANIZATION AND PLANNING OF GEODETIC WORKS IN THE PROCESS OF CONSTRUCTION MANAGEMENT

The summary. In article modern organizational-economic approaches to definition of a place and a role of geodetic works in the organization of building civil are considered and industrial targets, directions of development of the geodetic works expanding possibilities of modern building are allocated.

Key words: management; management of building; building economy; the organization of geodetic works.

Функции планирования, организации в системе управления на сегодняшний день являются наиболее дискутируемыми составляющими теории и практики управления в строительстве.

В целях дальнейшего развития экономики и реализации программы жилищного строительства необходим рост производительности и эффективности строительной отрасли. Основной путь перехода к эффективному строительству – это дальнейшая последовательная интенсификация, рационализация и развитие на основе высокого уровня науки и техники, а также управления, планирования и организации производственных и строительных процессов [2].

Строительное производство является полномасштабным многоэтапным процессом, который включает в себя как массу вертикально

зависимых, так и горизонтально несвязанных процессов, позволяющих организовать непрерывность строительства гражданских и промышленных объектов.

Основой этого является деятельность подразделений, обеспечивающих подготовку производства, занимающихся научными исследованиями, разработками и их внедрением при проектировании строительной продукции и технологии строительства. Экономическая эффективность сооружения, использования и технического обслуживания гражданских и промышленных зданий и сооружений определяется, в первую очередь, проектными решениями на этапе подготовки капитальных вложений. Осуществление единого процесса подготовки и реализации капитальных вложений

требует концентрации, дальнейшего развития и тесного сотрудничества всех, входящих в состав строительного комплекса, предприятий и научных учреждений строительства, подразделений, осуществляющих исследования и разработки новых изделий и технологий, строительно-техническое проектирование и технологическую подготовку строительного производства [1].

Строительный комплекс относится к числу ключевых отраслей экономики нашей страны и во многом определяет решение задач по росту эффективности общественного производства, повышению привлекательности отечественного рынка для инвесторов за счет высокого качества продукции и услуг строительной отрасли.

В процессе воспроизведения в строительном комплексе проектная организация занимает доминирующее положение. Именно оно определяет уровень интенсификации и рационализации производства строительных работ и оказывает непосредственное влияние на рост производительности труда, материала – и энергоемкость, на рациональное использование основных фондов и качество продукции.

На основе инвестиционно-строительных проектов решаются задачи ускоренного внедрения результатов научно-технических исследований в строительную практику, обеспечения надлежащего качества и уровня потребительских свойств будущих объектов, снижения материалов, энергозатрат и себестоимости и, не в последнюю очередь, росту производительности труда при выполнении строительных работ. Упущенное в процессе проектирования, практически невозможно возместить по мере реализации процесса строительства объекта.

В настоящее время проектирование, реализуя совместные работы с заказчиком по достижению единого оптимального решения по капитальным вложениям, вместе с разработкой архитектурно-художественных, функциональных и конструктивных решений.

Деятельность проектной организации предполагает эффективное использование находящихся в ее распоряжении капитальных вложений, направляемых на качественное совершенствование материально-технической базы. Кроме повышения эффективности использования капитальных вложений, деятельность проектной организации предполагает реализацию потребительной стоимости

строительного объекта, проявляющейся в функциональной реализации требований заказчика, возможности реконструкции строительного объекта, соответствия возможным последующим изменениям; снижение единовременных затрат на строительные работы и т. п. [3].

Именно подразделения, связанные с подготовкой строительного производства в целом, и в том числе проектные организации, в значительной степени отвечают за развитие процесса воспроизведения в строительстве. Последнее усиливает их социально-экономическую значимость в строительном комплексе.

В задачи проектных организаций входит:

- разработка, использование, а также широкое и быстрое внедрение результатов научно-технических исследований в рамках строительных проектов;
- подготовка в необходимые сроки и на должном уровне проектной документации с целью гарантии стабильного, своевременного удовлетворения обоснованной потребности заказчика в строительных работах. На основе непрерывного долгосрочного и конкретного сотрудничества с будущим заказчиком осуществление прогнозных расчетов потребности в строительной продукции, что представляет интерес для развития строительного комплекса в целом;
- совершенствование управления, планирования и экономического стимулирования в строительном производстве. На основе оценки потребности в строительной продукции, научно-исследовательской и проектной деятельности, а также знания уровня производства и потенциала его развития проектные организации способствуют развитию научно-технического и производственного аппарата строительного комплекса. Это выражается в развитии специализации и централизации, в принятии на себя задач по балансированию в строительстве, в долгосрочной координации имеющихся мощностей.

Геодезические работы относятся к группе проектных работ при организации строительства гражданских и промышленных объектов.

Геодезия (греч. geodaisha, от гз – Земля и дбіф

– делю, разделяю), наука об определении фигуры, размеров и гравитационного поля Земли и об измерениях на земной поверхности для отображения ее на планах и картах, а также для проведения различных инженерных и народно-хозяйственных мероприятий. Название «геодезия» («землеразделение») указывает на те первоначальные практические задачи, которые обусловили ее возникновение, но не раскрывает ее современных научных проблем и практических задач, связанных с разнообразными потребностями человеческой деятельности.

Область геодезических знаний делится на высшую геодезию и геодезию, которые сами подразделяются на более или менее самостоятельные разделы. Основной задачей высшей геодезии является определение фигуры, размеров и гравитационного поля Земли, а также изучение теорий и методов ее решения. В задачи высшей геодезии входит также изучение теорий и методов основных геодезических работ, служащих для построения опорной геодезической сети и доставляющих данные для решения научных и практических задач геодезии. Геодезическая сеть представляет систему, надлежаще выбранных и закрепленных на земной поверхности точек, называемых опорными геодезическими пунктами, взаимные положения и высоты которых определены в принятой системе координат и счета высот. Положения опорных геодезических пунктов определяют преимущественно методом триангуляции, в основе которой лежит тригонометрический принцип измерения расстояний. Метод триангуляции состоит в построении на местности рядов и сетей треугольников, последовательно связанных между собой общими сторонами.

В настоящее время изменилась архитектура строительных объектов, от типовой она перешла к индивидуальной, разнообразной по форме и геометрическим параметрам. Эта тенденция повысила требования к геодезическому обеспечению строительства. Геодезические измерения являются обоснованием для выполнения строительно-монтажных работ, при этом их нельзя отделить от производственного цикла, так как непосредственно за измерениями следует монтаж строительных конструкций. Поэтому требуется обеспечить высокую надежность измерений. Необходимо отметить, что измерения в строительстве имеют существенные

особенности. Некоторые методы измерений не исключают инструментальные погрешности и не содержат полноценного контроля. Кроме того, контроль измерений трудно обеспечить в условиях непрерывного цикла и высоких темпов современного строительства. Ограниченнность строительной площадки не позволяет избежать влияния производственных факторов, таких как ударные воздействия, вибрации и т.п. Поэтому надежность измерений во многом определяется работоспособностью используемых геодезических приборов. В настоящее время контроль работоспособности приборов производится, в основном, периодической поверкой. Поверка осуществляется аккредитованными метрологическими центрами, она производится один раз в год и служит для определения метрологической пригодности прибора в целом. Опыт использования геодезических приборов на строительной площадке говорит о том, что поверка с жестко установленным межповерочным интервалом является недостаточной. В условиях строительства необходимо обеспечить работоспособность прибора в момент измерений, так как его неисправность может привести к значительным отклонениям конструкций от проектного положения. Поэтому для обеспечения требуемого качества строительства необходимо повысить надежность геодезических измерений путем своевременного контроля работоспособности приборов на объекте строительства. Для чего операции контроля необходимо включить в технологию геодезического обеспечения строительных работ. Контроль должен производиться оперативно, в рабочих условиях эксплуатации с использованием методов, соответствующих методам измерений в строительстве и с учетом погрешностей, имеющих существенное влияние на точность. Межконтрольный интервал может составлять от суток до года и устанавливается для конкретных операций [4, стр. 141-142].

Геодезические работы в строительстве или геодезическое сопровождение строительства представляют собой комплекс измерений, вычислений и построений в чертежах и на местности, обеспечивающих правильное и точное размещение зданий и сооружений, а также возведение их конструктивных и планировочных элементов в соответствии с геометрическими параметрами проекта и требованиями

нормативных документов. На каждом этапе геодезических работ в строительстве составляется исполнительная документация по выполненным работам. Исполнительная документация является результатом геодезической исполнительной съемки и представляется в графическом варианте. В ней отражается фактическое исполнение проектных решений, то есть фактическое положение объекта капитального строительства и его элементов. Исполнительные схемы составляются на основании требований действующих в строительной геодезии нормативных документов, требований органов государственного надзора, авторского надзора проектной организации, технадзора заказчика.

Качество работ в строительной геодезии определяется не только качеством примененных материалов по строительству зданий и сооружений, но и качеством представленной исполнительной документации, т.к. после строительства не заканчивается жизнь объекта, его необходимо эксплуатировать, производить строительные работы по косметическому и капитальному ремонту. Значит, чем легче – это будет сделать, тем с меньшими затратами будет производиться эксплуатация и ремонт. Практика подсказывает, что без исполнительной документации бывает очень трудно без доп. затрат производить работы, особенно по прокладке новых и реконструкции существующих инженерных сетей. Таким образом, качество оформления исполнительной документации влияет на качество выполненных работ по строительству зданий и сооружений и на дальнейший процесс эксплуатации.

Геодезия в строительстве на каждом этапе реализации проекта решает различные виды задач:

1. Приемка планово-высотной основы:

1.1. Приемка планово-высотной основы осуществляется на основании документации, представленной Заказчиком:

- акт приема-передачи плановой основы для строительства и геодезических работ;
- акт приема-передачи высотных реперов, закрепленных на строительной площадке или на прилегающей территории;
- схема выноса и закрепления основных осей строящегося здания.

В рамках геодезии в строительстве вся вышеперечисленная документация подготавливается и передается Застойщику

организациями, уполномоченными производить вынос в натуру основных осей зданий и сооружений.

1.2. Плановая основа для строительства представляет собой основные оси строящегося здания, вынесенные в натуру и закрепленные в виде створных меток на твердых контурах строительной площадки, а также в виде грунтовых реперов.

2. Создание планово-высотной сети сгущения для строительства зданий, сооружений:

2.1. Точки планово-высотной сети сгущения располагаются по периметру строительной площадки, а также за ее пределами, имеют координаты X, Y, Z в системе строящегося здания, и необходимы для применения обратной линейно-угловой засечки при ориентировке прибора;

2.2. Высотный репер, закрепленный на строительной площадке, расположен в пределах прямой видимости по отношению к строящемуся корпусу.

3. Работа со Стройгенпланом:

3.1. Проверка электронной версии Стройгенплана на соответствие бумажной версии, принятой к производству работ;

3.2. Вынос в натуру контуров строительной площадки производится в соответствии со Стройгенпланом;

4. Работа с проектной документацией:

4.1. Проверка электронных версий рабочих чертежей на соответствие бумажным версиям, принятым к производству работ;

4.2. Расположение разбивочных точек на монтажном горизонте оптимально соответствует взаимному расположению элементов конструкции на чертежах;

5. Детальная разбивка элементов конструкций строящихся зданий, сооружений:

5.1. Для определения проектного местоположения элементов конструкции производится вынос рабочих осей на монтажном горизонте;

5.2. Детальная разбивка на монтажном горизонте производится в виде смещенных рабочих осей, либо в виде смещенных проектных поверхностей элементов конструкций;

5.3. Разбивка края перекрытия производится непосредственным выносом проектных точек от бортовки.

6. Вынос высотных отметок на монтажный горизонт:

6.1. Подъем рабочего репера на монтажный горизонт производится с применением рулетки, от репера расположенного на цокольной части здания;

6.2. Сгущение высотной основы на монтажном горизонте производится методом технического нивелирования;

6.3. Высотные отметки, вынесенные на монтажном горизонте, позволяют инженерно-техническим работникам заказчика производить установку каркаса опалубки перекрытия;

6.4. Проверка выставленного в проектное положение каркаса опалубки перекрытия позволяет определить абсолютную ошибку положения горизонта каркаса, а также относительную ошибку взаимного расположения элементов каркаса.

7. Составление исполнительной документации:

7.1. Исполнительная документация по выполненным работам оформляется в виде исполнительных схем в бумажном виде, в формате согласованном с заказчиком;

7.2. Содержание исполнительной документации включает все элементы конструкций, соответствующие перечню нормативных документов;

7.3. Качество информационного наполнения документации соответствует стандартам ГОСТ;

7.4. Сдача исполнительных схем производится по графику, согласованному с заказчиком. Перечень геодезической исполнительной документации оформляемой при строительстве:

Геодезические работы по обеспечению строительства составляют основные объемы работ на рынке геодезических работ специального назначения, выполняемых для нужд местных органов власти, различных организаций и граждан. Заказы на этом рынке размещаются на условиях торгов при высоком уровне конкуренции.

Государственные геодезические предприятия выступают как рядовые участники рынка работ специального назначения, вступают в конкурентную борьбу с организациями других форм собственности и имеют ряд неоспоримых преимуществ перед ними:

- высокое качество выполнения работ, гарантированное квалифицированным персоналом и наличием отдела технического контроля;
- широкий спектр предоставляемых услуг: от геодезического обоснования съемки до издания топографических планов и карт;

- наличие современного оборудования и технологий, различных баз данных. Геодезические предприятия планируют работы по госзаказу, но чаще всего стихийно действуют на рынке работ специального назначения, они участвуют в конкурентной борьбе за получение заказов и иногда ее проигрывают.

Творческое применение концепции маркетинга в управлении деятельностью геодезического предприятия на данном рынке позволит выйти на наиболее благоприятные сегменты рынка, сформировать в интересах предприятия изменяемые факторы внешней среды, в том числе и поведение потребителей, выполнять перспективное и текущее планирование, выработать оптимальную ценовую политику, удержать существующих и привлечь потенциальных заказчиков.

Индустриализация производства и типизация деталей в жилищном, гражданском и промышленном строительстве явились коренным решением проблемы повышения качества и снижения стоимости возведения зданий и инженерных сооружений. Переход на заводское изготовление сборных железобетонных элементов позволил унифицировать основные строительные конструкции по группам.

Применение типовых конструкций позволило осуществить унификацию объемно-планировочных и конструктивных решений современных промышленных зданий и сооружений, применить в типовых проектах унифицированные сетки колонн, пролеты и высоты зданий и осуществить блокировку отдельных сооружений и производств в едином крупноразмерном здании из типовых секций.

Разработка проектов и возведение промышленных зданий из крупноразмерных унифицированных типовых секций и пролетов создали благоприятные условия для разработки генеральных планов крупных промышленных предприятий и позволили перейти к унифицированным кварталам застройки. Такое решение генеральных планов дает возможность размещать однотипные или родственные производства в пределах одного квартала, размеры которого определяются геометрическими параметрами зданий и сооружений.

Возведение зданий и сооружений осуществляется на основе применения

прогрессивных поточно-скоростных методов работы с расчленением зданий на отдельные монтажные зоны и применением монтажных агрегатов в виде групповых кондукторов, что создает благоприятные условия для выполнения строительно-монтажных работ во всех частях здания или сооружения независимо от стадии их возведения.

Прогрессивные решения в проектировании и строительстве привели к необходимости усовершенствования существующих и разработке принципиально новых методов и средств производства геодезических работ при возведении зданий и сооружений. Специфика современного строительства и многообразие задач, решаемых геодезией на стадии возведения здания или сооружения, способствовали появлению строительной геодезии как самостоятельного раздела инженерной геодезии.

Строительная геодезия имеет объект, цель исследования и свои средства для достижения этой цели. Объект исследования строительной геодезии – это здания и сооружения, цель – обеспечение проектной геометрии зданий и сооружений в процессе их возведения путем выполнения геодезических построений и измерений, средства исследования – геодезические методы выполнения работ.

Наряду с процессом сужения раздела строительной геодезии по сравнению с общей геодезией, которая исследует поверхность земли со всеми находящимися на ней объектами, совершается и его расширение за счет развития собственных задач. Так, кроме съемок для составления проекта и исполнительных планов, строительная геодезия осуществляет перенос проектов зданий и сооружений в жизнь, т. е. осуществляет процесс, который является действием, обратным съемке.

Особенности объекта исследования и значительное повышение требуемой точности построений элементов проекта не позволяют в строительной геодезии ограничиться использованием только средств классической геодезии.

Размеры и объемно-планировочные решения объекта измерений определяют методы выполнения работ и конструкции применяемых для этих целей приборов или инструментов. Условия измерений на строительной площадке значительно отличаются от тех, которые имеют место в классической геодезии. Поэтому инструменты,

применяемые в общей геодезии, далеко не всегда могут быть применены эффективно в условиях строительной площадки.

Предметом исследования является строительный объект (здание или сооружение), на котором производятся геодезические построения и измерения; результаты этих построений и измерений подвергаются математической обработке с целью определения точности возведения зданий и сооружений. Таким образом, строительная геодезия возникает на стыке трех отраслей знаний: строительства, геодезии и математики.

Роль строительной геодезии в настоящее время значительно возросла в связи с увеличением степени сборности зданий и сооружений и превращением строительного производства в процесс сборки и монтажа готовых строительных конструкций. В настоящее время качество строительства и долговечность зданий и сооружений во многом зависят от совершенства форм организации геодезической службы и методов производства геодезических работ в строительстве.

В стадии завершения строительства геодезия играет большую роль в деле составления технической исполнительной документации, являющейся фотокопией законченного строительством объекта.

Для современного строительства с его масштабами, темпами, сложными конструктивными и технологическими узлами, требующими точных привязок и стыковок, с наличием большого количества подземных коммуникаций и надземных сооружений необходимо усовершенствование существующих и создание новых методов и средств измерений в строительной геодезии.

При строительстве зданий и сооружений различают следующие этапы выполнения геодезических работ:

- составление проектов производства геодезических работ при возведении зданий или инженерных сооружений;
- развитие опорных и создание специальных разбивочных геодезических сетей для выноса проекта в натуре и производства исполнительных съемок на стадии строительства и после его завершения;
- производство основных и детальных геодезических разбивочных работ при

- возведении зданий и сооружений;
- осуществление контрольных геодезических измерений в процессе возведения зданий и сооружений;
- производство геодезических съемок и составление технической исполнительной документации, фиксирующей имеющиеся отклонения от проекта в размерах строящихся зданий и сооружений;
- наблюдения за деформациями зданий и сооружений в процессе строительства (если это предусмотрено проектом): расчет требуемой точности геодезических измерений, выполняемых на всех стадиях возведения зданий и сооружений.

Таким образом, основными задачами геодезической службы в строительно-монтажных работах является проведение комплекса геодезических работ, обеспечивающих точное соответствие проекту возводимых в натуре предприятий, зданий и сооружений, а также осуществление геодезического контроля над процессом строительства. Геодезические работы в строительстве являются неотъемлемой составной частью технологического процесса строительно-монтажного производства и должны обеспечивать повышение качества, снижение стоимости и сокращение продолжительности строительства.

Правильная организация геодезических работ – один из основных факторов, определяющих качество строящихся зданий и сооружений. Унификация размеров кварталов генеральных планов промышленных предприятий нового типа вносит существенные изменения в действующие принципы проектирования и построения опорных геодезических сетей, создаваемых на стадии строительства.

Разбивка промышленных предприятий и промышленных узлов на крупные кварталы размерами 360Х150, 420x180, 480x210, 540x240, 600x270 м позволяет строить опорные каркасные сети геодезического обоснования в виде квадратов или прямоугольников таких же размеров.

Каркасная геодезическая сеть должна служить организующим фактором при строительстве промышленных предприятий и промышленных узлов.

Каждая фигура каркасной сети геодезического обоснования впоследствии должна сгущаться в зависимости от взаимного расположения зданий и

сооружений.

Основное назначение сгущаемой сети – служить геодезическим обоснованием для построения в натуре основных осей здания или сооружения.

В процессе возведения фундаментов и опор, монтажа несущих конструкций каркасов и особенно монтажа многоэтажных и большепролетных зданий и сооружений, соблюдение допускаемых отклонений в плане по высоте и вертикали требует постоянных инструментальных наблюдений.

При проведении геодезического контроля над производством строительно-монтажных работ задача состоит не только в том, чтобы установить неправильное ведение работ, но и в том, чтобы предупредить возможное появление недопустимых отклонений от проекта. Техническая документация имеет важное значение при определении объемов и качества скрытых работ. Она должна составляться в установленных масштабах и с полнотой, дающей достаточно точную и исчерпывающую характеристику возведения объектов. Содержание и номенклатура ее должны соответствовать исполнительным строительным чертежам, в какой-то степени повторяя основные проектные чертежи, по которым осуществлялось строительство.

Геодезические работы по наблюдениям за деформациями строящихся зданий и сооружений не нашли еще достаточно широкого развития в практике строительства и проводятся лишь в редких случаях для особо ответственных или уникальных сооружений. Необходимость их проведения совершенно очевидна, так как по результатам этих работ можно выполнять технико-экономические анализы запроектированных и возведенных в тех или иных инженерно-геологических условиях зданий и сооружений и на основе этого анализа совершенствовать конструктивные решения данных сооружений.

Насущной задачей современного строительства является обеспечение необходимой точности возведения каркасов зданий и сооружений, которая обуславливается в реальности влиянием многочисленных производственных и внешних факторов. Проблема точности возведения зданий и сооружений в современных условиях приобретает народнохозяйственное и экономическое значение, так как повышение точности связано с повышением стоимости выполняемых работ на строительно-монтажной

площадке и дополнительными затратами времени и средств. Эта проблема должна решаться на основе глубокого научного анализа производственных процессов с привлечением новейших достижений в области математики и геодезии. Для обеспечения проектного положения конструкций и зданий в целом в пределах допускаемых отклонений, регламентируемых соответствующими главами Строительных норм и правил (СНиП), весьма важным является вопрос об установлении требуемой точности геодезических построений. Определение требуемой точности геодезических построений является одним из важнейших факторов повышения качества выполнения проекта в натуре и уменьшения трудозатрат на установку конструкций в проектное положение при условии строгого соблюдения норм точности положения элементов в каркасе здания.

Поэтому при современных условиях выполнения строительно-монтажных работ следует решить вопрос об установлении такой величины погрешности геодезических построений, которая не оказывала бы существенного влияния на требуемую точность положения конструкций в каркасе здания, с одной стороны, и не вызывала бы необходимости в проведении высокоточных измерений с применением дорогостоящих геодезических инструментов и приспособлений, с другой стороны, т. е. решить вопрос об установлении оптимального значения величины погрешности геодезических построений при минимальной стоимости выполнения работ.

Понятие «точность возведения зданий и сооружений» определяется как совокупность характеристик процессов выполнения проектных размеров строительных конструкций при их изготовлении, установке строительных конструкций в проектное положение при монтаже и производстве геодезических построений на всех стадиях возведения здания или сооружения.

Понятие «геодезические построения» употребляется там, где речь идет о построении в натуре разбивочных осей, разбивочных горизонтов и передаче отметок и разбивочных осей на

монтажные горизонты. Что же касается понятия «геодезические измерения», то оно относится к геодезическим работам, которые связаны с определением планового и высотного положения установленных конструкций относительно ранее построенных разбивочных осей и горизонтов.

Прогрессивные решения в проектировании и строительстве современных зданий, сооружений и предприятий в целом ставят перед строительной геодезией ряд проблем, требующих коренного их решения. К таким проблемам могут быть отнесены:

- разработка экономически эффективных методов производства геодезических работ на строительной площадке;
- разработка и унификация схем опорных геодезических сетей, методов их построения и уравновешивания;
- определение требуемой точности выполнения геодезических построений на всех этапах возведения зданий и сооружений;
- создание прогрессивных геодезических инструментов и приборов для угловых, линейных и высотных измерений, прежде всего, основанных на применении оптических квантовых генераторов.

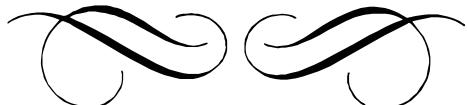
Обобщая результаты проведенного исследования, следует отметить что место и роль геодезических работ в системе управления строительством многоаспектны.

В ходе систематизации научно практического материала мы выделили место геодезических работ практически в каждой стадии современного строительного производства. Функции геодезического контроля и анализа представляют собой непрерывный поступательный процесс на всех отрезках строительства.

Роль геодезических работ в организации управления строительным производством промышленных и гражданских объектов на сегодняшний день перешагнула рекомендательный характер и определяется как обязательный элемент в организации ключевых процессов на этапах подготовки и завершения строительных работ.

Список литературы

1. Горелов В.А., Глухов Г.В., Лавриненко Е.Д. Создание планового геодезического обоснования при строительстве УНК // Известия вузов. Геодезия и аэрофотосъемка. – 2002. – №3 – С. 3-14.
2. Кичанов Р.И. Развитие жилищной сферы страны и регионов в современных условиях. – М., 2007. – 178 с.
3. Корнаков А.Н., Цветков В.Я. Специальные виды информационного менеджмента // Современные научно-исследовательские технологии. – 2010. – № 1. – С. 100-101.
4. Щербаков В.В. Возможности практического применения GPS-технологий для контроля геометрических параметров рельсовой колеи / В.В. Щербаков, А.В. Конкин, В.М. Жидов, И.Н. Шерстобитова // Вузы Сибири и Дальнего Востока – ТРАНССИБУ: региональная научно-практическая конференция. – Сибири и Дальнего Востока – ТРАНССИБУ: региональная научно-практическая конференция. – Новосибирск: СГУПС, 2002. – С. 141-142.

ФИНАНСЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ. ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ, БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ.

КОНДРАТ Елена Николаевна,

доцент кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,

кандидат юридических наук,

кандидат экономических наук, доцент

E-mail: prokuratura@inbox.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право;
налоговое право; бюджетное право

КОНТРОЛЬ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ: МЕСТО ГОСУДАРСТВА И РЫНКА

Аннотация. В статье рассмотрены место и роль государства в обеспечении финансового контроля, влияние на него рынка. Рассматриваются причины участия государства в экономической жизни общества. Обосновываются мысли о том, что государство призвано корректировать недостатки, присущие рыночному механизму. Подробно исследуются методы государственного регулирования, находящие применение в определенных направлениях. Идет речь о таких направлениях, как: прямой контроль государства над монопольными рынками; обеспечение экономической безопасности производства; разработка стандартов производственной, экономической и контрольной деятельности; определение и поддержание минимально допустимых параметров жизни населения; защита национальных интересов в сфере международной экономики.

Изучая основные экономические методы государственного регулирования, соответствующие задачи государства, автор, опираясь на наработанный научный потенциал, основное внимание сосредотачивает на регулировании в сфере финансов. В этом контексте идет речь и о саморегулировании как об одном из элементов государственного регулирования общественных отношений, поскольку его реализация производится на основе делегирования государством ряда полномочий по управлению рынком.

Ключевые слова: финансовый контроль; государство; рынок; экономическая жизнь общества; методы и направления государственного регулирования; монопольные рынки; экономическая безопасность; стандарты производственной, экономической и контрольной деятельности; параметры жизни населения; регулирование в сфере финансов; саморегулирование; международная экономика.

KONDRAT E.N.

CONTROL IN FINANCIAL SECTOR: THE PLACE OF STATE AND MARKET

The summary. The article deals with the place and role of the state in providing financial control, the impact of the market on it. The causes of the state participation in the economic life of society are considered. The justification is given to the idea that the state is called to correct drawbacks inherent in the market mechanism. The methods of state regulation which find applica-

tion in certain areas are researched in detail. The subject issue concerns such areas as direct control of the state over monopolistic markets; ensuring the economic security of production; development of standards for production, economic and control activities; determination and maintaining of minimum allowable parameters for the life of population; protection of national interests in the sphere of international economy.

Studying the main economic methods of state regulation, the relevant tasks of the state the author based on the accumulated scientific potential focuses on the regulation in financial sphere. In this context the subject is also concerned with self-regulation as one of the elements of state regulation for social relations since its implementation is carried out on the basis of delegation by the state of a number of powers to manage the market.

Key words: financial control; the state; market; economic life of society; methods and areas of the state regulation; monopolistic markets; economic security; standards of production, economic and control activities; parameters of population life; regulation in financial sphere; self-regulation; international economy.

Активное участие государства в экономической жизни общества обусловлено, как минимум, тремя причинами [17].

Во-первых, этого требует «стержень» рыночного механизма – конкуренция. Развитие монополий подрывает конкурентное начало рыночной экономики, отрицательно сказывается на решении макроэкономических проблем, ведет к снижению эффективности общественного производства. Поэтому всесилию монополий должны быть противопоставлена законодательная и иная антимонополистическая деятельность государства.

Первый опыт организованной антимонопольной деятельности государства был положен принятием антитрестового законодательства в США в 1890 г. («Закон Шермана»). Позже аналогичные законы появились в других странах. Антимонополистическое законодательство направлено на поддержание такой структуры производства, которая позволяла бы ему оставаться конкурентоспособной. Расчеты показали, что одна компания не должна производить более 40 процентов того или иного вида продукции. Предусмотрены ограничения на долю акций других компаний, которыми может владеть крупная корпорация. Законодательство запрещает всякий сговор по искусственноному поддержанию цен, не соответствующему реальному соотношению между спросом и предложением. Правовая защита производителей и потребителей является важнейшей функцией государства [6, стр. 102-121; 7, стр. 5-17; 9, 10; 11; 16, стр. 39-40; 18, стр. 16-20; 21; 22; 23; 24; 25,

стр. 33-35; 27, стр. 15-17; 28, стр. 98-105; 32; 33]. Прежде всего, должно быть обеспечено право собственности. Собственник, не уверенный в неприкосновенности своей собственности, будет опасаться ее отчуждения и не сможет использовать в полную силу творческий и материальный потенциал.

Во-вторых, всегда существовали такие виды производства, которые «отторгает» рыночный механизм. Прежде всего, это производство с длительным сроком окупаемости капитала, без которых общество не может обойтись, а результаты, которых нельзя соизмерить в денежной форме: фундаментальная наука, поддержание обороноспособности страны, охрана правопорядка, содержание нетрудоспособных, организация образования, здравоохранение, создание и поддержание нормального функционирования общеэкономической структуры (денежное обращение, таможенный контроль и др.).

В-третьих, есть причины, вытекающие из ограниченных возможностей рыночных саморегуляторов: обеспечение равновесия в экономической системе, поддержание занятости населения на необходимом уровне, правовое обеспечение функционирования рыночного механизма, разработка теории общественного выбора и принципов рационального экономического поведения.

В развитии экономики государство призвано корректировать те недостатки, которые присущи рыночному механизму. Рынок не способствует сохранению не воспроизводимых ресурсов, защиты

окружающей среды, не может регулировать использование ресурсов, принадлежащих всему человечеству (рыбные богатства океана). Рынок всегда был ориентирован на удовлетворение запросов тех, кто имеет деньги.

Административные методы государственного регулирования находят эффективное применение в таких основных направлениях:

1. Прямой контроль государства над монопольными рынками; административное регулирование рынков тех товаров неэластичного спроса, которые отнесены к монополии государства, с применением планирования цен, введением жестких ставок акцизных налогов;
2. обеспечение экономической безопасности производства;
3. разработка стандартов, необходимых для осуществления всех видов производственной и экономической деятельности и контроля за их выполнением;
4. определение и поддержание минимально допустимых параметров жизни населения;
5. защита национальных интересов в сфере международных экономических отношений.

Сфера применения административных регуляторов рыночных отношений довольно обширна. В странах с развитой экономикой они успешно «работают» на повышение эффективности экономических отношений.

Однако воздействие государства на экономику не может носить произвольный характер. Конкурентный рынок «диктует» экономическим действиям государства свои требования. Применение «внешних» регуляторов не должно вести к ослаблению рыночных стимулов. В противном случае, общество сталкивается с такими явлениями, как расстройство денежной системы и государственных финансов, с переплетением безработицы с растущей инфляцией и т. д. [17].

В.Н. Хропанюк считает, что в экономической сфере задача государства заключается в выработке и координации государством стратегических направлений развития экономики страны в наиболее оптимальном режиме.

В правовом государстве, функционирующем в условиях рыночных товарных отношений, государственное регулирование экономики осуществляется экономическими, а не административными методами. Для такого государства характерна свобода и

самостоятельность собственника, которые обеспечивают реальное равенство и независимость как производителей, так и потребителей социальных благ.

По мнению В.Н. Хропанюка, существует два основных экономических метода государственного регулирования:

- 1) определенная и достаточно жесткая налоговая политика, которая позволяет государству успешно решать его социальные задачи, а также перераспределять часть национального дохода в целях более сбалансированного развития производительных сил общества;
- 2) создание наиболее благоприятных условий хозяйствования в приоритетных отраслях экономики, развитие которых дает наибольшую выгоду обществу в целом [31].

Экономическая деятельность современного правового государства имеет следующие направления:

- 1) государственное воздействие на экономическую жизнь общества в целом, что выражается в формировании государством бюджета и контроле над его расходованием; в составлении программ экономического развития в масштабе страны; в финансировании программ промышленных и научных исследований; в выдаче субсидий производителям материальных благ для стимулирования производства. В государственном регулировании экономических процессов участвуют высшие и местные органы государственной власти, а также специализированные учреждения. Такими учреждениями в США являются Административно-бюджетное бюро, Совет экономических консультантов, Национальное управление трудовых отношений, Федеральная резервная система и другие. Они входят в аппарат президента страны.

Стимулирующее воздействие на экономику оказывают и местные органы государства. Они обеспечивают приток капитала и развитие бизнеса на подопечной территории с целью получения больших средств для местного бюджета. Поддерживая предпринимательство, привлекая на свою территорию новые компании, местные власти, таким образом, развиваются инфраструктуру, решают проблему безработицы. Для осуществления этих задач используется механизм налогов, выделяются под строительство

земельные участки, выпускаются облигации для финансирования новых производителей [13; 29].

Экономическая роль государства, в основном, заключается в регулятивных, стимулирующих, поощрительных [26], консультационных действиях, но ни в коем случае не в создании распределительных или запретительных механизмов. В современном гражданском обществе только хозяйствственные единицы и трудовые коллективы (производители) могут решать, какие органы государственного и хозяйственного управления им нужны, в чем должны состоять функции этих органов, сколько им платить и за какие услуги.

2) Экономическая деятельность государства выражается также в непосредственном хозяйственном руководстве государственным сектором экономики (на государственных предприятиях, в учреждениях, заведениях). Здесь государство само выступает собственником средств производства, производителем материальных благ и услуг. Методы его влияния на экономические отношения, складывающиеся в этом секторе экономики, принципиально не отличаются от общих методов государственного регулирования экономических процессов в стране [31].

М.П. Афанасьев и И.В. Кривогов основными экономическими задачами государства называют следующие:

Охрана института права, защита общественного спокойствия и локализация конфликтов. Другими словами осуществление полицейских функций, а также выполнения роли апелляционной инстанции для решения споров и конфликтов [20].

Зашита прав частной собственности, ее спецификация и регистрация. Данная задача требует от государства обеспечивать основу экономических и политических свобод людей.

Обеспечение возможности и путей свободного обмена товарами и услугами. Инфраструктурная функция является одной из важнейших для функционирования общества.

Создание и защита механизмов обмена информацией в широком смысле слова. Предполагается, что государство может предоставить членам общества адекватные коммуникативные возможности при минимальных общественных издержках.

Сохранение и разработка измерительных

стандартов, включая меры, весы, эталоны, а также деньги. Данная инфраструктурная функция государства направлена на минимизацию издержек общественного обращения, поддержание стабильности используемой денежной единицы как наиболее универсального инструмента и мерила обменных операций.

Производство общественных благ. Предполагается, что государство может производить некоторый уникальный объем услуг, полезный всем членам общества в специфических секторах экономики, где общественные издержки окажутся ниже частных на единицу блага [5, стр. 20-21].

Особую роль имеет государственное регулирование в сфере финансов. Поступательное развитие современного правового общества невозможно представить без эффективно функционирующей системы государственных финансов.

Финансы представляют собой экономические отношения, связанные с формированием, распределением и использованием централизованных и децентрализованных фондов денежных средств в целях выполнения функций и задач государства и обеспечения условий расширенного воспроизводства. [12, стр. 92, 104; 34, стр. 15; 35, стр. 11].

По определению Е.Ю. Грачевой финансовая деятельность в любом обществе представляет собой процесс планового созиания, распределения (перераспределения) и использования денежных средств с целью практического выполнения задач и функций государства и муниципальных образований [14].

Под централизованными финансами понимаются экономические денежные отношения, связанные с формированием и использованием фондов денежных средств государства, аккумулируемые в государственной бюджетной системе и правительственные внебюджетные фонды, под децентрализованными финансами – денежные отношения, опосредующие кругооборот денежных фондов предприятий.

Финансы – неотъемлемое связующее звено между созданием и использованием национального дохода. Финансы, воздействуя на производство, распределение и потребление, носят объективный характер. Они выражают определенную сферу производственных отношений

и относятся к базисной категории [34]. Современная экономика не может существовать без государственных финансов. На определенных этапах исторического развития ряд потребностей общества может финансироваться только государством (приоритетные отрасли промышленности или предприятия, которые необходимы всем) [15, стр. 8].

Государственные финансы есть совокупность денежных средств (ресурсов), которые государство мобилизует для выполнения своих функций.

Величина государственных финансов определяется функциями и ролью государства в обществе: в каждой стране «свои» государственные финансы, которые отражают особенности «своего» государства.

Государственные финансы выполняют в обществе несколько функций. Суть первой из них – экономической – заключается в финансировании регулирующей деятельности государства в национальном хозяйстве (управление госсектором, программирование и т. п.). Вторая функция – оборонная – состоит в финансировании армии, полиции и т. п. Третья – социальная – заключается в оказании поддержки малоимущим слоям населения, финансировании пособий по безработице, инвалидам и больным.

Государственные финансы являются инструментом вмешательства государства в экономику в целом, т. е. оказывают непосредственное влияние как на совокупный спрос, так и на совокупное предложение. Соответственно, общество должно иметь возможность оценить последствия такого вмешательства. Именно задача оценки последствий такого вмешательства заставила многие страны пересмотреть свои взгляды на принципы и механизмы функционирования одного из самых важных элементов государственного устройства – системы государственных финансов [5, стр. 20-21].

Модернизация системы государственных финансов во всех индустриально-развитых странах мира преследует основную цель – радикальное повышение эффективности выполнения государством своих экономических функций. Одновременно сам институт государства является ключевым субъектом для понимания логики функционирования государственных финансов, в которых государство более эффективно, чем иные механизмы, а если речь вести только об экономике,

то государство компенсирует так называемые «провалы рынка», где свободный рыночный механизм конкуренции, спроса и предложения не существует или неэффективен. Финансы государства являются прямым и непосредственным проявлением эффективности его деятельности.

В Бюджетном послании Президента РФ о бюджетной политике на 2012 – 2014 гг. поставлено ряд задач дальнейшего совершенствования бюджетной системы Российской Федерации в целях ее модернизации.

Первое. Надо интегрировать бюджетное планирование в процесс формирования и реализации долгосрочной стратегии развития страны.

Не позднее 2012 года необходимо утвердить долгосрочный экономический прогноз, стратегию долгосрочного развития России и увязанную с ней бюджетную стратегию. В них должны найти комплексное отражение долгосрочные цели социально-экономического развития страны, финансовое и нормативно-правовое обеспечение механизмов их достижения.

В бюджетной стратегии должны быть предусмотрены критерии и процедуры оценки рисков устойчивости бюджетной системы.

Надо начать полномасштабное внедрение с 2012 года программно-целевого принципа организации деятельности органов исполнительной власти и, соответственно, программных бюджетов на всех уровнях управления, в том числе утвердить основные государственные программы.

Второе. Следует закрепить, начиная с 2015 года, правила использования нефтегазовых доходов и ограничения на размер дефицита федерального бюджета.

При формировании федерального бюджета на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов необходимо обеспечить – в рамках переходного периода – создание предпосылок для введения указанных правил, предусмотрев стабилизацию и последующее снижение дефицита федерального бюджета.

Третье. На 2012 – 2013 годы будут снижены ставки страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с 34 до 30 процентов, а для малого бизнеса и некоммерческих организаций, осуществляющих основную деятельность в области социального обслуживания населения, а также благотворительных организаций и

организаций, применяющих упрощенную систему налогообложения, – до 20 процентов.

В 2012 году необходимо подготовить комплексные предложения по развитию пенсионной системы и системы обязательного социального страхования.

Четвертое. Российская налоговая система должна отвечать современным вызовам в условиях глобализации экономики, обеспечивать справедливое налогообложение доходов экономических агентов и способствовать устойчивому развитию России как федеративного государства.

Требуется повысить роль налогов, взимаемых с компаний, работающих в нефтегазовом секторе, а также в алкогольной и табачной отраслях. Одновременно необходимо принять решения для ускоренного введения налога на недвижимость и расширения патентной системы налогообложения малого предпринимательства.

Пятое. Бюджетная политика должна быть нацелена на улучшение условий жизни человека, адресное решение социальных проблем, повышение качества государственных и муниципальных услуг, стимулирование инновационного развития страны.

Должно быть предусмотрено необходимое финансирование для обеспечения всех принятых обязательств, в том числе для реформирования денежного довольствия военнослужащих и приравненных к ним лиц, сотрудников органов внутренних дел, повышения пенсий и социальных пособий, модернизации здравоохранения и образования.

В качестве одного из основных источников для обеспечения решения поставленных задач следует рассматривать увеличение доходов от распоряжения имуществом, находящимся в федеральной собственности.

Шестое. Необходимо повысить отдачу от использования государственных расходов, в том числе за счет формирования рациональной сети государственных учреждений, совершенствования перечня и улучшения качества оказываемых ими услуг.

1 января 2012 г. завершается переходный период введения новых форм оказания и финансового обеспечения государственных услуг на федеральном уровне, 1 июля 2012 г. – на региональном и местном уровне.

Нужно заблаговременно принять все

необходимые для этого решения, качественно сформировать государственные и муниципальные задания для бюджетных и автономных учреждений и нормативы их финансового обеспечения.

Необходимо развитие конкуренции в сфере предоставления социальных услуг, в том числе за счет привлечения к их оказанию негосударственных организаций, прежде всего, социально ориентированных некоммерческих организаций.

Седьмое. Должна быть существенно снижена роль государства в непосредственном управлении экономическими активами. Правительству Российской Федерации необходимо определить график приватизации крупных пакетов акций в ключевых контролируемых государством компаниях, предусмотрев снижение доли участия до уровня ниже контрольного пакета акций или отказ от такого участия, за исключением ряда организаций, работающих в инфраструктурных секторах или непосредственно связанных с обеспечением безопасности государства.

Цель этой работы заключается, прежде всего, в создании условий для притока инвестиций иностранных тоже [19] и справедливой конкуренции в тех сферах, где такая конкуренция может способствовать активизации инвестиционной, предпринимательской и инновационной деятельности частных компаний, в том числе малых и средних. Надо исключить преимущества для деятельности организаций, которые полностью или частично находятся в государственной или муниципальной собственности, если это прямо не связано с обеспечением безопасности государства.

Восьмое. Требует кардинальной перестройки система государственных закупок.

Мировой опыт свидетельствует, что потребности государства в товарах, работах, услугах удовлетворяются более адекватно, если все процедуры государственного заказа встроены в единую институциональную среду. Таковой должна стать федеральная контрактная система, поручение по созданию которой было дано в конце прошлого года. Следует сформировать механизмы, гарантирующие надлежащее качество закупок с учетом всего жизненного цикла продукции, а также обоснованность цен контрактов и надежный мониторинг их исполнения. В этой работе необходимо, наконец, полноценно учесть особенности сложной и инновационной продукции,

работ и услуг, в том числе связанных с научными исследованиями.

Использование

неформализованных критериев при проведении конкурсных процедур должно сопровождаться обеспечением их максимальной открытости. При этом акцент должен быть сделан на достижении наилучшего результата закупок.

Необходимо рассмотреть вопрос о расширении практики заключения государственных (муниципальных) контрактов, выходящих за пределы финансового года. Но должна быть повышена и ответственность государственных (муниципальных) заказчиков за несоблюдение установленных сроков планирования и подготовки государственных (муниципальных) контрактов.

Кроме того, значимая для государства сфера закупок – это не только закупки непосредственно для нужд государства, но и для государственного сектора экономики. Это та сфера, где государство должно как инициировать спрос, так и стимулировать создание и развитие наукоемких и эффективных производств, в том числе с использованием мер бюджетной политики.

В целях повышения эффективности расходов при осуществлении закупок товаров (работ, услуг) субъектами естественных монополий, корпорациями и компаниями с государственным или муниципальным участием необходимо соответствующим образом сформировать процедуры их закупочной деятельности с учетом особенностей каждого из этих заказчиков. Прежде всего, целесообразно установить требования, обеспечивающие информационную открытость конкурсов, которые готовятся проводить указанные заказчики, недопустимость необоснованных ограничений конкуренции участников (товаров), а также публичность результатов этих конкурсов.

Девятое. Необходимо расширение применения механизмов государственно-частного партнерства при реализации инвестиционных проектов модернизации производства и внедрения инноваций. В частности, при осуществлении государственных инвестиций целесообразно в большинстве случаев оформлять участие государства в капитале компаний в форме привилегированных акций. Надо продолжить поддержку (в том числе безвозмездную) инновационного предпринимательства, особенно в части, касающейся содействия патентованию, стандартизации и коммерциализации разработок. Должно быть завершено создание

специализированного агентства по страхованию экспортных кредитов и инвестиций.

Следует обеспечить практическое начало работы российского фонда прямых инвестиций, создаваемого в целях снижения рисков долгосрочных стратегических инвестиций в высокотехнологичные отрасли российской экономики, в том числе в инновационные проекты в энергетике, телекоммуникационном секторе, фармацевтике и других приоритетных отраслях.

Десятое. В 2011 году необходимо завершить разработку поправок и внести изменения в Бюджетный кодекс Российской Федерации по вопросам государственного и муниципального финансового контроля, а также применения мер ответственности за нарушения бюджетного законодательства Российской Федерации. Задача, поставленная в Бюджетном послании Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2009 – 2011 годах, – внести в Государственную Думу соответствующий законопроект в 2008 году – до сих пор не выполнена.

В указанном законопроекте необходимо учесть особенности рисковых проектов с неопределенными результатами исследований или разработок. Контроль над использованием бюджетных средств и иного имущества государства в таких случаях должен быть направлен на обеспечение целевого характера их использования и законности действий соответствующих организаций.

Одиннадцатое. Требуется обеспечить эффективную децентрализацию полномочий между уровнями публичной власти в пользу субъектов Российской Федерации и местного самоуправления. Созданные решением Президента Российской Федерации рабочие группы по правовым вопросам перераспределения полномочий между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, по финансовым и налоговым вопросам, по межбюджетным отношениям должны подготовить до конца текущего года предложения, предусматривающие, в том числе, меры по увеличению доли доходов региональных и местных бюджетов в структуре консолидированного бюджета Российской Федерации, соответствующие новому распределению полномочий. При необходимости нужно внести

изменения в структуру налоговой системы и в бюджетное законодательство Российской Федерации.

Двенадцатое. Правительство Российской Федерации должно утвердить Концепцию создания и развития интегрированной информационной системы управления общественными финансами (электронный бюджет), направленную на повышение открытости, прозрачности и подотчетности финансовой деятельности публично-правовых образований, обеспечение доступности и достоверности информации для всех заинтересованных пользователей, повышение качества финансового менеджмента в секторе государственного управления, и начать реализацию этой Концепции [3].

Таким образом, главное направление модернизации системы государственных финансов – бюджетирование с элементами ориентированности на конечный результат. В органах власти такое бюджетирование зародилось в середине XX века в США и с тех пор приобрело популярность во многих странах мира.

Международные исследования показывают, что исполнительные органы власти примерно 75% стран, входящих в ОЭСР, включают информацию, характеризующую результаты их деятельности, в бюджетную документацию [4].

Интегрирование элементов ориентированности на результат в бюджетный процесс в международной практике происходило в разных условиях:

1. В составе глубинных реформ государственного сектора (Австралия, Великобритания, Новая Зеландия);

2. В рамках отдельных программ частичной модернизации системы управления государственными финансами, не затрагивающих фундаментальные основы системы управления (Германия, Дания, Ирландия, Канада, Норвегия, США, Нидерланды, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция).

В странах, наиболее преуспевших в деле модернизации управления государственными и муниципальными финансами, таких как Австралия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия и США, созданы мощные инструменты для «привязки» результатов деятельности органов власти на различных уровнях бюджетной системы к стадиям бюджетного процесса. Подобные сложные инструменты далеко не всегда нужны;

они могут быть не в полной мере освоены другими развитыми и, тем более, развивающимися странами по всему миру. Так, ощутимые шаги по включению информации о результатах работы органов власти в процесс составления годового бюджета на уровне центрального правительства предпринимаются во Франции и Японии только с 2001 года. В Германии же, начиная с 90-х годов, проводились только эксперименты по внедрению отдельных элементов ориентированности на результат на субфедеральном уровне.

Все проводимые в мире работы по встраиванию БОР в систему управления финансами в монографии «Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации» под ред. проф. д.ю.н. А.Н. Козырина разделены на две группы:

- оригинальные разработки нескольких передовых стран с англосаксонской правовой традицией;
- опыт их адаптации в других странах (в т. ч. в Российской Федерации).

Бюджетирование может быть ориентировано на одну из двух групп результатов, а именно:

- на оценку т. н. непосредственных результатов, проявляющихся в прямой связи с выполнением того или иного действия, оказанием услуги и характеризующих, в частности, объем проведенных работ, оказанных услуг (протяженность дорог, число единиц закупленного оборудования, количество обслуженных потребителей услуги);
- на оценку т. н. конечных результатов – эффектов, полученных вследствие выполнения того или иного действия, функции, программы (повышение уровня благосостояния, здоровья населения, удовлетворенность потребителей качеством услуг и т. п.).

Кроме того, в рамках БОР показатели деятельности могут устанавливаться как для разных уровней власти и управления: как для высшего уровня – органов государственной власти, реализуемых ими программ и проектов, так и для конкретных учреждений.

В юридической литературе государственное регулирование в области финансов [36, стр. 9-10] принято рассматривать как деятельность государства в лице его органов, выражющуюся в установлении и реализации правовых норм, т.е.

преимущественно деятельность нормотворческую, контрольно-надзорную, в том числе применение мер принуждения за нарушение законодательства. Следует заметить, что в противовес государственному регулированию многие ученые часто упоминают институт саморегулирования. По нашему мнению, саморегулирование – один из элементов государственного регулирования общественных отношений, поскольку его реализация производится на основе делегирования государством ряда полномочий по управлению рынком). В данном аспекте увеличение степени вмешательства государства в финансовую сферу традиционно выражается в расширении

полномочий соответствующих органов исполнительной власти, наделении их арсеналом оперативных мер, ужесточении ответственности за нарушения на финансовом рынке. В ряду последних таких мер можно выделить, в частности, учреждение института уполномоченных представителей Банка России в кредитных организациях, получивших средства государственной поддержки [1], расширение полномочий Банка России и Агентства по страхованию вкладов по предупреждению банкротства банков – участников системы обязательного страхования вкладов физических лиц [2] и др.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 46 и 76 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. 2008. 31 декабря.
2. Федеральный закон от 27 октября 2008 г. № 175-ФЗ «О дополнительных мерах для укрепления стабильности банковской системы в период до 31 декабря 2011 года» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2008. – №44. – Ст. 4981.
3. Медведев Д.А. Бюджетное послание Президента Российской Федерации «О бюджетной политике на 2012 – 2014 годы» // Аргументы и факты. 2011. 30 июня.
4. Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации / Под ред. А.Н. Козырина. – Система ГАРАНТ, 2009.
5. Афанасьев М.П., Кривогов И.В. Финансы правового государства // Вопросы государственного и муниципального управления. – Т. 2. – М.: АБиК М-ва финансов РФ, 2007. – №2-3.
6. Бабаджанов И.Х., Исмагилов Р.Ф., Оль П.А., Ромашова Р.А. Функции государства // Теория государства и права / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп. и перераб. В 3-х томах. – Т.1. – СПб., 2010. – С. 102-121.
7. Байрамов Ф.Д., Аббасов Ф.П. К вопросу о понятии «Функция государства» // История государства и права. – 2003. – №5.
8. Борисов Г.А., Тонков Е.Е. О развитии теории функций государства // Право и образование. – 2005. – №1. – С. 5-17.
9. Буховец А.Н. Понятие функций государства в отечественной теории государства и права // Следователь. – 2001. – №6.
10. Владимиров В.А. Основные функции посткоммунистического государства в области внутренней политики. – Тверь, 1992.
11. Габер В.А. Функции государства. – М., 2008.
12. Годме П.М. Финансовое право. – М.: Прогресс, 1978.
13. Государственно-правовая политика в Северо-Западном регионе / Под ред. К.Н. Серова, А.В. Кузьмина. – СПб., 2011.
14. Грачева Е.Ю. Финансовое право: схемы с комментариям. – М.: Проспект, 2009.
15. Грачева Е.Ю., Хорина Л.Я. Правовое регулирование бюджетного контроля в Российской Федерации: Курс лекций. – М., 2004.
16. Дьяков В. Б. Функции государства: понятие, содержание, сущность// Закон и право. – 2006. – №8. – С. 39-40.
17. Ермишин П.Г. Основы экономической теории (курс лекций) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aup.ru/books/m63/7.htm>
18. Жигулев М.В. К вопросу о классификации функций государства // Право и политика. – 2002. – №8. – С. 16-20.
19. Замятина Е.В. Правовые средства защиты прав иностранных инвесторов в Российской Федерации (история, теория, практика): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2011.
20. Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. – СПб, 2003.

21. Каск Л.И. Функции и структура государства. – Л., 1969.
22. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. – М., 2007.
23. Клепцова Т.Н. Функции и аппарат Российской государства в рыночной экономике. – М., 1992.
24. Пахоленко Н.Б. От тоталитаризма к демократии: о функциях государствах в переходный период // Политические проблемы теории государства. – М., 1993.
25. Пожарский Д.В. Контрольно-надзорная деятельность как функция современного государства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2003. – №4. – С. 33-35.
26. Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов, 2008.
27. Рогов С. Функции современного государства: вызовы для России // Свободная мысль. XXI. – 2005. – №7. – С. 15-17.
28. Родинов О.В. Социальная функция государства: правовая сущность и проблемы субъектов ее осуществления на современном этапе // Государство и право. – 2006. – №8. – С. 98-105.
29. Российская правовая политика в осуществлении реформы местного самоуправления / Под ред. А.В. Малько. – Тамбов, 2008.
30. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
31. Храпанюк В.Н. Теория государства и права. – М., 2009.
32. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность. – СПб., 1999.
33. Шестаев Н.Т. Функции и структура государства. – М., 1992.
34. Финансы / Под ред. Л.А. Дробозиной. – М.: Финансы, 1999.
35. Финансы / Под ред. В.М. Родиновой. – М.: Финансы и статистика, 1993.
36. Финансовое право: Учебник / Под ред. В.П. Сальникова, С.В. Игнатьевой. – М.: ЦОКР МВД России, 2005.

ШУКЮРОВ Руслан Анвер оглы,
 соискатель кафедры банковского дела
 Азербайджанского государственного
 экономического университета
E-mail: shukurov.ruslan@gmail.com

Специальность 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит

СОДЕРЖАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ БАНКОВСКОГО НАДЗОРА В ЕВРОПЕ И В РЕСПУБЛИКЕ АЗЕРБАЙДЖАН

***Аннотация.** В статье рассматриваются элементы системы банковского надзора с позиций международного законодательства, а также их отражение в национальных регулирующих органах. Подняты проблемы повышения эффективности банковского надзора, реформирования системообразующих финансовых институтов и оздоровления банковского сектора на европейском уровне. В рамках усиления деятельности Центрального банка республики Азербайджан исследуются нововведения в области усиления надзора и риск менеджмента. Указаны перспективы развития внутреннего банковского рынка Республики Азербайджан.*

***Ключевые слова:** банковский надзор; пруденциальный надзор; Базель; Европейский центральный банк; Европейское агентство по банковскому надзору; стресс-тесты; Центробанк Азербайджана.*

SHUKYUROV R.A.

THE CONTENT AND PROBLEMS OF FUNCTIONING OF THE BANKING SUPERVISION SYSTEM IN EUROPE AND THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

***The summary.** The article considers elements of the banking supervision system from the perspective of international legislation as well as their reflection in national regulatory bodies. The raised issues concern the enhancement of banking supervision efficiency, the reforming of systemically important financial institutions and the banking sector at the European level. Within intensification of the activities of the Central Bank of the Republic of Azerbaijan the innovations in the area of strengthening the supervision and risk management are under study. The prospects for development of the domestic banking market of the Republic of Azerbaijan are pointed out.*

***Key words:** banking supervision; prudential supervision; Basel; European Central Bank; European Agency for Banking Supervision; stress tests; Central Bank of Azerbaijan.*

Со вступлением в XXI век изменились позиции государственных регулирующих органов: трансформируются приоритеты, инструментарий, с целью повышения эффективности, а значит – усиления роли этих органов. Посредством регулятивных норм и требований осуществляется регулирование наиболее существенных сторон функционирования кредитных институтов, не затрагивающих их оперативной самостоятельности

и независимости. Установление определенных регулятивных рамок функционирования кредитных институтов сопровождается также системой мер по обеспечению соблюдения этих рамок.

Таким образом, выстраивается особая система, называемая банковским надзором, включающая совокупность мер по установлению и проведению в жизнь требований к кредитным институтам, направленных на обеспечение стабильного

функционирования всей банковской системы. Независимо от того, выполняет ли эту деятельность один орган или несколько, банковское регулирование и банковский надзор есть единый процесс, поскольку они имеют единую сферу и цели регулирования.

В целом, банковский надзор представляет собой систему, включающую ряд элементов: а) субъекты надзора; б) объект (предмет) надзора; в) методы; г) механизм; д) правовую основу [4, стр. 41].

Субъектами надзора выступают две стороны: орган осуществляющий надзор и поднадзорный кредитный институт. Орган, осуществляющий надзор за банковской деятельностью, определяется соответствующим законодательством. Базельский комитет по банковскому надзору формулирует ряд требований к этому органу, который должен:

- а) иметь четко сформулированные задачи и обязанности, зафиксированные в законодательстве;
- б) быть оперативно самостоятельным и располагать соответствующей материальной базой, позволяющей выполнять свои функции;
- в) обладать адекватной юридической базой надзора, включающей регулирование процедуры получения разрешения на банковскую деятельность и последующий надзор за ней, полномочиями выявлять соответствие деятельности поднадзорной организации требованиям законодательства, безопасности и устойчивости;
- г) иметь механизм сбора соответствующей информации, обмена ею между надзорными органами, обеспечивать конфиденциальность такой информации.

Поднадзорными кредитными институтами считаются все банковские и небанковские национальные кредитные организации, а также иностранные банки, осуществляющие операции в данной стране.

Объектом надзора в современных условиях являются:

- а) процессы выхода кредитных институтов в банковскую среду;
- б) текущая деятельность и его управления;
- в) антикризисное управление и финансовое оздоровление.

Методы надзора определяют специфику контактного (инспектирование) и бесконтактного

(документарного) надзора, т.е. надзора, опирающегося на изучение состояния соответствующего кредитного института непосредственно на месте, и надзора, осуществляемого методом внешнего наблюдения. Механизм надзора как совокупность действий надзорного органа можно рассматривать в разных аспектах. С точки зрения направлений надзорной деятельности, выделяются: лицензирование и государственная регистрация банковской деятельности; документарный надзор (бесконтактный) и инспектирование (контактный) надзор.

С точки зрения содержания, государственное регулирование в банковской сфере состоит в надзоре за выполнением банками установленных требований (пруденциальный надзор); лицензировании банковской деятельности; документарный надзор и инспектирование, кризисное управление и финансовое оздоровление банков; мониторинг финансовой устойчивости. Лицензирование – важный процесс, который должен находиться под постоянным контролем органа надзора, поскольку действия, направленные на отзыв лицензии, на осуществление банковских операций, очень сложны и, как правило, влекут за собой риски как для репутации самого органа банковского надзора, так и для финансовой системы в целом. Инспектирование и документарный надзор взаимно дополняют друг друга.

Это признается в Основополагающих принципах Базельского комитета, где сказано, что документарный надзор и инспекционные проверки представляют собой непременные условия эффективного надзора [7, стр. 20].

Инспекционные проверки в целом сегодня ориентированы на риски, но включают также проверку соблюдения нормативных требований. Это означает, что банковский надзорный орган, прежде всего, выявляет основные виды рисков, принятых банком, и основные факторы, определяющие данные риски. Этот процесс часто проводится на этапе документарного надзора. Затем в ходе инспекционной проверки, представляющей собой второй этап, обращается особое внимание на выявленные риски и системы управления и контроля в этих сферах. Главная цель такой оценки рисков заключается в том, что надзорный орган получает уверенность, что банк соблюдает свою собственную внутреннюю

политику, что эта политика реально действует и что банк не принимает риски, которые могли бы угрожать его существованию.

Основываясь на уроках финансового кризиса 2008 – 2009 гг., Базельский комитет по банковскому надзору (BCBS) приступил к тотальному пересмотру существующих требований к достаточности капитала.

Результатом стала система требований к достаточности капитала и ликвидности, получившая название Базель III (Basel III) и поддержанная «Большой двадцаткой» на саммите в Сеуле в ноябре 2010 г. На данный момент многие детали требуют дальнейшей разработки, обсуждение и лоббирование будут продолжаться, прежде всего, в том, что касается системообразующих финансовых институтов (SIFI). Тем не менее, основные принципы уже разработаны, и в любом случае банковская система должна быть приведена в соответствие с требованиями Базель III [1].

После одобрения основной системы требований национальными регулирующими органами встает вопрос об ее внедрении и о создании плана, с помощью которого банковские системы могут быть приведены в соответствие новым требованиям. Несмотря на то, что система в целом принята, в любом случае ее реальное воплощение в разных юрисдикциях будет иметь свои особенности. Хотя переходный период выглядит достаточно продолжительным, финансовым институтам не рекомендуется ориентироваться только на крайний срок завершения внедрения, назначенный на 2019 год, – они должны быть готовы продемонстрировать гибкость подходов к определению капитала и ликвидности раньше и уложиться в промежуточные сроки по ходу внедрения.

Полной ясности в этом вопросе нет, и ждать прояснения всех спорных моментов не стоит. Предыдущий опыт с системой требований «Базель II» показал, что краеугольным камнем успешного внедрения являются предварительный анализ, стратегическая оценка и детальное планирование. Компании также должны проявлять гибкость и быть готовыми к последующим изменениям и дальнейшему развитию.

В рамках оздоровления банковского сектора Евросовет одобрил проведение Европейским центральным банком и связанными с ним организациями стресс-тестов и подчеркнул

важность объективного анализа, проводимого в тесной кооперации с национальными надзорными органами, Европейским управлением по системным рискам, ЕК и ЕЦБ, для повышения содержательности и качества результатов [2, стр. 9].

Стресс-тесты в банковском секторе проводятся на принципах надежности и прозрачности и в соответствии с методологией и направлениями, определенными Европейской банковской организацией.

8 декабря 2011 года Европейское ведомство банковского надзора обнародовало результаты стресс-тестов европейских банков. 31 фининститут из 91 не выдержал испытания, сообщает Европейское ведомство банковского надзора (EBA).

Сообщается, что для поддержания на предписанном уровне базового капитала не хватает 114,7 млрд. евро. В списке три австрийских банка, один бельгийский, два кипрских, три французских, шесть немецких, четыре итальянских, один голландский, один норвежский, четыре португальских, один словенский и пять испанских.

Для того чтобы выдержать стресс-тесты, банкам необходимо иметь как минимум 9%-ную долю базового капитала. По итогам проверки ЕВА издал Рекомендации, связанные с потребностями европейских банков в рекапитализации. Эти меры являются частью более широкого европейского пакета, согласованного Европейским советом 26 октября, и подтвержденного во время Совета министров финансов и экономики 30 ноября [6].

ЕВА рекомендует национальным властям потребовать у банков увеличить капитал, создавая капитальный буфер. В соответствии с рекомендациями, государственные власти потребуют, чтобы банки представили, к 20 января свои планы, детализирующие меры, которые они намереваются предпринять. Эти планы должны будут быть согласованы с Государственными властями, ЕВА и с другими соответствующими компетентными органами.

В немецких банковских кругах уже выразили недовольство в связи с обнародованием данных стресс-тестов, отмечает агентство Reuters. Федеральный союз немецких банков подверг Европейское ведомство банковского надзора резкой критике. «Устроенные проверки не способствовали стабилизации ситуации на финансовых рынках», – заявил исполнительный

секретарь BdV Михаэль Кеммер. По его словам, в данном случае эффект получился обратный [6].

24 ноября немецкие банки обратились в Европейское агентство по банковскому надзору (EBA) с просьбой продлить до 13 января 2012 г. срок подачи программ достижения европейских целевых показателей по уровню достаточности капитала. Изначально предполагалось, что кредитные организации подготовят и передадут документы в EBA к католическому Рождеству, то есть к 24-25 декабря 2011 г. Однако учитывая комплексный характер данных программ и видоизменяющиеся требования самого регулирующего органа, банки не смогли предоставить необходимые бумаги вовремя.

В октябре 2011 года ЕВА по итогам анализа стресс-тестов европейских банков сообщило, что кредитным организациям Евросоюза (ЕС) потребуются 106 млрд. евро дополнительного капитала для соответствия новым стандартам, согласно которым к середине 2012 г. показатель достаточности капитала первого уровня (Core Tier 1 ratio) у всех кредитных учреждений должен быть не ниже 9%. Эксперты ЕВА потребовали от кредитных организаций разработать программу того, как банки намерены добиваться данной цели и приводить свои уровни капитала в соответствие с европейскими.

Единство системы надзора обеспечивается его правовой основой, входящей в эту систему в качестве самостоятельного элемента. Правовая основа банковского надзора охватывает, прежде всего, законодательные акты, определяющие субъекты и сферу надзора, функции и права органов, осуществляющих надзор. Правовую основу механизма и инструментов надзора составляют нормативные документы надзорных органов. Правовая основа банковского надзора специфична для каждой страны, причем она находится в постоянном развитии и совершенствовании.

Основные элементы и направления государственного регулирования банковской деятельности универсальны для банковских систем рыночного типа. Эти направления включают [4, стр. 45]:

- пруденциальное регулирование – разработка и распространение широкого спектра надзорных директив в кредитных организациях;
- пруденциальный надзор – анализ

финансового положения, соблюдения законодательства и выполнения кредитными организациями установленных надзорным органом нормативов и положений (лицензирование; инспектирование; документарный надзор);

- антикризисное управление и финансовое оздоровление – установление контроля и управления неплатежеспособными финансовыми организациями, их санирование или банкротство с минимальными потерями для клиентов и вкладчиков, разработка программы выхода из финансового кризиса.

Равное отношение государства к коммерческим банкам требует вывода государственных средств из капитала коммерческих банков. В отличие от кредитных союзов коммерческие банки должны работать на неизвестных клиентов, то есть все клиенты имеют равные права, поэтому необходимо уполномочивать региональные коммерческие банки работать с бюджетными средствами на конкурсной основе сроком на 3 – 5 лет. Президент РФ В.В. Путин на совещании с представителями банковского сообщества отметил, что государство может, конечно, участвовать в капитале кредитных организаций, но при условии, что данными банками обеспечивается решение действительно стратегических задач [8, стр. 6].

Во время глобального финансового кризиса 2008 – 2009 годов, а также посткризисного периода совершенствование банковского надзора стало объектом широких дискуссий на международной арене.

Указанные процессы очень внимательно отслеживались со стороны Центробанка Азербайджана. В рамках усиления деятельности ЦБА по усовершенствованию системы банковского надзора уже готовятся к внедрению ряд новшеств. Нововведения ожидаются в трех направлениях – в области усиления надзора, связанного с риском, усовершенствования в банках корпоративного управления и риск-менеджмента, а также внедрения контрциклического надзора [5].

Что касается первого пункта, то отметим, что с целью обеспечения управления капиталом, ликвидностью и кредитными рисками на безопасном уровне ЦБА в 2011 году вновь восстановил действие норматива «левередж» (инструмент, связывающий рост активов с ростом капитала), но уже в более жесткой форме.

Норматив «левередж» будет ограничивать сильный рост банков. Решение о применении этого норматива в размере 8% было принято в конце 2010 года. В связи с его введением банки должны соблюдать соотношение балансового капитала на активы плюс за балансовые активы. Аналогичная практика в банковском секторе Азербайджана уже применялась, но действие данного норматива с коэффициентом в 6% было приостановлено в 2003 году.

Относительно двух других пунктов новшества надо сказать, что в настоящее время со стороны ЦБА готовятся мероприятия по повышению качества управления банками, которые включают в себя вопросы корпоративного управления и риск-менеджмента. По риск-менеджменту подготовлены более детальные и качественные правила, так как предыдущие по развитию корпоративного управления в банках были приняты в 2004 году, после принятия закона «О банках».

Одним из новшеств в рамках этого направления будет принятие правил по компенсации банковским менеджерам. Центробанк проводит с банками консультации по вопросу выдачи бонусов банковским менеджерам. Это поможет менять подход банковских менеджеров к управлению, так как высокая доходность обеспечит им получение больших бонусов.

Надо сказать, что данный вопрос активно обсуждается во всем мире, в странах G-20, в Базельском комитете, а также на всех других основных платформах. И, наверное, Центробанк Азербайджана будет в числе первых в мире, внедривших этот инструмент, обсуждаемый сегодня на столь глобальном уровне [5].

ЦБА намерен расширить свои надзорные полномочия в сфере контроля над деятельностью платежных систем в стране. В настоящее время в полномочия ЦБА входит надзор за деятельностью национальных платежных систем, а также пяти процессинговых центров, действующих в стране. ЦБА намерен контролировать деятельность всех платежных систем внутри страны, в том числе систем таких институтов, как небанковские кредитные организации. В Азербайджане также действуют частные платежные системы, например Golden-Pay, деятельность которых пока находится вне надзора ЦБА.

На сегодня в Азербайджане действуют пять процессинговых центров: Azericard, MilliKart,

TexKart, Kapital Kart и RoyalCard, а также две национальные платежные системы – межбанковская система крупных платежей (AZIPS) и клиринговая система мелких платежей (XONKS). Национальные платежные системы ЦБА по крупным платежам (AZIPS) и мелким платежам (XONKS) были созданы в рамках Государственной программы развития национальной платежной системы на 2005 – 2007 годы. На базе XONKS был создан Центр по коммунальным платежам, который предоставляет возможность в режиме online перечислять средства и получать отчетность, в результате чего также появляется возможность избежать злоупотреблений в отделениях банков [9].

В настоящее время ЦБА также ведет работу по созданию системы макропруденциального надзора для оценки системных рисков и их управления. С этой целью идет процесс по формированию нормативной и методологической базы, и эта система позволит осуществлять такой надзор за всей банковской системой Азербайджана. При этом Центробанк будет формировать группы банков. Для этого будут утверждены внутренние критерии Центробанка, новые нормативы для обеспечения краткосрочной ликвидности банков.

ЦБА в настоящее время также обсуждает возможность использования новой контрциклической политики и формирования на ее основе модели политики осторожности. В частности, в банковской системе сейчас применяется модель статистической осторожности, и резервирование осуществляется с учетом классификации активов. Новая же модель предусматривает формирование резервов исходя из экономических циклов.

Главным вопросом для ЦБА в посткризисный период является усовершенствование управления ликвидностью банков. На сегодняшний день стабильность банковского сектора является магнитом для спекулятивного капитала. В связи с этим планируется разработать инструментарий, который позволит ограничить приток спекулятивного капитала. Таким образом, ЦБА взялся в течение предстоящих пяти лет решить основные проблемы банковского сектора, что, несомненно, важно как с точки зрения необходимости развития внутреннего банковского рынка, так и защиты его от воздействия негативных процессов на внешних рынках.

Таким образом, необходимо усиление превентивного характера макропруденциальных мер в целях укрепления банковского надзора Азербайджана. Снижению рисков в финансовой системе должно способствовать недавнее принятие норматива соотношения собственных и заемных средств и повышение норматива обязательных резервов в отношении депозитов в иностранной валюте. В целях содействия предотвращению будущих рисков миссия МВФ, работавшая в г. Баку с 20 октября по 2 ноября 2011 года, рекомендует официальным органам

применять макропруденциальные нормы на превентивной основе [3, стр. 6].

Следует обеспечить единообразное применение мер надзора и пруденциальных нормативов ЦБА в отношении всех банков. Поскольку экономика успешно восстанавливается после глобальных шоков 2008 – 2009 гг., ЦБА следует свернуть прямое кредитование государственных предприятий и ограничить будущее финансирование только операциями в качестве кредитора последней инстанции с требованием предоставления адекватного залогового обеспечения.

Список использованной литературы

1. Базель III: вопросы внедрения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kpmg.com/RU/ru/IssuesAnd-Insights/ArticlesPublications/Documents/Basel-3-Implementation-Issues.pdf>
2. Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 63-64: январь-июнь 2011 г. / Под ред. Ю.А. Борко, О.В. Буториной, В.В. Журкина, О.Ю. Потемкиной. – М.: Ассоциация европейских исследований, 2011. – 83 с.
3. Заключительное заявление миссии по итогам консультаций в соответствии со Статьей IV за 2011 год г. Баку, 30 октября 2011 г. / МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД. Департамент стран Ближнего Востока и Центральной Азии. – Баку, 2011. – 7 с.
4. Корогодов И. Правовая природа банковского надзора // Законность. – 2003. – № 4.
5. Мамедли И. Центробанк Азербайджана определил стратегические цели развития банковского сектора на 2011–14 годы. // Регион-плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regionplus.az/ru/articles/view/1359>
6. По данным РБК-Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ua/rus/top/show/stress-testy-provalil-31-evropeyskiy-bank-iz-91-08122011211300>
7. Симановский А. Ю. Базельские принципы эффективного банковского надзора, издание второе // Деньги и кредит. – 2007. – №1.
8. Совещание Президента РФ В.В. Путина с представителями банковского сообщества. – Новосибирск, АРБ, 2005.
9. ЦБА планирует расширить надзор над деятельностью платежных систем // Экономика. – 17.06.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zerkalo.az/2011-06-17/economics/20450-cba>
10. Челомбицкая О. В., Паршина Е. Н. Роль государства в управлении экономическими основами гражданского общества: Сб. ст. международной конференции «Государственный аппарат и политические реформы в России». – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2006.

КАЗАЛИЕВА Камилла Нажмутдиновна,
аспирант кафедры экономики и управления
Дагестанского государственного технического
университета
E-mail: akaevakamilla@mail.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством: региональная
экономика

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТЫ КАК ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Аннотация. Статья посвящена характеристике механизма финансирования социальной сферы и проблеме эффективного расходования бюджетных средств. Автор рассматривает финансирование социальной сферы за счет государственных и муниципальных финансовых ресурсов. Особое внимание уделено распределению полномочий по финансированию на государственном и муниципальном уровне.

Ключевые слова: организационная структура управления; социально-экономическое развитие; финансирование; управленческая деятельность.

KAZALIEVA C.N.

FEDERAL AND REGIONAL BUDGETS AS SOURCES OF FINANCING THE SOCIAL SPHERE

The summary. The article is devoted to characterizing the mechanism of financing the social sphere and the problem of efficient use of budget funds. The author examines social spending by state and local government financial resources. Particular attention is paid to the distribution of authority to finance the state and municipal level.

Key words: organizational management structure; socio-economic development; financing; management activities.

Социальная сфера представляет собой комплекс учреждений образования, здравоохранения, культуры, социального обеспечения и занимает видное место в народнохозяйственном комплексе государства.

Финансирование социальных услуг осуществляется государственными и муниципальными органами власти, и составляют важнейшую составную часть расходов бюджетов. Расходы на социальную сферу покрываются не только за счет общих поступлений в государственный бюджет, но и за счет целевых, специальных и налоговых поступлений.

Вопросы образования, здравоохранения, социальной защиты, культуры, физической культуры и спорта являются предметами совместного

ведения Российской Федерации и субъектов Федерации. В связи с этим имеющаяся организационная система управления социальной сферой должна обеспечивать единство действий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. В Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996 – 2000 годов определены общие направления, которые органично вошли в рассмотренные ниже аспекты формирования экономической и социальной политики:

- устранение межрегиональных различий в доходах населения, уровне занятости, социальной инфраструктуре;

- обеспечение на всей территории страны государственных стандартов и гарантий, дифференцированных с учетом объективных особенностей регионов;
- предоставление региональным органам власти и управления реальных возможностей по обеспечению формирующихся минимальных социальных государственных стандартов;
- повышение роли государственного управления социальной политикой, диктуемой современной экономической ситуацией;
- выработка новых механизмов реализации социальной политики, обеспечивающих рациональное использование финансовых и материальных ресурсов;
- нормализация и улучшение демографической ситуации;
- обеспечение гарантии конституционных прав граждан в области здравоохранения, просвещения, социальной защиты, культуры и других областях социальной сферы.

Основными целями региональной политики в Российской Федерации являются:

- обеспечение экономических, социальных, правовых и организационных основ федерализма в Российской Федерации, создание единого экономического пространства;
- обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты, гарантирование социальных прав

граждан, установленных Конституцией Российской Федерации, независимо от экономических возможностей регионов;

- выравнивание условий социально-экономического развития регионов;
- максимальное использование природно-климатических особенностей регионов;
- становление и обеспечение гарантий местного самоуправления. Экономическая и социальная реформы, осуществляемые в Российской Федерации, потребовали разработки и осуществления новой финансовой политики, введения перспективных методов управления государственными финансами. Приоритет в сфере государственного регулирования социально-экономической политики должен быть отдан законодательному разграничению полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Поскольку решение таких вопросов, как разграничение государственной собственности на природные ресурсы, землепользование, бюджетное устройство и налоговое регулирование, обеспечение социально-экономических прав граждан не должно осуществляться на индивидуальной (субъективной) основе.

Как показывает практика, направления устойчивого социально-экономического роста, являющиеся одними из главных задач государства,

Рисунок 1. Классификация финансирования социальных услуг [1]

к сожалению, остаются без должного внимания органов управления всех уровней. Вследствие этого обеспечение социальных гарантий, объявленное первым приоритетом государственной социально-экономической политики, не вписывается в имеющиеся бюджетные возможности. В новой системе регулирования экономики реализуемые цели развития должны подкрепляться соответствующей технологией планирования бюджета. В основу его разработки необходимо положить законодательно установленные нормативы, определяющие уровень бюджетных расходов, а также объективные критерии формирования доходов, которые до настоящего времени на федеральном уровне не разработаны.

В связи с этим важнейшими исходными пунктами для решения социально-экономических проблем развития регионов должны стать оценка финансовых и других ресурсных возможностей, выявление путей и средств активизации собственного потенциала регионов. Ведущим в области совершенствования социально-экономических, налоговых отношений между Российской Федерацией и ее субъектами, а также между органами государственной власти и органами местного самоуправления должен стать курс на последовательное повышение уровня бюджетного самообеспечения субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

В России проблема соотношения налоговых поступлений и налогового бремени юридических и физических лиц и объема бюджетных расходов на социальную сферу остается острой в связи с принятием нормативно-правовых актов, не имеющих достаточного финансового обеспечения для их реализации.

На сегодняшний день приоритетным является финансирование тех программ, обязательства, по исполнению которых государство уже взяло на себя. Не случайно именно этот вопрос отмечается в программе партии «Единая Россия» и Общероссийского народного фронта (ОНФ), которую готовит Институт социально-экономических и политических исследований. Как сообщил глава института Николай Федоров, это будет «пятилетний план преобразований в российском обществе, включая установки на то, чтобы соответствующие пятилетние планы были приняты во всех субъектах РФ и даже

муниципалитетах», – сказал он на пресс-конференции в Москве.

Федоров сказал, что в рабочей версии пятилетнего плана отражены такие разделы, как приоритеты развития страны, вопросы государственного и местного управления, вопросы качества жизни, образования, культуры, здравоохранения, развития пенсионной системы, социальная политика, жилье, молодежная политика, региональное развитие.

Основными задачами бюджетной политики являются выполнение принятых решений по повышению заработной платы в бюджетной сфере, денежного содержания военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов; повышению жизненного уровня пенсионеров в целях обеспечения выполнения ранее принятого решения о доведении в среднесрочной перспективе размеров социальных пенсий до уровня не ниже прожиточного минимума пенсионера, качественное улучшение системы поддержки материнства и детства в целях существенного повышения рождаемости; обеспечение согласованного осуществления проектов по образованию и здравоохранению и мер структурной модернизации соответствующих отраслей; оказание в сфере образования поддержки регионам, внедряющим в образовательных учреждениях новые системы оплаты труда, развивающим механизмы образовательного кредитования и так далее [4].

В современной ситуации важной задачей достижения системности при формировании бюджетной политики является перелом сложившихся тенденций в сфере финансирования социальной сферы в вопросе сочетания имеющихся возможностей и искомых результатов. С этой целью необходимо закрепить за субъектами Российской Федерации постоянные и достаточные финансовые и, прежде всего, налоговые источники доходов для самостоятельного формирования бюджетов. Субъектам РФ и муниципальным образованиям, которые не имеют достаточных средств для обеспечения гарантированного минимума доходов своего населения, необходимо дополнительно выделять государственные ресурсы, величина которых должна определяться с учетом региональных различий в минимальных социальных стандартах.

Государственные минимальные социальные стандарты в своем финансовом выражении до настоящего времени на федеральном уровне не

разработаны, а они, как зафиксировано в Бюджетном кодексе, являются основой для финансирования государственных и муниципальных услуг, другими словами, для формирования расходов бюджета, в первую очередь, социальных.

Развитие социальной сферы невозможно без осуществления в нее инвестиций, которые маловероятны, если в законодательном порядке для них не будет создан режим содействия и благоприятствования. В силу природы социальных услуг частный сектор не заинтересован в финансировании социальных услуг и в увеличении налогового бремени.

Таким образом, частный капитал в силу объективных экономических обстоятельств не направляется в социальную сферу (за исключением ряда отраслей), и ее инвестирование осуществляется почти целиком за счет собственных источников, недостаточность которых обуславливает сокращение масштабов инвестирования социальной сферы.

В целях повышения эффективности бюджетной политики в сфере оказания социальных услуг населению необходимо разработать модель социального бюджета, отражающую ключевые финансовые аспекты реализации политики государства в этой сфере. Методология формирования социального бюджета должна быть основана на системе индикативного планирования и на законодательно установленных социальных нормативах.

В целях более полного обеспечения социальных гарантий в сфере оказания населению социальных услуг и наделения каждого уровня власти достаточными для реализации социальных законов финансовыми ресурсами необходимо разработать методику оптимизации распределения налогов между различными уровнями власти, прежде всего, между федерацией и ее субъектами. Ее применение могло бы сократить дефицитность региональных бюджетов (в том числе муниципальных) и соответственно обеспечить более высокий уровень финансирования социальных услуг.

Местный уровень призван в значительно большей мере конкретизировать методы, способы и механизмы достижения целей, определенные в рамках федеральной и региональной социальной политики, привязать их к особенностям тех или иных муниципальных образований, учесть

специфику демографических, экологических, ресурсных и прочих характеристик муниципального образования.

Целевая ориентация системы управления социально-экономическими процессами и учреждениями социальной сферы в регионе должна предполагать соединение интересов государственных, общественных и индивидуальных потребителей социальных услуг с федеральной и национально-территориальными компонентами социального стандарта.

Создание и развитие системы управления социально-экономическими процессами связаны не только с необходимостью удовлетворения растущих потребностей населения, но и с управлением процессом развития социальной сферы на рациональной основе, а также эффективным функционированием соответствующих учреждений и организационно-правовых структур.

Действенное управление социально-экономическими процессами может быть реализовано на основе единого социального пространства, в рамках которого возможно использование критериев оценки социальной услуги, ее эффективного потребления.

Решение концептуальных и методических проблем определения перспективных направлений программно-целевого развития системы управления, формирования и воплощения основных принципов и факторов, влияющих на создание эффективной системы управления социально-экономическими процессами, конструирования и использования механизма многоуровневого и многоканального финансирования, повышения мобильности, гибкости и адаптивности систем управления учреждениями социально-экономической сферы к изменяющимся потребностям рынков социальных услуг также ждут своего решения.

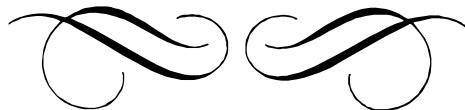
Анализируя развитие систем управления социальным развитием региона, необходимо:

- выявить особенности функционирования системы управления социальными процессами в регионе в условиях существенного изменения факторов хозяйствования, реформирования социально-экономической сферы;
- обосновать социально-экономическую результативность применения общесистемных, особенных и специфических принципов

- создания эффективной системы управления социальными процессами;
- разработать методические положения многоуровневого управления процессом оказания социальных услуг населению, а также программу вычислений потенциала доходов бюджета региона;
 - определить стратегические направления программно-целевого развития системы управления социально-экономическими процессами, стратегию развития учреждений социальной сферы.

Список литературы

1. Никитенко Д.Л. Источники финансирования социальной сферы // Ученые записки РГСУ. – 2009. – №2.
2. Васильев А.А. Муниципальное управление: Курс лекций. Изд. 4-е, перераб. и доп. – Н. Новгород: Издатель: Гладкова О.В., 2004.
3. РИА Новости для «Российская газета» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru от 02.06.2011 г.
4. «Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, Гл.1 «Модернизация бюджетного процесса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>

ДОЛАКОВА Макка Исрапиловна,
доцент кафедры музеологии, туризма и охраны
памятников Казанского Федерального
Университета,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: makka7@mail.ru

Специальность 07.00.02 – Отечественная
история

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье исследуется процесс создания и развития системы государственного финансового контроля в Российской империи. Показаны недостатки в его организации.

Ключевые слова: финансовый контроль; государственный орган; ревизия; реформа.

DOLAKOVA M.I.

PECULIARITIES OF ORGANIZATION OF STATE FINANCIAL CONTROL IN RUSSIAN EMPIRE IN THE NINETEENTH CENTURY

The summary. This article examines the creation and development of the state financial control in the Russian Empire. Showing flaws in its organization.

Key words: financial control; the public agency; the audit; reform.

Финансовый контроль является составной частью государственного контроля, он представляет собой строго регламентированную деятельность специально созданных контролирующих органов за соблюдением финансового законодательства и финансовой дисциплины всех экономических субъектов [8, стр. 12].

Общая цель для всех органов государственного финансового контроля - обеспечение финансовой деятельности государства (то есть деятельности по формированию, распределению и использованию централизованных и децентрализованных государственных фондов денежных средств), которая достигается органами государственного финансового контроля посредством реализации своей основной функции – контроля над соблюдением финансового законодательства и, следовательно, обеспечения соблюдения финансовой дисциплины органами государственной власти, предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами [10,

стр. 135].

В этой связи, финансовый контроль осуществляется на всех стадиях финансовой деятельности и является одним из важнейших ее элементов. Он направлен, прежде всего, на проверку соблюдения финансового законодательства. Непосредственным объектом финансового контроля являются процессы формирования денежных фондов и их использования. Границы финансового контроля определяются действующими нормами права. Уровень финансового контроля определяется силой или слабостью государственной власти. Слабый финансовый контроль свидетельствует о слабости государства. В конечном счете, эффективность финансового контроля обуславливает эффективность всей финансовой политики государства.

Финансовый контроль может эффективно функционировать только при наличии целой системы соответствующих государственных органов, структурированных по направлениям

контроля. Среди таких направлений современные авторы выделяют следующие: 1. Бюджетный контроль; 2. Налоговый контроль; 3. Контроль над денежным обращением [10, стр. 137].

Обоснование необходимости и системы организации финансового контроля было изложено в знаменитой работе М.М. Сперанского «План финансов». Сперанский осознавал, что бюджетная система государства может успешно функционировать только при наличии действенного контроля. «В управлении финансов, – писал он, – различаются три главные части: 1)источники доходов; 2)движение капиталов; 3)общая их проверка или ревизия счетов» [13, стр. 93]. Ревизию счетов должен был осуществлять Главный директор государственных счетов или Государственный контролер. Главную задачу финансового контроля Сперанский определял в получении и проверке счетов приходов и расходов всех местных управлений с целью «обнаруживать перед правительством разные злоупотребления в сборе доходов и в употреблении их в расход» [13, стр. 95]. Вместе с тем, он видел одну из задач финансового контроля в использовании опыта для улучшения процесса «движения капиталов» [13, стр. 95]. Оценивая вклад Сперанского в развитие финансового контроля, современные авторы отмечают, что в его трудах «впервые получили обоснование цели, задачи, функции и способы организации государственного контроля в России, были намечены основные направления буржуазной реформы в сфере финансов» [8, стр. 39].

Предложения Сперанского по созданию системы государственного финансового контроля получили определенное воплощение на практике. 1 января 1810 г. был учрежден Государственный совет как единый контрольный орган. 25 июля 1810 г. ревизия счетов по всем гражданским и военным департаментам была выделена в самостоятельную отрасль государственного управления, и учреждено звание Государственного контролера «для управления дел по ревизии счетов». 28 января 1811 г. создано Главное управление ревизии государственных счетов, в 1836 г. преобразованное в Государственный контроль [9, стр. 123-125].

В царствование Николая I деятельность Государственного контроля получила более прочную и детальную нормативную основу. Установлены были правила ведения счетов и отчетности министерств. Эпизодически

произошедшие со временем Петра I сенаторские ревизии стали проводиться регулярно. Однако общие недостатки системы ведения финансового хозяйства ограничивали возможности Государственного контроля. Как правило, им рассматривались только отчеты ведомств, а не вся финансовая документация.

Масштабные реформы середины XIX века, в том числе и преобразования в финансовой сфере, поставили на повестку дня вопрос о модернизации государственного финансового контроля. Необходимо было расширить функции государственного контроля в бюджетном процессе, повысить объективность и достоверность контроля.

В 1859 г. было принято решение о введении предварительного контроля. В 1864 г. было введено единство кассы в Петербурге [1], а в 1866 – 68 гг. – по всей стране [4], приходные и расходные бюджетные росписи стали печататься. Государственный контролер превратился в единый ревизионный орган, обладающий правом документальной ревизии всех государственных органов в центре и на местах. Введение документальной ревизии стало значительным шагом вперед в совершенствовании государственного финансового контроля. В 1863 г. государственным контролером был назначен В.А. Татаринов.

18 мая 1862 г. были принятые «Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений», которые установили основные начала сметно-бюджетной дисциплины. Кроме того, в руководство членам Госконтроля были изданы Инструкция ревизорам, проверяющим документы по расходам, Инструкции для ревизии пошлин на право торговли, Инструкция для ревизии доходов.

Согласно новому порядку, рассматривая проект бюджетной росписи, Государственный контроль должен был по всем сметам производить «проверку сметных предположений против действительного исполнения предыдущих смет». К 1 ноября каждого года, следующего за отчетным, Министерство финансов должно было вносить в Государственный совет отчет об исполнении государственной росписи, а Государственный контроль представлял отчет об исполнении ведомствами утвержденных смет. С 1866 г. отчеты Государственного контроля подлежали

опубликованию.

Организация контроля над фактическим исполнением бюджетных назначений потребовала создания системы учреждений Государственного контроля на местах. С 1 января 1865 г. в 12 губерниях (а затем и по всей стране) появились контрольные палаты [2]. Они должны были производить проверку доходов и расходов на основании первичных финансовых документов и основной учетной документации («шнуровых книг») казначейств и казенных учреждений, а также внезапных проверок местных касс Министерства финансов. Эти учреждения, подчиненные непосредственно государственному контролеру и независимые от местного начальства, обязаны были наблюдать за правильностью расходования и сохранностью государственных средств и составлять особые соображения о выгодности или невыгодности производимых казенными учреждениями хозяйственных операций независимо от законности этих операций [3].

Специфика организации финансового контроля заключалась в том, что некоторые ведомства и учреждения были от контроля освобождены. К их числу относились Министерство двора, духовное ведомство, благотворительные учреждения.

В результате реформы Государственного контроля он превратился в единый ревизионный орган, наделенный правом документальной ревизии всех государственных учреждений в центре и на местах. Государственный контролер входил в состав высших органов царского правительства: Государственный совет, Комитет министров и Комитет финансов [11, стр. 46].

В состав центрального аппарата Государственного контроля входили департаменты: гражданской отчетности, военной и морской, а впоследствии железнодорожной и кредитной. Был образован особый контрольный орган для коммерческих портов. Местные органы государственного контроля состояли из 59 контрольных палат и 22 контрольных учреждений для казенных железных дорог. Государственный контроль стал осуществлять предварительную проверку смет ведомств, а с 1866 года – составлять отчеты об исполнении государственной росписи и финансовые сметы министерств.

Несмотря на положительный характер реформы Государственного контроля, его устройство достаточно быстро устарело и перестало отвечать потребностям развивавшейся финансовой

системы. В связи с этим, 28 апреля 1892 года был принят новый документ, регламентировавший деятельность контрольного ведомства – Учреждение Государственного контроля [5]. Этот документ характеризовал Государственный контроль как самостоятельную единицу в системе финансового управления [12, стр. 1]. В ст. 943 говорится: «Государственный контроль наблюдает за правильностью и законностью распорядительных и исполнительных действий по приходу, расходу и хранению капиталов, находящихся в заведывании отчетных перед ним учреждений, а равно составляет соображения о выгодности хозяйственных операций независимо от законности их производства» [6]. Данный акт определял следующие функции Государственного контроля: ревизионные – ревизия отчетности, предварительный и фактический контроль финансово-хозяйственных операций; бюджетные – проверка и составление финансовых смет, подготовка отчета по исполнению государственной росписи доходов и расходов, совершенствование правил и форм счетоводства и отчетности; административные – участие представителей Госконтроля в коллегиальных учреждениях с правом решающего голоса (ст. 945).

Органы Государственного контроля обладали полномочиями в отношении всех государственных учреждений, а также органов самоуправления, частных предприятий и товариществ. Обо всех ошибках и неправильных действиях делались письменные замечания. В случае признания действия подконтрольной организации неправильными и наносящими убытки казне, Государственный контроль взимал с нее штраф, а если в действиях должностных лиц обнаруживался умысел, обращался с иском о привлечении их к ответственности.

Вся система органов Государственного контроля возглавлялась Государственным контролером, который осуществлял надзор за всеми контрольными учреждениями, решал кадровые вопросы в пределах своей компетенции, устанавливал порядок производства ревизий, предоставлял императору и Государственному совету ежегодные отчеты о деятельности Государственного контроля.

Высшим коллегиальным органом Государственного контроля являлся Совет Государственного контроля, в который входили Государственный контролер, его товарищ, а также

другие члены, назначавшиеся императором из числа чиновников и специалистов в области финансов. Совет решал спорные вопросы в деятельности Государственного контроля, отменял или утверждал постановления местных контрольных органов, предварительно обсуждал ежегодные отчеты Государственного контролера и проекты нормативных актов и т. д. [7]. Заключения Совета не являлись окончательными, они представлялись на рассмотрение высших государственных органов: Государственного совета, Сената, императора.

В составе государственного контроля функционировало три департамента: гражданской отчетности, военной и морской отчетности, железнодорожной отчетности. Во главе каждого департамента стоял генерал-контролер, осуществлявший общее руководство департаментом. Коллегиальным органом департамента являлось общее присутствие.

Введение документальной ревизии явилось значительным шагом в организации финансового контроля, но в целом новая система финансового контроля имела много слабых мест. Не использовался метод выборочной внезапной проверки, осуществлялась проверка всех операций без учета их размеров, срочности. Это лишало ревизию своевременности, оперативности, действенности и эффективности. Реформа финансового контроля, по сути, оказалась в отрыве от проекта Татаринова. Принцип предварительного контроля не реализовался, игнорировался и принцип подчинения всех учреждений Государственному контролю. Из-под ведения Государственного контроля по-прежнему были исключены Министерство дворца, Удельное ведомство, благотворительные учреждения, ведомство Святейшего синода. Финансовому контролю не подлежали государственные кредитные учреждения и канцелярия министра финансов по кредитной части, через которую проводились финансовые операции с зарубежными государствами.

Ревизионная деятельность Госконтроля базировалась на многочисленных правилах и инструкциях. С конца 60-х годов Государственный контроль вел работу по упорядочению многочисленных материалов, сведению их в специальные уставы, ни один из которых так и не был утвержден.

Проект устава ревизии поступил в комиссию по исполнению государственной росписи IV Думы в 1913 году. Устав не предусматривал реформы ревизии, но вносил некоторые нововведения: установление сроков для ответов на запросы контрольных учреждений, наложение начетов в случае просрочки в доставлении требуемых материалов и предоставлял Государственному контролю права сообщать об обнаруженных им уголовных действиях прокурорскому надзору. С началом I мировой войны проект отложили, и дальнейшая работа над ним возобновилась лишь в 1916 году. Дума приняла устав ревизии, после чего он был направлен в Государственный совет на утверждение, но так и не был принят.

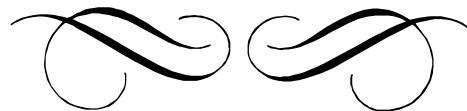
Таким образом, контроль над расходами бюджета осуществлялся в Российской империи специальными органами государственного финансового контроля. Его деятельность улучшилась после реформы середины XIX века, но все же оставалась недостаточно эффективной. Часть расходов была изъята от контроля. Разделение полномочий контрольных органов по направлениям контроля отсутствовало, что снижало эффективность данной деятельности. К тому же, принятая система последующего контроля и секретность его результатов не всегда позволяли адекватно реагировать на выявленные недостатки [11, стр. 53].

Важной проблемой стало то, что финансовый контроль не являлся независимым. Подлинный финансовый контроль – контроль народных представителей за исполнением бюджета, а не контроль органов управления за выполнением финансовых законов и правил – такой контроль в Российской империи так и не был создан.

Список литературы

1. ПСЗ. – Собр.2. – Т.38. – №40100.
2. ПСЗ. – Собр.2. – Т.39. – №41513.
3. ПСЗ. – Собр.2. – Т.39 – №41604.
4. ПСЗ. – Собр.2. – Т.40. – №41940.

5. СЗ. – СПб., 1892. – Т.1. – Ч. 2.
6. СЗ. – СПб., 1892. – Т.1. – Ч. 2. – Ст. 943.
7. СЗ. – СПб., 1892. – Т.1. – Ч. 2. – Ст. 963.
8. Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. – М., 2000.
9. Ерошкин Н.П. Государственные учреждения Российской империи. – М., 1997.
10. Журавлева И., Першин М. Система субъектов государственного финансового контроля // Право и жизнь. – 2003. – №52.
11. Комаров Н.И., Пашенцев Д.А., Пашенцева С.В. Очерки истории права Российской империи (вторая половина XX – начало XX века). – М.: Статут, 2006.
12. Собрание правил о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении Государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений. – СПб., 1897. – Отд.1.
13. Сперанский М.М. План финансов // У истоков финансового права. – М., 1998.

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС.

ПРОНИН Игорь Александрович,

младший научный сотрудник лаборатории новых организационных технологий, экономики и стандартизации в здравоохранении ГУ «СПб НИИ Скорой Помощи им. И.И. Джанелидзе»

E-mail: pronin@ya.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ НА ОКАЗАНИЕ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ

Аннотация. В статье проанализирована проблема гражданско-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение сторонами обязательств по договору возмездного оказания косметологических услуг. Привлечено большое количество научной юридической литературы по вопросам правовой регламентации медицинской деятельности. Рассмотрена гражданско-правовая ответственность и заказчика и исполнителя косметологической услуги. При этом автор опирается на наработанный научный потенциал по исследованию юридических услуг в целом и такой их специализации, как услуги по защите прав пациента.

Интересно в работе представлена ответственность исполнителя косметологических услуг за вред, причиненный неисполнением (ненадлежащим исполнением) обязательства на базе договорного и внедоговорного оснований. Заслуживает поддержки вывод о том, что ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью заказчика, осуществляется по схеме так называемого «генерального» деликта. Применительно к косметологической услуге ответственность может специализироваться в зависимости от обстоятельств причинения вреда, что влечет в ряде случаев ответственность «без вины».

Ключевые слова: обязательство; гражданско-правовая ответственность; договор; сторона договора; исполнение; неисполнение; ненадлежащее исполнение; законодательство; косметологические услуги; медицинская деятельность.

PRONIN I.A.

CIVIL LIABILITY OF THE PARTIES TO THE CONTRACT FOR RENDERING COSMETOLOGICAL SERVICES

The summary. The article analyzes the problems of civil liability for improper performance of obligations by the parties under a paid cosmetological services contract. A large number of academic legal literature on the issues of legal regulation for medical activities is engaged. The civil liability of both the cosmetological service customer and contractor is considered. Concurrently the author bases upon the matured scientific potential for the study of legal services in general and such their specialization as services for protection of patient's rights.

The liability of cosmetological services contractor for injury done by nonperformance (improper performance) of the obligation based on contractual and non-contractual ground is presented in the paper with a point of interest. The conclusion that the responsibility for harm done to the life and health of the customer is implemented as per the scheme of the so called «general» delict deserves the support. With regard to cosmetological service the liability can be specialized depending on circumstances of infliction of injury which results in some cases in liability «without fault».

Key words: obligation; civil liability; contract; contracting party; performance; nonperformance; improper performance; legislation; cosmetological services; medical activities.

Ненадлежащее исполнение сторонами обязательств по договору возмездного оказания косметологических услуг может приводить к ответственности сторон. В первую очередь, это связано с характером оказываемых медицинских услуг. Исследователи высказывают предложение о признании за медицинской деятельностью режима источника повышенной опасности [33, стр. 12].

В средствах массовой информации встречаются сообщения о случаях взыскания вреда за некачественно оказанные косметологические услуги [3]. Факты причинения вреда при оказании медицинских услуг достаточно распространены, что привело к специализации юридических услуг – услуг по защите прав пациента. О необходимости расширения различных услуг населению России, о важности качественного исполнения обязанностей государства перед гражданами шла речь в Послании Президента России Д.А. Медведева Федеральному собранию [1]. Дальнейшее развитие и углубление сферы услуг этого важнейшего сектора общественной жизни Д.А. Медведев рассматривает как один из главнейших приоритетов развития российского общества и государства. «Во всех регионах страны должны быть реализованы программы модернизации здравоохранения. Новое законодательство об охране здоровья позволит определить гарантированные объемы качества оказываемых медицинских услуг, а на выделенные на это средства привести нужно будет в порядок материальную базу медицинских учреждений и повысить зарплаты медицинским работникам. Одновременно с этим все общество должно предпринять максимум усилий, чтобы здоровый образ жизни стал нормой».

Исследование проблемы правовой регламентации оказания медицинских услуг, как и вопросов правового обеспечения медицинской

деятельности, в последние десятилетия стали уделять все больше внимания ученые-юристы [6; 10; 11; 12; 20; 21; 23; 25; 27; 28; 30; 31; 33; 34; 38; 39; 40; 5; 7; 8; 14; 15; 16; 17; 18; 29; 35; 36; 37; 22; 41; 19].

Ответственность заказчика может наступить в случае неисполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг. Заказчик является должником по обязательству передачи денег кредитору – исполнителю услуги (ст. 779 ГК РФ). Заказчик обязан оплатить услуги в полном объеме (ч. 1 ст. 781 ГК РФ) либо в размере фактически понесенных расходов (ч. 3 ст. 781, ч. 1 ст. 782 ГК РФ). Определены условия оплаты в каждом случае.

В случае неисполнения этой обязанности заказчиком он несет гражданско-правовую ответственность за нарушение обязательств в соответствии с Главой 25 ГК РФ. В частности на заказчика могут быть возложены обязанности:

- исполнить свою обязанность по оплате оказанных услуг (ч. 1 ст. 781 ГК РФ);
- возместить исполнителю убытки, вызванные неисполнением (ст. 15 ГК РФ);
- уплатить проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ)
- выплатить договорную неустойку (§ 2 Гл. 23 ГК РФ).

В качестве дополнительной ответственности может произойти потеря задатка переданного заказчиком (ст. 381 ГК РФ).

В силу немногочисленности обязательств у заказчика по договору возмездного оказания услуг, основания и условия ответственности схожи у различных видов услуг. Вместе с тем, некоторые исследователи выделяют особую обязанность у пациента, которую в общем можно определить как обязанность соблюдать условия лечения.

В.С. Абдуллина считает, что «...действия по выполнению предписаний исполнителя должны

быть признаны обязанностью пациента, так как предписания врача обусловлены необходимостью выполнения поручения пациента, а отнюдь не являются принуждением к лечению» [4, стр. 21]. По мнению А.С. Мнацаканян, «правилами пользования результатами услуг являются рекомендации, сделанные в выписном эпикризе. Несоблюдение таких рекомендаций служит основанием для освобождения исполнителя медицинских услуг от деликатной ответственности» [24, стр. 16]. Ю.А. Звездина отмечает, что «...противоправное поведение пациента, которое выразилось в сокрытии им информации о состоянии своего здоровья или в нарушении медицинских предписаний, является основанием освобождения от ответственности или снижения размера возмещения для медицинского учреждения» [13, стр. 7-8].

На наш взгляд, указанные мнения в плане возложения на заказчика услуги обязанностей относительно соблюдения условий лечения обоснованы. Это объясняется тем, что результат лечения может зависеть не только от медицинского вмешательства, но и от соблюдения заказчиком рекомендаций врача относительно процедур, питания, режима работы и отдыха. В этом случае действия заказчика можно квалифицировать с точки зрения гражданского законодательства как «содействие заказчика» (ст. 718 ГК РФ).

Последствиями несоблюдения заказчиком своей обязанности по содействию исполнителю услуги будет являться возможность исполнителя истребовать возмещения причиненных убытков либо, в случае невозможности исполнения, требовать оплаты фактически исполненного (ч. 2 ст. 718 ГК РФ).

Однако данная обязанность входит в противоречие с правом пациента в любой момент отказаться от медицинского вмешательства (ст. 33 Основ). В Основах данное право определено как безусловное и не влекущее никаких последствий. В этой связи, на наш взгляд, в тексте договора не может содержаться условие об обязанности заказчика исполнять все рекомендации врача. Вместе с тем, не будет противоречить законодательству, если в договоре будут определены последствия отказа от медицинского вмешательства, в том числе имущественного характера.

Ответственность исполнителя по договору на

оказание косметологических услуг.

Следует учитывать, что ответственность исполнителя услуги охватывается не только гражданским законодательством. Так, в частности, Уголовный кодекс РФ в ст. 111 определяет «неизгладимое обезображивание лица» как признак тяжкого вреда здоровью.

Ответственность исполнителя за неисполнение либо ненадлежащее исполнение услуги определяется различными нормативно-правовыми актами (ГК РФ, Закон о защите прав потребителей, Основами законодательства об охране здоровья, Постановлением Правительства № 27). Имеет место и ведомственное нормотворчество в этой сфере. К последним относятся Методические рекомендации «Возмещение вреда (ущерба) застрахованным в случае оказания некачественной медицинской помощи в рамках программы обязательного медицинского страхования», направленные Письмом Фонда Обязательного Медицинского Страхования от 5 мая 1998 г. № 1993/36.1-и [26].

Ответственность исполнителя услуги различается по основаниям возникновения. В целом, следует признать общепринятым выделение договорного и внедоговорного оснований ответственности исполнителя медицинской услуги*.

В первом случае, основанием ответственности будет являться неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств из договора возмездного оказания услуг, то есть ответственность за нарушение обязательств (Глава 25 ГК РФ), а во втором случае – причинение вреда (Глава 59 ГК РФ). В обоих случаях нормативным актом, устанавливающим как основания, так и условия ответственности является Гражданский кодекс РФ. Остальные нормативные акты, так или иначе регламентирующие имущественную ответственность исполнителя, касаются либо договорной ответственности (Закон о защите прав потребителей, Постановление Правительства РФ № 27), либо внедоговорной (Основы законодательства об охране здоровья, Закон о защите прав потребителей).

Ответственность исполнителя за вред, причиненный неисполнением (ненадлежащим исполнением) обязательства (договорное основание).

В силу ст. 309 ГК РФ «Обязательства должны исполняться надлежащим образом в

соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями». Соответственно, нарушение условий обязательства и будет являться основанием ответственности исполнителя.

Одним из оснований возникновения обязательства ст. 307 ГК РФ называет договор. Условия договора возмездного оказания косметологических услуг и будет являться условиями возникающего между сторонами обязательства. Однако, кроме тех условий, которые указаны в договоре обязательства сторон должны соответствовать и тем условиям, что отражены в законе и иных правовых актах («императивным нормам»), применимых к данному договору (ст. 422 ГК РФ). Для договора по оказанию косметологических услуг подобные «императивные нормы» находятся в Законе о защите прав потребителей и Постановлении Правительства № 27.

Нормы об ответственности за нарушение обязательств сосредоточены по всему Гражданскому кодексу РФ: составляют основное содержание защиты гражданских прав (ст. 1, Глава 2 ГК РФ), выделяются как часть Обязательственного права (Глава 25 ГК РФ), выступают способами защиты отдельных гражданских прав (Глава 20 ГК РФ), включены в отдельные договоры. Кроме того, нормы об ответственности закреплены в отдельных нормативных актах.

Подобная разбросанность норм об ответственности несколько затрудняет выбор применимых положений к данному конкретному обязательству. Известен принцип приоритета специальной нормы над нормой общей, если иное специально не оговорено. Но это правило действует относительно норм Гражданского кодекса РФ. Если сравниваемые положения находятся в иных нормативных актах то, за исключением Конституции РФ и международных договоров, применяется правила ст. 3 ГК РФ, провозглашающей приоритет Гражданского кодекса.

Положения Главы 39 ГК РФ не предусматривает положений об ответственности, что означает в случае неисполнения соответствующих обязательств прямое обращение

к Главам 2 и 25 ГК РФ.

Вместе с тем применимые к договору косметологических услуг положения §§ 1 и 1 Главы 37 предусматривают ответственность исполнителя за неисполнение своих обязанностей. В частности, исполнитель должен отвечать за необеспечение сохранности предоставленных заказчиком материалов (ст. 714 ГК РФ), за ненадлежащее качество работы (ст. 723 ГК РФ). В силу ст. 739 ГК РФ к данным отношениям применима и ст. 505 ГК РФ, которая также посвящена ответственности. Данная норма предоставляет весьма важное для заказчика право – право требовать исполнения обязательства в натуре (например, в случае если исполнитель, вопреки ст. 780 ГК РФ, уклоняется от личного оказания услуги).

Что касается «иных нормативных актов», то Закон о защите прав потребителей и Постановление Правительства РФ №27 закрепляют положения об ответственности исполнителя медицинской услуги. Следует учитывать, что Постановление Правительства № 27 было принято на основании ч. 2 ст. 1 Закона о защите прав потребителей и является для данного Закона «подзаконным актом».

Постановление дважды упоминает об ответственности исполнителя:

1. «*В соответствии с законодательством Российской Федерации медицинские учреждения несут ответственность перед потребителем за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора, несоблюдение требований, предъявляемых к методам диагностики, профилактики и лечения, разрешенным на территории Российской Федерации, а также в случае причинения вреда здоровью и жизни потребителя»* (п. 15).

2. «*Медицинское учреждение освобождается от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение платной медицинской услуги, если докажет, что неисполнение или ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом»* (п. 19).

Как видно из приведенных положений, в обоих случаях происходит отсылка к иным нормативным актам. Непосредственно Постановлением устанавливается лишь основание освобождение от

ответственности – «непреодолимая сила». Однако данное положение является, по сути, вариантом изложения правил Закона о защите прав потребителей (в частности ч. 4 ст. 13, ч. 5 ст. 14 и др.). Таким образом, Постановление не привносит каких-либо новых правил об ответственности исполнителя за нарушения прав заказчика – потребителя косметологической услуги.

Закон о защите прав потребителей в силу целевой направленности содержит достаточно большое количество норм регламентирующих, в том числе и гражданско-правовую ответственность исполнителя услуги. Относительно исполнителя косметологических услуг применению будут подлежать положения Глав I и III.

Нормы Закона формулируют как общие положения об ответственности за нарушение прав потребителя (например, ст. 13), так и ответственность за нарушение его отдельных прав (ст.ст. 12, 14). Применительно к исполнителю услуг установлены следующие основания ответственности:

1. Ответственность за нарушение сроков исполнения обязательств (ч. 1 ст. 28 Закона).
2. Ответственность за качество используемого материала (ч. 1 ст. 34 Закона).
3. Ответственность за сохранность предоставляемого заказчиком материала (ч. 1 ст. 35 Закона).

Таким образом, ответственность, предусмотренная Законом о защите прав потребителей для исполнителя услуг, по сравнению с положениями ГК РФ, характеризуется относительно большим объемом имущественных потерь для исполнителя. Также как и ГК РФ, Закон о защите прав потребителей вводит как имущественную, так и иную (например, натуральную) форму ответственности, что позволяет потребителю достигать собственные интересы даже в случае нарушения его прав.

Следует также учитывать, что результатом неисполнения (ненадлежащего) исполнения обязательств из косметологических услуг может стать не только недостижение желаемого результата, но и причинение вреда жизни, здоровью и имуществу заказчика. Вышеуказанные нормативные акты предусматривают и такие основания ответственности. В данном случае эта «внедоговорная» ответственность является следствием недостатка товаров, работ или услуг,

но возмещается она в особом порядке, предусмотренном Главой 59 ГК РФ.

Ответственность исполнителя за вред, причиненный неисполнением (ненадлежащим исполнением) обязательства (договорное основание).

Самостоятельным основанием ответственности исполнителя косметологической услуги – является причинение вреда. В основном это происходит при наличии договорных отношений. Но причинению вреда может и не предшествовать договор либо иное соглашение между потерпевшим и медицинским учреждением, например в случае оказания медицинской помощи без согласия граждан (ст. 34 Основ законодательства об охране здоровья граждан).

Общие основания ответственности за причинение вреда устанавливает ст. 1064 ГК РФ. Данная норма указывает и на возможную специализацию условий деликтной ответственности в случаях предусмотренных законом. Имеются ли такие Законы в нашем случае?

Статья 69 Основ «Ответственность медицинских и фармацевтических работников за нарушение прав граждан в области охраны здоровья» подчеркивает лишь «недобросовестность» выполнения профессиональных обязанностей этих работников.

В свою очередь Закон о защите прав потребителей содержит отдельную статью 14 «Имущественная ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товара (работы, услуги)». Существенным моментом данной нормы является то, что она связывает причинение вреда со сроком службы или сроком годности товара, результата работ или услуг. Несмотря на отсутствие прямого указания на услуги относительно сроков службы и срока годности, представляется обоснованным применение этих терминов и к услугам. Таким образом, условием возмещения вреда будет являться причинение вреда в установленный срок службы.

Еще более детализирует применение ст. 1064 ГК РФ к косметологическим услугам положения ч. 5 ст. 14 Закона, в силу которого исполнитель освобождается от ответственности, если «...вред причинен вследствие непреодолимой силы или нарушения потребителем установленных правил использования, хранения или

транспортировки ... услуги».

В соответствии с общими положениями, вред будет возмещаться в случае его причинения виновными противоправными действиями «деликвента».

Основанием «невиновной» ответственности будет причинения вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (ст. 1079 ГК РФ), то есть с использованием медицинской техники, являющейся источником повышенной опасности (ч. 1 ст. 1079 ГК РФ). В этом случае в независимости от вины наступает и ответственность за моральный вред (ст. 1100 ГК РФ).

Следующим основанием привлечения к ответственности без вины будет являться ст. 1095 ГК РФ, предусматривающей такую ответственность в случае причинения вреда недостатками услуг. Однако, для компенсации морального вреда необходимо будет доказать вину исполнителя услуги (ст. 15 Закона о защите прав потребителя).

Оценивая противоправность действий исполнителя косметологической услуги, следует учитывать, что косметологическая операция нацелена на «эстетический» результат и ради этого определенный вред может причиняться здоровью заказчика (например, деформация хрящей носа при ринопластике). Причинение такого вреда является необходимым условием оказания услуги, в связи с чем соответствующие действия врача не могут быть признаны противоправными. В данном случае, подлежит применению ч. 3 ст. 1064 ГК РФ о том, что «*в возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества*».

При оценке действий, приведших к причинению вреда, следует учитывать связь данных действий с целью договора. Если эти действия совершились в рамках договора, то ответственность наступает за ненадлежащее исполнение обязательства на основании ст. 1095 ГК РФ. Если же действия исполнителя выходили за рамки договорных условий, то основанием ответственность будет ст. 1068 ГК РФ, предусматривающая ответственность юридического лица за вред, причиненный его работником.

Объем возмещения вреда будет состоять из возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью (§ 2 Главы 59 ГК РФ), взыскания убытков при причинении вреда имуществу (ст. 15 ГК РФ), из компенсации морального вреда (ст. 151, § 4 Гл. 59 ГК РФ). Следует учитывать, что в порядке возмещения вреда может быть проведена косметологическая операция самим исполнителем безвозмездно (ст. 1082 ГК РФ) либо за его счет другим исполнителем.

Вопрос об оценке вреда [2] может разрешаться различными способами. Стороны могут достичь соглашения об оценке вреда или суд своим решением определит стоимость возмещения. При этом стороны могут предъявлять заключения об оценке и просить суд назначить независимую оценку причиненного вреда.

Таким образом, ответственность за вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу заказчика, осуществляется по схеме так называемого «генерального» деликта [9], предусмотренного ст. 1064 ГК РФ. Однако ответственность исполнителя косметологической услуги может специализироваться в зависимости от обстоятельств причинения вреда, что приводит к наступлению в ряде случаев ответственности «без вины» (ст.ст. 1079, 1095 ГК РФ).

Ответственность за причинение вреда, причиненного заказчику, ложится на юридическое лицо. В этом случае возникает вопрос о возможности применения так называемых «регрессных» исков к работникам, чьи действия и привели к причинению вреда. Данный вопрос должен решаться с учетом отношений, существующих между этим работником и юридическим лицом. Решающее значение здесь получает вид договора, определяющий эти отношения. На наш взгляд, в случае если заключен гражданско-правовой договор (подряда (Гл. 37 ГК РФ) или договор возмездного оказания услуг (Гл. 39 ГК РФ), то подлежит применению ст. 1081 ГК РФ «Право регресса к лицу, причинившему вред». В случае, если между сторонами заключен трудовой договор, то наряду со ст. 1081 ГК РФ подлежат применению трудовое законодательства в части условий ответственности работника перед работодателем (Главы 37, 39 Трудового Кодекса РФ).

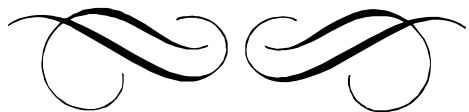
Примечания

* А.С. Мнацаканян предлагает введение двух видов страхования ответственности [См.: 24, стр. 7].

Список литературы

1. Медведев Д.А. Послание Президента Федеральному Собранию. 22 декабря 2011 г. // Российская газета. 2011. №290 (5666). 23 декабря.
2. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 27.12.2009) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».
3. http://news.mail.ru/inregions/st_petersburg/91/4167644/?state=91
4. Абдуллина В.С. Гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере оказания медицинских услуг: некоторые вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007.
5. Бабаджанов И.Х. Гносеология правовой танатологии (теоретико-правовые аспекты учения о смерти). – Душанбе, 2009.
6. Бабаджанов И.Х. Гражданско-правовые проблемы права на жизнь и здоровье. – Душанбе, 2004.
7. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на смертную казнь в юридической теории и практике. – Душанбе: «ЭР-граф», 2011.
8. Глушков В.А. Социологические и правовые аспекты эвтаназии // Социологические исследования. – 1992. – №7.
9. Гражданское право. Том II. / Под ред. Е.А. Суханова М., 2004. (п.4 §2 Гл.XVI).
10. Громов А.П. Права, обязанности и ответственность медицинских работников. – М.: Медицина, 1976.
11. Громов А.П. Эвтаназия // Судебно-медицинский эксперт. – 1992. – №4.
12. Данилочкина Ю.В. Понятие и правовая природа медицинских услуг // Медицинское право. – 2008. – № 4.
13. Звездина Ю.А. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда при оказании медицинских услуг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001.
14. Зильбер А.П. Трактат об эвтаназии. – Петрозаводск: ПетрГУ, 1998.
15. Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь. – М., 2006.
16. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление. – М., 2006.
17. Ковалев М.И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. – 1992. – №7.
18. Лапшин В.Е. Смерть как правовое явление: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2005.
19. Маграбян А.С. Правовое регулирование операций по изменению внешнего облика человека // Медицинское право. – 2008. – № 3.
20. Малеин Н.С., Малеина М.Н. Закон и охрана здоровья граждан. – М.: Прогресс, 1986.
21. Малеина М.Н. Человек и медицина в современном мире. – М.: БЕК, 1995.
22. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – № 1.
23. Мельников В.С. Социальные и правовые аспекты медицинской деятельности. – Киров: Кировск. гос. университет, 1997.
24. Мнацаканян А.С. Гражданско-правовая ответственность исполнителя медицинских услуг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008.
25. Нежметдинова Ф.Т., Исланова Н.Н. Право и медицина: биоэтические основы. – Казань: Дом печати, 1998.
26. Официальный сайт компании «Консультант Плюс».
27. Петросян М.Е. Врач и пациент: Этико-правовой аспект. – М.: АН СССР, 1990.
28. Попов В.Л. Правовые основы медицинской деятельности. – СПб., 1997.
29. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. Серия «Право и медицина». – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
30. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
31. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицины в России (историко-правовое исследование) / Под ред. и с предисловием В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
32. Сидорович Ю.С. Гражданско-правовая ответственность за медицинскую ошибку: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
33. Сироткина А.А. Договор оказания медицинских услуг: особенности правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
34. Ситдикова Л.Б Теоретические основы услуг по законодательству РФ // Юридическое образование и наука. – 2008. – № 1.
35. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. Серия «Право и медицина». – СПб.: Фонд «Университет», 2002.

36. Старовойтова О.Э. Понятие танатологии // История государства и права. – 2000. – №4.
37. Старовойтова О.Э. Правовые проблемы танатологии (историко-теоретический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001.
38. Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав. – М., 2005.
39. Тагайнозаров Ш.Т., Бабаджанов И.Х., Бадалов Ш.К., Бабаджанов Дж.Б. Жизнь и здоровье человека: современные проблемы правовой ответственности. – Душанбе: «ЭР-граф», 2010.
40. Тихомиров А.В. Медицинская услуга: правовые аспекты. – М., 1997.
41. Тюменева Н.В. Право на жизнь как объект теоретико-правового исследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов 2008.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

УДЫЧАК Фатима Нурбиеvna,
доцент кафедры конституционного права
Адыгейского государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: ydichak@mail.ru

Специальность 12.00. 01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И МЕХАНИЗМ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ИНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с механизмом обеспечения национальной безопасности в России. Пристальное внимание уделено выяснению места и роли государственно-правовой идеологии в этом процессе. Проблемы представлены с позиций структурно-функционального анализа. Речь идет о сложной диалектической взаимообусловленности факторов угрозы и состояния развития социальной системы безопасности. Авторы пишут о внутренних и внешних угрозах социального, природного и техногенного характера, увязывая их с условиями глобальных общецивилизационных изменений. Материал компонуется на базе Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Большое внимание уделяется вопросам правового реформирования существующей сегодня системы, выявлению роли государства и права.

Государственно-правовой аспект обеспечения национальной безопасности представлен в статье через призму теоретико-правовых категорий, механизм обеспечения – через комплексный анализ явления в двух проекциях: функционально-институциональном (комплекс средств – институтов) и процессуальном (поэтапное действие средств – институтов).

Ключевые слова: национальная безопасность; механизм обеспечения; государственно-правовая идеология; функционально-институциональный аспект; угрозы и состояние системы; глобализация; стратегия национальной безопасности; правовое реформирование; государство и право.

NATIONAL SECURITY OF RUSSIA AND ITS ENFORCEMENT MECHANISM: STATE-AND-LAW IDEOLOGY AND INSTITUTIONAL FOUNDATIONS

The summary. The article deals with the issues related to the mechanism for enforcing national security in Russia. A high priority is given to determination of the place and role of the state-and-law ideology in this process. The problems are presented from the standpoints of structural-functional analysis. It concerns a complex dialectic interdependence of threat factors and the state of the social security system development. The authors write on the internal and external threats of social, natural and technogenic character linking them to the conditions of global all-civilization changes. The material is arranged on the basis of the National Security Strategy of the Russian Federation up to 2020. A great attention is paid to the issues of the legal reforming of the currently existing system, revelation of the state and law role.

The state-legal aspect in the enforcement of national security is presented in the article through the perspective of theoretical legal categories, the enforcement mechanism – through a comprehensive analysis of the phenomenon in two views: the functional-institutional one (complex of means – institutions) and the procedural one (phase-by-phase action of means – institutions).

Key words: national security; enforcement mechanism; state-and-law ideology; functional-institutional aspect; threats and the state of system; globalization; national security strategy; legal reforming; the state and law.

Потребность в безопасности принадлежит к числу базисных мотивационных источников человеческой жизнедеятельности, а социальная организация представляет собой способ обеспечения нормальных жизненных условий, средство совместного противодействия природным и социальным угрозам. Кооперация усилий подчиненных единой общественной воле участников социальных отношений, позволяет оказывать противодействие таким угрозам, которым невозможно противостоять индивидуально. При этом усиление «господства» людей над природой сопровождается углублением дифференциации фактора угрозы человечеству, увеличением масштабов угроз человечеству, повышением степени их опасности. По мере усложнения общественных отношений, расширяется спектр угроз социального характера, а модификация фактора угрозы, в свою очередь, отражает процесс общественного развития. Сложная диалектическая взаимообусловленность фактора угрозы и состояния развития социальной системы объективно влечет обособление, специализацию, усложнение социальных средств обеспечения безопасности, которые являются

неотъемлемым атрибутом организованных социальных систем.

В условиях политico-правовой организации система обеспечения безопасности принимает специфическую форму, но при этом не изменяется по своей сути. Государство, его институты и органы становятся наиболее эффективным средством противодействия внутренним и внешним угрозам социального, природного, техногенного характера. В связи с постоянными изменениями внутренней и внешней среды, государство и общество всегда старались выработать действенные средства защиты от соответствующих угроз. Особенную актуальность эта проблема приобретает в условиях глобальных общечеловеческих изменений.

Глобальные изменения, происходящие в современном мире, наряду с позитивными явлениями влекут возникновение новых угроз и усиливают действие угроз, существовавших ранее, меняется характер и степень опасности техногенных угроз. В данных условиях государство становится основным субъектом обеспечения безопасности, особая роль отводится государственным средствам противодействия

угрозам разного характера и степени опасности. В связи с этим, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, констатируется, что «в условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности» [3]. Переход к качественно новой государственной политике предопределяет необходимость соответствующих изменений в правовой форме. Именно поэтому правовой аспект совершенствования государственного механизма обеспечения национальной безопасности, сегодня имеет не только теоретическое значение, но и весьма существенное прикладное значение в контексте общего вопроса о правовом реформировании системы национальной безопасности Российской Федерации [4; 5; 6; 8; 10].

Приступая к рассмотрению обозначенной нами проблематики, прежде всего, следует констатировать, что социальная природа государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности обусловлена объективными историческими процессами кооперации и организации социальной деятельности. Выживание, нормальная жизнедеятельность, развитие и безопасность каждого человека обеспечивается объединением людей в единую организованную системную целостность, предоставляющую возможность скооперированного коллектического противодействия угрозам, исходящим от других аналогичных организованных социальных образований и агрессивной природной среды. Это обеспечивается институтами социальной власти, действующими в рамках конкретной социальной системы, в том числе и в рамках национальной политico-правовой системы. При этом у наиболее сложных и масштабных социальных систем, к которым и относится национальная политico-правовая система, возникает объективная потребность в обеспечении внутрисистемной безопасности.

Система безопасности осуществляет свои функции путем создания безопасных условий для человека и общества. Эти условия, взятые в комплексе (как фактический состав), могут быть

определенены как система безопасности или комплексное условие, от которого зависит сама возможность стабильного функционирования и развития социальной системы. Закономерности воздействия среды на объект (конкретную социальную систему) верны также и в отношении политico-правовой формы социальной организации, где социальное нормативное регулирование является в значительной степени осознанным, целенаправленным, а не стихийным, не спонтанным как в догосударственном обществе. В этих условиях, субъекты социальных отношений, взаимодействующие в связи с потребностью влиять на публичную политическую власть, реализуют свои частные интересы в пределах установленной государством нормативной правовой формы. Такое системное образование в теории государства и права рассматривается как политическая система – *особая нормативная форма социальной организации, отражающая отношения социальных институтов с институтами государственной власти, а также отношения между социальными институтами, возникающими при реализации субъектами своих интересов, осуществляемых в форме воздействия на процессы обоснования и легитимации государственной власти; формирования государственного аппарата; реализации полномочий органами государственной власти; передачи властных полномочий.*

Таким образом, в качестве основного, системообразующего элемента политической системы выступает государство, которое «является важнейшим институтом политической системы в силу своего универсального характера, определяемого, в том числе, ресурсами, несопоставимыми с другими субъектами и определяющим влиянием на все сферы общества» [13, стр. 109]. Являясь центральным институтом политической системы и выражителем публичных (общественных) интересов, государство выражает также корпоративные (групповые) и индивидуальные интересы. Но эти социальные интересы выражаются и поддерживаются государством в той части, которая не противоречит публичным началам.

Устанавливаемые государством нормативные властные предписания оказывают воздействие на важнейшие сферы жизнедеятельности общества и, прежде всего, на политическую сферу. Основы

политической организации закрепляются на высшем законодательном уровне и, таким образом, политической системе общества придается качество политico-правовой системы. При этом стабильное развитие общества «в значительной мере обеспечивается сбалансированностью общественной воли, выраженной в содержании правовых предписаний, а также тем, насколько полно в них учитываются общественные, групповые и индивидуальные интересы» [11, стр. 8-9].

Политico-правовая система отражает упорядоченный на основе политических принципов и правовых норм способ взаимодействия институтов, с которым связывается возникновение нового системного качества, не присущего каждому из этих институтов по отдельности. Таким системным качеством является, прежде всего, правосубъектность, которая в рассматриваемой нами области проявляет себя как возможность использования и применения субъектами отношений юридических средств. Эти средства «создают общие, гарантированные государством и обществом возможности для усиления позитивных регулятивных факторов и одновременно для устранения препятствий (негативных факторов), стоящих на пути упорядочения социальных связей» [9, стр. 140].

Состояние политico-правовой системы оценивается как безопасное в том случае, если устраняются негативные факторы, препятствующие эффективной реализации интересов личности, общества, государства и, тем самым, создающие угрозу стабильности функционирования системы, ее целостности. При этом содержание политico-правовой формы составляет множество конкретных социальных отношений, основанных на свойственных данному обществу нормативных системах (религии, морали, обычаев, традиций). Содержание социальных норм детерминирует соответствующий комплекс присущих данному обществу ценностей, духовных и материальных благ, служащих удовлетворению жизненно важных потребностей участников общественных отношений. Необходимость сохранения, защиты, преумножения таких традиционных национальных ценностей и благ отражает сущность национальных интересов и их особенности на разных этапах развития национальной общности. В указанном значении национальные интересы России вполне корректно

рассматривать как «преемственно воспроизводящуюся ценностно-идеологическую систему» [14, стр. 9]. Законодательно же национальные интересы Российской Федерации определены как «совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства» [1].

Слабой стороной законодательной дефиниции является то, что в ней категория «интерес» раскрывается через категорию «потребность». Но интерес – это не *сама по себе* потребность. Последняя – лишь явление, понимаемое субъектом как необходимое для поддержания определенного состояния, в частности, состояния безопасности. Оцениваемое как необходимое или желательное такое явление становится объектом внимания, вызывает интерес со стороны субъекта, становясь объектом его деятельностных устремлений. Для государства, общества, личности интерес представляют не сами их субъективные потребности как таковые, а духовные и материальные блага, без которых невозможно удовлетворить жизненно важные потребности. Именно по отношению к этим благам и ценностям обычно проявляют интерес, и именно они определяют содержание категории «национальные интересы».

Кроме того, в законодательном определении не отражен культурно-исторический аспект, определяющий сущность категории именно через национальную специфику. Определение отражает формальный, структурный аспект явления и не указывает на свойства политico-правовой системы, которые позволяют ей вовне (в международных отношениях) проявлять себя в качестве нации (в этатистском смысловом значении Устава ООН). Вместе с тем именно безопасность такого национального суверенного образования в общем рассматривается как *состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, а в международных документах и в законодательстве государств определяется как национальная безопасность*.

Нормативная система государственного правового регулирования в сфере обеспечения национальной безопасности отражает категориальную связку «общее – особенное – единичное», на ее основе представляется возможным выделить три соответствующих

уровня – конституционный, законодательный, концептуальный.

На конституционном уровне закрепляются основополагающие начала, следование которым должно обеспечивать стабильное развитие и целостность национальной политico-правовой системы. «Основу основ» в этом смысле представляют принципы суверенитета и законности. На уровне федерального законодательства осуществляется конкретизация соответствующих конституционных положений, определяются направления деятельности, прописывается механизм, закрепляется система базовых категорий. Все это определяет общий вектор развития системы национальной безопасности государства в связи с национальными ценностными приоритетами, законодательно закрепленными в виде системы объектов национальной безопасности. В частности, в ст. 1 Закона Российской Федерации «О безопасности» указывается, что безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз. При этом объект безопасности раскрывается в Законе через триаду жизненно важных интересов личности, общества и государства [1].

Если законодательство определяет институциональные основы системы национальной безопасности и общий вектор функционирования механизма обеспечения национальной безопасности, то конкретные стратегические национальные приоритеты, вытекающие из этих задач, а также пути их решения, определяются актами главы государства как гаранта конституции и законности. Базовым документом, отражающим основные положения официальной доктрины в сфере обеспечения национальной безопасности России, на настоящий момент является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [3]. В документе определяются основные стратегические направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности. Стратегия отражает положения обобщенного характера, но при этом имеет существенное практическое значение. Она

представляет собой, по сути, официальную доктринальную основу слаженного взаимодействия элементов системы национальной безопасности и, в частности, ее государственно-правовой составляющей.

С методологической точки зрения, государственно-правовой аспект обеспечения национальной безопасности целесообразно рассматривать через призму теоретико-правовых категорий. В связи с этим уместно введение в научный оборот категории «государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности», что отражает суть структурно-функционального анализа соответствующих элементов системы обеспечения национальной безопасности. Понятие «механизм» широко используется в теоретическом правоведении, где ему придается юридическое значение («правовой механизм»), а его содержание раскрывается как «комплекс юридических средств, последовательно организованных и действующих поэтапно по определенной нормативно заданной схеме». При этом «все элементы правового механизма находятся в логической взаимосвязи» [15, стр. 83]. Понятие механизма связывается также с функционированием и взаимодействием государственных институтов – «государственный механизм» [12, стр. 14].

Понятие *государственно-правового механизма*, ограничивает предметную область исследования сферой позитивного права, областью публично-правового регулирования. Видовое понятие «государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности», следует формулировать с учетом официальной интерпретации родовых (более общих) категорий, содержание которых раскрывается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. В частности, надо исходить из официального доктринального положения, согласно которому «основное содержание обеспечения национальной безопасности состоит в поддержании правовых и институциональных механизмов, а также ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам Российской Федерации». Соответственно, государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности – это *система государственных институтов, последовательно организованных, действующих поэтапно и на основе*

официальных нормативных установок осуществляющих деятельность по поддержанию правовых и институциональных механизмов, ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам.

Механизм обеспечения национальной безопасности в контексте теоретико-правовой интерпретации выступает в качестве комплекса юридических средств, последовательно организованных и действующих поэтапно по определенной нормативно заданной схеме. Это предполагает необходимость комплексного анализа явления в двух проекциях – функционально-институциональной (комплекс средств-институтов) и процессуальной (поэтапное действие средств-институтов).

Функции государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности представляют собой направления государственно-правового воздействия предполагающие решение определенных задач в основных сферах жизнедеятельности, которые в комплексе отражают сущность и содержание правовой деятельности государства по обеспечению национальной безопасности. Функции государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности напрямую зависят от характера масштабов и степени реальных и потенциальных угроз в политической, экономической, социальной сферах, в сфере науки и образования, в духовной, информационной, военной, оборонно-промышленной, экологической сферах, а также в сфере общественной безопасности. Кроме того, рассматриваемые функции осуществляются не только во внутренней, но и во внешнеполитической сфере, что предопределяет необходимость участие в мероприятиях по обеспечению безопасности за пределами Российской Федерации в соответствии с международными договорами и соглашениями, заключенными или признанными Российской Федерацией.

Функции государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности осуществляются посредством взаимодействующих между собой государственных организационных институтов, которые в контексте рассматриваемой проблематики условно подразделяют на две группы: во-первых, это государственные организационные институты, для

которых соответствующая функция является основной; во-вторых, это те институты государства, для которых функция обеспечения национальной безопасности является дополнительной (реализуется, как правило, в случае возникновения соответствующих угроз интересам государства, общества, личности).

Государственно-правовой институт обеспечения национальной безопасности как разновидность организационных институтов государства характеризуется рядом признаков: во-первых, он представляет собой относительно обособленную часть единого механизма, обладающую определенной автономией; во-вторых, обладает регулятивным государственно-властным характером; в-третьих, имеет не только свою организацию, но и функциональное назначение в рамках государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности. Кроме того, следует учитывать, что государственно-правовой (организационный) институт обеспечения национальной безопасности не тождествен соответствующему государственному органу, который является способом связи регулируемых государством отношений с их материальной основой. Институт представляет собой нормативное выражение системы общественных отношений, в указанном смысле это идеальное явление, выраженное как система категорий, статусов, принципов, духовных ценностей и т. д. Материальная составляющая, безусловно, предполагается, но не является основной, когда речь идет об институтах права или государства. В свою очередь, понятие государственного органа и в научной, и в учебной литературе, как правило, связывается с материальной основой (людьми, зданиями, помещениями, оборудованием, техническими средствами, вооружением и т. д.), т. е. это структурные образования, располагающие «материально-техническими возможностями для осуществления своих функций» [7, стр. 181]. В частности, государственные органы, осуществляющие функцию по обеспечению национальной безопасности, реализуют свои материально-технические возможности при помощи соответствующих технологий, а также технических, программных, лингвистических, правовых, организационных средств, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности

для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

В качестве институциональной основы механизма обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, можно выделить следующие организационные институты государства высшего уровня: 1) институт главы государства; 2) институты государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной); 3) институт конституционного правосудия; 4) институт совета безопасности. Второй уровень институциональной системы образуют правоохранительные институты; судебные институты; институты государственного контроля и надзора; государственные институты исполнительного производства; институт гражданской обороны; институты защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; институты разведки, контрразведки и охраны государственных границ, а также силовые институты, и, прежде всего, вооруженные силы, которые выражают силовой компонент государственного механизма обеспечения национальной безопасности [2].

Рассматривая правовые и организационные формы государственного обеспечения национальной безопасности, отметим, что кроме функционально-институциональной составляющей государственно-правовой механизма обеспечения национальной безопасности, предполагает также динамику функционирования, которая в юридическом аспекте выражается в системе процедурных, процессуальных норм, регулирующих соответствующую деятельность государственных органов и должностных лиц. Динамика функционирования государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности выражается в последовательном прохождении стадий, завершающихся решением промежуточных задач, необходимых для достижения цели. Защита интересов государства, общества, личности от внешних и внутренних угроз осуществляется в форме цикличной деятельности, предлагающей прохождение трех стадий. 1) Обнаружение и нивелирование предпосылок возникновения угроз национальной безопасности. На этой стадии осуществляется выявление и прогнозирование внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам объектов

безопасности, осуществление комплекса оперативных и долговременных мер по их предупреждению и нейтрализации. 2) Устранение фактора угрозы национальной безопасности. Эта стадия связана с противодействием угрозам и характеризуется активным применением мер государственно-властного пресечения. Осуществляется управление силами и средствами обеспечения безопасности в повседневных условиях и при чрезвычайных ситуациях. 3) Устранение последствий общественно опасной деятельности, что предполагает восстановление условий необходимых для реализации интересов личности, общества, государства путем осуществления мер по восстановлению нормального функционирования объектов безопасности в регионах, пострадавших в результате возникновения чрезвычайной ситуации.

Особое значение имеет правоохранительная деятельность как правовая форма государственного властного воздействия на общественные отношения, в наибольшей степени отвечающая целям и функциям обеспечения национальной безопасности. Но следует указать на то, что эффективное функционирование механизма обеспечения национальной безопасности предполагает координацию различных правовых и организационных форм деятельности, направленной на обеспечение интересов государства, общества, личности. Слаженность в процессе осуществления функций должна обеспечиваться правовым разграничением функций и полномочий государственных органов. В организационном плане взаимодействие между всеми субъектами обеспечения безопасности осуществляется в форме обмена информацией, совместного планирования и проведения мероприятий, взаимного использования сил и средств в интересах решения общей для субъектов этого процесса задачи, организации специального мониторинга и др. Вместе с тем, на настоящий момент государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности сочетает в себе частичную дисфункциональность отдельных государственных органов с дублированием различных государственно-правовых институтов и государственными органами в рамках государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Список литературы

1. О безопасности: Закон РФ от 05 марта 1992 г. № 2446-1 (с изм. и доп. от 26 июня 2008 г.) // Российская газета. – 1992. – № 103.
2. О Военной доктрине Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05 февраля 2010 г. № 146 // Российская газета. – 2010. – № 27.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
4. Александров Р.А. Наркобизнес – угроза национальной безопасности в России. – М., 2006.
5. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности в России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2007.
6. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. – СПб., 1999.
7. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М.: ИХФ Омега-Л, 2002.
8. Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
9. Категор А.С. Механизм применения права: Монография. – СПб., 2002.
10. Колокольцев В.А. Государственные интересы России в контексте концепции национальной безопасности. – СПб., 2004.
11. Кулапов В.Л. Российская юридическая доктрина и проблемы правопонимания // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути решения: Научно-практическая конференция (3 – 4 октября 2001 г.) / Под ред. А.И. Демидова. – Саратов: СГАП, 2001.
12. Механизм государства: классическая и постклассическая парадигмы: Монография / Под ред. С.А. Сидорова, И.Л. Честнова. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
13. Социология публичного права: антрополого-правовая парадигма: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.
14. Ткаченко М.А. Юридическая защита национальных интересов России в новом геоэкономическом порядке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
15. Шундиков К.В. Правовые механизмы: постановка проблемы // Проблемы теории государства и права. – 2002. – №3

БАБАДЖАНОВ Истрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан, доцент Таджикского национального
университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

ОЛЬ Екатерина Михайловна,
доцент Санкт-Петербургского государственного
аграрного университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ol'ekaterina@yandex.ru

ТАРАЙКО Валерий Иосифович,
заместитель директора Института права и
предпринимательства Северного (Арктического)
федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: taraiko@arhusd.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

БЛАГОПРИЯТНАЯ ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ

Аннотация. В статье рассмотрено такое основополагающее право человека, как право на жизнь. Выясняются юридическая формулировка понятия «жизнь человека», юридическое закрепление этого права в законодательстве и необходимые условия, позволяющие реализовать это право.

Право на жизнь проанализировано в субъективном и объективном, узком и широком смыслах слова. Это не просто право на то, чтобы жить, чтобы человека никто не мог произвольно лишить жизни, но и на то, чтобы жить свободно и мирно. Право на благоприятную окружающую среду выступает в качестве дополнительного инструмента, обеспечивающего эффективную реализацию права на жизнь.

Авторы изучили законодательство России и международно-правовые нормы. Они активно используют метод сравнительно-правового исследования, подходят к праву человека на благоприятную окружающую среду с комплексных позиций. Интересно здесь представлена государственная гарантированность анализируемого права. Речь идет о трех условиях правового регулирования данной стороны жизни людей: 1) наличие установленной государством нормы; 2) наличие юридического механизма реализации нормы; 3) осуществление государственного контроля за реализацией соответствующей нормы. Все три условия в статье представлены довольно подробно.

Ключевые слова: право человека на жизнь; благоприятная окружающая среда; государство; механизм; законодательство; гарантированность; правовая норма; международно-правовые акты; правотворческая деятельность; реализация права.

BABADZHANOV I.Kh.
OL' E.M.
TARAYKO V.I.

ENABLING ENVIRONMENT AND HUMAN RIGHT TO LIFE

The summary. The article considers such a fundamental human right as the right to life. The research is done for the determination of legal wording for «human life» concept, legal recognition of this right in the legislation and necessary conditions to exercise this right.

The right to life is analyzed in the subjective and objective, the narrow and broad senses of the word. This is not just a right to live, so that no one could arbitrarily deprive an individual of life, but also to live freely and peacefully. The right to enabling environment acts as an additional instrument for ensuring the effective implementation of the right to life.

The authors studies the legislation of Russia and international legal norms. They make an active use of the comparative legal research method, approach to the human right to enabling environment with complex standpoints. The state guarantee for the analyzed right is presented here with a point of interest. It concerns three conditions of legal regulation for this aspect of individuals' life: 1) availability of the norm established by the state; 2) availability of a legal mechanism for the norm implementation; 3) exercising of the state control over the implementation of the relevant norm. All the three conditions are presented in the article in some detail.

Key words: human right to live; enabling environment; the state; механизм; legislation; guarantee; legal norm; international legal acts; lawmaking activities; exercise of right.

При решении задачи, связанной с реальным обеспечением права человека на жизнь весьма важным аспектом является юридическая формулировка понятия «жизнь», необходимо также выявить необходимые условия, позволяющие реализовать это право. Таким образом, требуется юридическая формализация самого феномена и условий, гарантирующих его существование.

Решение этой проблемы связано, во-первых, с развитием медицины, а во-вторых, с условиями существования человека как биологического вида. Эти проблемы могут быть правильно поставлены и решены только на основе научного понимания сущности жизни человека.

«Человек – это живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального. Как живой организм человек включен в природную связь явлений и подчиняется биологическим закономерностям, на уровне сознательной психики и личности человек обращен к социальному бытию с его специфическими закономерностями» [22, стр. 142]. Это определение – результат обобщающего анализа многочисленных научных работ философского направления, начиная от мыслителей древности до современных философов, оно

учитывает и социальный фактор в жизни человека как «высшего из земных созданий, одаренного разумом, свободной волей и словесной речью» [8, стр. 207].

Исходя из единства биологическою и социального в природе человека, следует полагать, что жизнь человека – также биосоциальное единство. Она прекращается тогда, когда распадается это единство. «Если целое... будет разделено, то оно перестанет быть целым» [6, стр. 301]. Таким образом, и правом жизнь должна защищаться именно как биосоциальное единство.

Право на жизнь рассматривается не только в субъективном, но и в объективном смысле. Так Л.О. Красавчикова определяет это право как совокупность правовых норм по охране жизни человека, устанавливающих недопустимость произвольного лишения жизни, запрет эвтаназии, дозволенность искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона, а также самостоятельного решения женщиной вопроса о материнстве, в том числе, об искусственном прерывании беременности [7, стр. 175].

Таким образом, право на жизнь – это признанное государством естественное и неотчуждаемое право (возможность) человека на зачатие, на

рождение, на достойное и благополучное существование и гарантированное на конституционном уровне до наступления смерти. Однако право на жизнь в широком смысле – это не просто право на то, чтобы жить, чтобы человека никто не мог произвольно лишить жизни, а право на то, чтобы жить свободно и мирно [3, стр. 27-32; 4; 5; 9; 10; 11; 12; 19; 20; 23]. «Человек рожден для счастья», – говорили древние. Еще Аристотель заметил, что государство создается не для того, чтобы обеспечить возможность жить, а преимущественно для того, чтобы жить счастливо. Иными словами, право на жизнь – это еще и право на достойное человеческое существование [14, стр. 208]. Например, такие права, как право на социальное обеспечение, право на здоровье, право на благоприятную окружающую среду и т. д., выступают в качестве дополнительных инструментов, обеспечивающих эффективную реализацию права на жизнь.

Как фундаментальное право, право на жизнь вполне допустимо рассматривать в нескольких аспектах: это гарантированное право личности, защищающее от любых незаконных посягательств на его жизнь; это право на условия, обеспечивающие нормальную реализацию параметров жизнедеятельности личности; это право на реальное обеспечение неприкосновенности, жизнедеятельности каждого члена общества; это право на созданные обществом условия безопасности для продолжения жизни; это право на состояние, исключающее факторы, создающие опасность для продолжения жизни; это право на гарантированное место работы и нормальных условий труда для каждого; это право на создание оптимальной формы властных отношений для обеспечения нормальных условий жизнедеятельности личности и т. д. Важным аспектом обеспечения права на жизнь выступает деятельность государства по созданию благоприятных социально-экономических условий для жизни граждан. Государство обязано обеспечить каждому тот минимум материальных благ, который позволяет человеку достойно жить [15, стр. 23]. Отсутствие работы, низкая зарплата, нерегулярность ее выплаты, отсутствие нормальной медицинской инфраструктуры, системы оказания необходимой медицинской помощи можно рассматривать как несоблюдение права на жизнь.

Международные акты, Декларация прав и

свобод человека рассматривают право на жизнь как неотъемлемое право каждого человека. Однако содержание и гарантия этого права в этих документах не раскрываются. Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. говорится: «Каждый имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи» (ст. 23); «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход, социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благополучия его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам» (ст. 25) [16, стр. 48].

Статья 11 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах уже более четко установила: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни». Иными словами, речь идет не об элементарном биологическом существовании, когда достаточно, чтобы человек какое-то время не умирал, а о таком укладе жизни, который бы позволял удовлетворять как материальные, так и духовные потребности.

Еще более ста лет назад известный юрист-международник Ф.Ф. Мартене выделял право на существование как основное право, неразрывно связанное с личностью: «Право на существование и развитие физической личности, – следовательно, право на приобретение средств, необходимых для поддержания жизни, трудом физическим, торговыми оборотами, занятием промыслами или иным законным образом; в этом отношении каждый человек пользуется совершенной свободой в пределах, поставленных законом» [13, стр. 228]. Причем сами международные документы очерчивают тот минимум, при котором можно говорить о достойной жизни человека, – достаточное питание, одежда, жилище, медицинский уход и т. д. В этих границах государство обязано создать такие условия, чтобы человек своими свободными действиями мог себе обеспечить необходимый жизненный уровень.

Важнейший аспект, определяющий сложность юридического определения жизни и формулировки понятия «право на жизнь» составляет комплекс вопросов, связанных с включением в структуру содержания соответствующего понятия такого элемента как «право личности на благоприятную окружающую среду». Без государственных гарантий этого субъективного права, закрепленного международными актами и основными законами государств, бессмысленно вести речь о фундаментальной роли права на жизнь как фундаментальной гарантированной со стороны государства возможности человека [17; 18].

Право человека на благоприятную окружающую среду закреплено в статье 42 Конституции Российской Федерации. Конституционная характеристика Российской Федерации в качестве правового демократического государства означает, что важнейшей задачей государственных институтов является не только формально-юридическое закрепление основных прав человека и гражданина, но и *создание условий* предоставляющих возможность их реализации. При отсутствии *реально действующих* юридических гарантий, провозглашенные российским обществом высшей ценностью основные права человека и гражданина будут оставаться фактически «не работающими». В широком плане категорией «гарантии» охватывается вся совокупность объективных и субъективных факторов, которые направлены на подлинную реализацию прав и свобод российских граждан, на устранение возможных причин и препятствий для их полного и надлежащего осуществления, а также для защиты субъективных прав. Конституция фактически устанавливает, что гарантия этих прав, а соответственно и права на благоприятную окружающую среду является обязанностью государства. В этой связи в ч. 1 ст. 45 Конституции РФ закрепляется, что «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантировается».

Государственная гарантированность, по нашему мнению, обеспечивается наличием трех важнейших условий, вытекающих из природы социального управления в целом и правового регулирования в частности. Этими условиями являются:

- 1) наличие установленной государством нормы;
- 2) наличие юридического механизма реализации

нормы;

- 3) осуществление государственного контроля над реализацией соответствующей нормы.

Это следует также и из смысла ст. 18 Конституции Российской Федерации, где указывается, что права и свободы являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Рассматривая вопрос о государственной гарантированности права личности на благоприятную окружающую среду, следует выделить такие виды государственной деятельности как правотворчество (создание, изменение и аннулирование эколого-правовых норм), правоприменение (реализация эколого-правовых норм от лица государства), правоохранительную и контрольно-надзорную деятельность. Критерием выделения указанных видов юридической деятельности является включенность в процесс правового регулирования, они являются этапами процесса государственно-правового воздействия на экологическую сферу.

Правотворческая деятельность относительно рассматриваемого нами вопроса, прежде всего, предполагает: формально-юридическое установление прав и обязанностей субъектов экологических отношений; установление требований ко всем участникам экологических отношений; осуществление формально-юридического нормирования в области охраны окружающей среды; издание государственных стандартов и иных нормативных документов в области охраны окружающей среды; регламентацию порядка установления особых экологических режимов и зон; определение круга особо охраняемых объектов и т. д.

Гарантированность права личности на благоприятную окружающую среду в форме правоприменительной деятельности предполагает реализацию, воплощение нормативно установленных требований в жизнь. Это осуществляется путем лицензирования отдельных видов деятельности в области охраны окружающей среды, экологической сертификации и т. д. Специфика заключается в том, что правоприменение осуществляется на основании исполнения требований действующего экологического законодательства специально уполномоченными государственными органами и

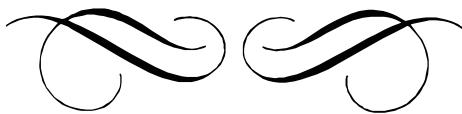
должностными лицами. Правоприменительная деятельность состоит в разработке и фактическом осуществлении многих, в первую очередь, организационных мер, направленных на то, чтобы обеспечить оперативное, удобное и законное осуществление субъектами права установлений, закрепленных в действующем законодательстве. В эколого-правовой области правоприменительная деятельность имеет ряд черт, в определенной степени отличающих ее от других частей правовой сферы. Для реализации людьми и организациями закрепленного законодательством права специального природопользования с целью обособленной эксплуатации природных объектов требуется специальная деятельность государственных органов, применяющих юридическую норму и тем самым гарантирующих ее реализацию в деятельности, которая носит именно правообеспечительный характер. В сфере применения эколого-правовых норм важное место принадлежит государственным органам, соответственно, на них возлагается и основной груз защиты права на благоприятную окружающую среду.

Контрольно-надзорная деятельность осуществляется в целях исполнения всеми субъектами экологических отношений предписаний действующих нормативно-правовых актов. Экологический контроль – это «система мер, направленная на предотвращение, выявление и пресечение нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обеспечение соблюдения субъектами хозяйственной и иной деятельности требований, в том числе, нормативов и нормативных документов в области охраны окружающей среды» [1]. Контрольно-надзорная деятельность предполагает действие всех разновидностей государственного надзора и контроля. Особое место в системе этих средств занимает прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением действующих на территории государства законов. В Российской Федерации основным субъектом, осуществляющим контрольно-надзорную деятельность в экологической сфере, является Федеральная служба по надзору в сфере природопользования [2].

Правоохранительная деятельность [21], рассматриваемая нами в качестве фактора государственной гарантированности реализации права личности на благоприятную окружающую среду, неразрывно связана с контрольно-надзорной деятельностью. Она предполагает обеспечение государственными органами строгого и неукоснительного соблюдения всеми субъектами экологических отношений предписаний действующего экологического законодательства, а также обеспечение и защиту субъективных экологических прав участников соответствующих отношений. Достижение этой цели осуществляется посредством таких мер как профилактика, пресечение, расследование экологических правонарушений, привлечение к юридической ответственности лиц, нарушивших предписания экологического законодательства, а также обеспечение исполнения наказаний. При этом правоохранительная деятельность в области экологии осуществляется рядом государственных органов. Среди них ведущая роль принадлежит милиции, в частности, специальные природоохранительные функции МВД РФ связаны с руководством и организацией деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения (в сфере охраны атмосферного воздуха). В рамках МВД РФ функционирует экологическая полиция. В области экологии правоохранительная деятельность осуществляется и другими государственными органами: прокуратурой, судом, арбитражным судом, а также таким силовым структурам, как внутренние войска МВД России, подразделения МЧС, которые участвуют в реализации мероприятий Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, проведением карантинных мероприятий во время эпидемий и эпизоотии, обеспечением общественного порядка при ликвидации последствий крупных аварий, катастроф, пожаров, стихийных бедствий. Немаловажное значение имеют административные комиссии при муниципальных органах исполнительной власти. В привлечении нарушителей к ответственности участвуют и инспекторские службы природоохранительных органов.

Список литературы

1. Ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 – № 7-ФЗ (с изм. и доп. от 27 декабря 2009 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133; 2009. – № 52 (1 ч.). – Ст. 6450.
2. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования и внесением изменений в постановление Правительства РФ от 22 июля 2004 г. – № 370» от 30 июля 2004 г. – № 400 (с изм. и доп. от 28 марта 2010 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 32. – Ст. 3347.
3. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь в аксиологическом измерении // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №1.
4. Бабаджанов И.Х. Право человека на жизнь как юридическая квинтэссенция витальных возможностей человека. – Душанбе, 2010.
5. Бабаджанов И.Х. Содержание права на жизнь: некоторые вопросы теории и законодательной формализации // Юридический мир. – 2010. – №2.
6. Гегель Г.В.Ф.. Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М.: Мысль, 1974.
7. Гражданское право. Учебник. Часть 1 / Под ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. – М., 1998.
8. Даль В. Толковый словарь. – М.: Русский язык, 1980.
9. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь. – Волгоград, 2003.
10. Линник Л.Н. Конституционное право гражданина РФ на жизнь: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
11. Линник Л.Н. Правовое понятие жизни. №4. – М., 1994.
12. Малеина М.Н. О праве на жизнь // Сов. государство и право. – 1992. – №2.
13. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. – М., 1996.
14. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – № 1.
15. Ольшевская А.В. Конституционно – правовой механизм обеспечения личных прав и свобод человека и роль органов внутренних дел в его реализации // Современное право. – 2003. – № 3.
16. Сборник международных актов по правам человека. – Душанбе, 2001.
17. Тарайко В.И. Экологическая безопасность России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
18. Тарайко В.И. Экологическая преступность в Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2011.
19. Тюменева Н.В. Право на жизнь как объект теоретико-правового исследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008.
20. Романовский Г.В. Гносеология права на жизнь. – СПб., 2003.
21. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России. – СПб.: Астерион, 2008.
22. Философская энциклопедия. – М., 1983.
23. Швейцер А. Благовение перед жизнью. – М., 1992.

ФИЗИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА, КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО. ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ И РАЗРЕШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ.

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,

профессор кафедры организации деятельности полиции Санкт-Петербургского университета МВД России,

доктор юридических наук, профессор

E-mail: alievyakub@mail.ru

АРУЕВ Кирилл Богданович,

доцент кафедры уголовного и гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации,

кандидат юридических наук

E-mail: aruev@gmail.com

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,

заместитель начальника отдела нормативно-правового регулирования обеспечения безопасности дорожного движения Федерального казначайского учреждения Научно-исследовательского центра Безопасности дорожного движения МВД России,

доктор юридических наук

E-mail: sal_sp@gmail.com

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,

профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета,

доктор юридических наук

E-mail: nauka123@yandex.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

АВТОТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИИ: ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье анализируются проблемы обеспечения безопасности дорожного движения в России, реализация Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 – 2012 гг.». Главной целью программы, по мнению авторов, является активизация мер по борьбе с дорожно-транспортными происшествиями и сокращение числа погибших граждан.

Определяющее место в работе отведено изучению с криминологических позиций

состояния автотранспортных преступлений, их уровня, динамики. Криминологическая характеристика здесь осуществляется в рамках расширенного изучения общей проблемы ДТП. Идет речь об уровне автоматизации, дорожно-транспортной инфраструктуре, недостаточной эффективности функционирования системы обеспечения безопасности дорожного движения, низкой дисциплине участников дорожного движения.

Определенное место в статье отведено разграничению выражений: «автотранспортные преступления» и «дорожно-транспортные происшествия». Автотранспортные преступления отнесены к категории опасных форм проявления социальной безответственности, безразличия и недисциплинированности.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения; целевая программа; дорожно-транспортные происшествия; автотранспортные преступления; состояние; уровень; динамика преступлений.

ALIEV Ya.L.
ARUEV K.B.
SAL'NIKOV S.P.
TRET'YAKOV I.L.

MOTOR VEHICLE CRIMES IN RUSSIA: GENERAL STATE OF THE PROBLEM

The summary. The article analyzes the issues associated with the assurance of traffic safety in Russia, implementation of the Federal target program «Enhancement of road traffic safety for the years 2006 – 2012». The main goal of the issue, in the authors' opinion, is the activization of measures for combating road traffic accidents and reducing the number of people killed.

The decisive place in the work is devoted to the study from the criminological perspective of the situation with motor vehicle crimes, their rate, dynamics. The criminological characteristic is carried out here within expanded study of the general problem of road traffic accidents. The subject concerns the level of automation, road traffic infrastructure, lack of efficiency in the functioning of the road traffic safety system, low discipline of the road traffic participants.

A certain part in the article is devoted to differentiation of the expressions: «motor vehicle crimes» and «road traffic accidents». Motor vehicle crimes are referred to the category of hazardous forms in the manifestation of social irresponsibility, indifference and lack of discipline.

Key words: road traffic safety; target program; road traffic accidents; motor vehicle crimes; state; level; crime dynamics.

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения требует комплексного государственного подхода. В связи с крайне сложной ситуацией, сложившейся на дорогах Российской Федерации, по инициативе МВД России совместно с Минэкономразвития разработана Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 – 2012 гг.»; главной целью программы является активизация мер по борьбе с дорожно-транспортными происшествиями и сокращение числа погибших граждан в 1,5 раза [11, стр. 15-16].

Н.Ф. Кузнецова справедливо подчеркивает, что определяя уровень автотранспортных

преступлений, надлежит учитывать два обстоятельства: неполную регистрацию уголовной статистикой органов МВД. Прокуратуры данных преступлений (учитываются деяния со смертельным исходом и без такового и сопряженные с управлением автотранспортом в нетрезвом состоянии) и недостаточным разграничением дорожно-транспортных преступлений и дорожно-транспортных происшествий (последние лишь в 30% случаев оказываются криминальными) [26, стр. 94-96].

При проведении анализа уровня, структуры, динамики автотранспортных преступлений используется дополнительный показатель – число

преступлений на 10 тыс. единиц автотранспортных средств. Изменения обычной статистической картины рассматриваемого вида преступлений без учета изменений в интенсивности движения не дают точного представления о действительных тенденциях (например, зарегистрированный уровень автотранспортных преступлений в регионе может увеличиваться, но если темп увеличения отстает от темпа увеличения числа автотранспортных средств, фактическая картина не ухудшается). В структуре автотранспортной преступности существенную роль играют такие показатели как: 1) соотношение тяжких (со смертельным исходом) и менее тяжких преступлений (с причинением телесных повреждений и крупным материальным ущербом); 2) управление автотранспортными средствами в нетрезвом и трезвом состоянии; 3) место совершения преступления на дорогах федерального, республиканского, краевого (областного), районного значения; 4) орудие преступления, то есть был ли автотранспорт личным либо неличным, грузовым либо легковым, общественного пользования либо частного; 5) виды дорожного нарушения: превышение скорости, неправильный обгон, наезды и прочее; 6) хронология, то есть уровень и динамика автотранспортных преступлений по кварталам, месяцам, временам года, в течение суток (этот показатель повышенno важен для организации профилактической службы госавтоинспекции) [25, стр. 470-474; 26].

С точки зрения авторов, которая согласуется с мнением отечественных криминологов [2; 5; 7; 9; 13; 19; 20; 21; 22; 27; 28; 32; 32; 33; 35; 37; 43; 44], криминологическая характеристика автотранспортных преступлений должна осуществляться в рамках расширенного изучения общей проблемы дорожно-транспортных происшествий. Статистический анализ за период с 1970 по 1984 гг. свидетельствует, что число автотранспортных преступлений на 10 тыс. единиц автотранспортных средств постепенно сокращалось (как и абсолютный уровень этих преступлений); сокращался и специальный показатель тяжести последствий – число погибших на 10 тыс. единиц (за послевоенный период, с 1945 года по 1985 год сократилось более чем в пять раз) [15, стр. 5-21; 24, стр. 370-371]. Однако необходимо помнить, что автотранспортные преступления (как и все неосторожные

преступления) определяются высоким уровнем латентности из-за значительной виктимогенности, а так же внешних ситуативных факторов (дорожных, погодных и т. п.) [6; 12; 16; 40; 41; 42; 46].

Относительные показатели аварийности на автомобильном транспорте в Российской Федерации с 1990 по 2003 гг. представлены следующим образом: 1) показатель тяжести последствий дорожно-транспортных происшествий (число погибших на сто пострадавших): 1990 г. – 14,0; 1991 г. – 14,9; 1992 г. – 15,4; 1993 г. – 16,1; 1994 г. – 15,8; 1995 г. – 15,1; 1996 г. – 14,2; 1997 г. – 13,5; 1998 г. – 13,6; 1999 г. – 14,0; 2000 г. – 14,2; 2001 г. – 13,9; 2002 г. – 14,3; 2003 г. – 14,8; 2004 г. – 15,1; 2) число погибших в ста ДТП: 1990 г. – 18,7; 1991 г. – 19,0; 1992 г. – 19,7; 1993 г. – 20,8; 1994 г. – 20,4; 1995 г. – 19,6; 1996 г. – 18,4; 1997 г. – 17,7; 1998 г. – 18,1; 1999 г. – 18,6; 2000 г. – 18,8; 2001 г. – 19,0; 2002 г. – 18,9; 2003 г. – 19,4.

В федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 – 2012 годах» говорится, что «проблема аварийности, связанная с автомобильным транспортом в последнее десятилетие приобрела особую остроту в связи с несоответствием дорожно-транспортной инфраструктуры, потребностями общества и государства в безопасном дорожном движении, недостаточной эффективностью функционирования системы обеспечения безопасности дорожного движения и крайне низкой дисциплиной участников дорожного движения. В 2004 году произошло свыше 208 тыс. дорожно-транспортных происшествий, в которых погибли 34,5 тыс. человек. По сравнению с 1997 годом число погибших возросло на 27,8 процента. Всего за последние 10 лет в результате дорожно-транспортных происшествий погибли 312,5 тыс. человек, из которых более четверти – люди наиболее активного трудоспособного возраста (26 – 40 лет). Коренным перелом в состоянии аварийности произошел после 2000 года. Рост основных показателей аварийности в 2001 – 2004 годах по отношению к 1 проценту роста количества транспортных средств составил: по дорожно-транспортным происшествиям – 3,6 процента; по количеству лиц, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий, – 2,7 процента; по количеству лиц, получивших ранения в дорожно-транспортных происшествиях, – 4,5 процента. Начиная с 2000 года, устойчиво растут

такие относительные показатели аварийности, как количество лиц, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий, на 10 тыс. единиц транспорта (транспортный риск) и количество лиц, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий, на 100 тыс. населения (социальный риск). В 2004 году они достигли своего максимума (более 10 и свыше 24 лиц, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий, соответственно)» [1].

Анализ показывает, что наиболее неблагополучная обстановка с дорожно – транспортными происшествиями возникала в 1991 г., 1998 г. и в 2004 г. (количество ДТП на десять тысяч транспортных средств в 1991 году – составило 85,4; а начиная с 1996 года по настоящее время не превышало 53,6) [1; 14, стр. 12-13; 17; 18, стр. 5-21].

А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев указывают, что, начиная с середины 90-х годов, до начала XXI века количество преступлений, ответственность за которые наступает по ст. 264 УК РФ, ежегодно составляет не более 53-55 тысяч; в сходных по юридическим признакам преступлений, предусмотренных ст. 211 УК РСФСР, в предшествующий период также регистрировалось около 50 тыс. ежегодно; число этих деяний, повлекших смерть потерпевших, колебалось в советское время от 15 до 30 тыс. По мнению вышеуказанных авторов, в современной России крайне тревожной является статистика дорожно-транспортных происшествий (ДТП), включающих деяния как преступного, так и непреступного характера [4, стр. 434].

По уровню автомобилизации (количеству автотранспортных средств на 1 тыс. жителей) Россия значительно отстает от развитых в экономическом отношении стран, а по числу погибших в расчете на 10 тыс. транспортных средств значительно опережает их: Финляндию более чем в 5 раз, Швецию в 7 раз, Японию почти в 6 раз [4, стр. 433-435]. На компенсацию ущерба от дорожно-транспортных происшествий расходуется от 1 до 4 % национального дохода государств, а в целом во всем мире – 518 млрд. долларов. Ежегодный материальный ущерб от дорожно-транспортных происшествий составляет в России более 300 млрд. рублей в год или 2,4 – 2,6 % валового национального продукта, в США – более 25 млрд. долларов или 2,3 % валового национального продукта. Рост показателей

аварийности и автотранспортной преступности на фоне резкого увеличения уровня автомобилизации наблюдался в 60-е и 70-е годы XX века во многих странах Европы, США и Японии, а количество погибших в этот период достигло своего максимального значения [3; 8].

Криминологический анализ свидетельствует, что автомобилизация, наряду с положительным влиянием на экономику и социальное развитие государства, влечет и отрицательные последствия в виде дорожно-транспортных происшествий. Это большое число автотранспортных преступлений, погибших и раненых, огромный материальный ущерб, негативное влияние на экологию. Безопасность дорожного движения и причины возникновения дорожно-транспортных происшествий – сложные социально-экономические проблемы. В ДТП на планете ежегодно гибнет 1,2 млн. человек и более 15 млн. получают ранения; в том числе, в России погибают более 33 тыс. и получают различной степени тяжести травмы иувечья около 200 тыс. человек; в США более 40 тыс. человек гибнет и свыше 210 тыс. получают травмы. В сравнении с развитыми зарубежными странами Россия характеризуется самой высокой степенью риска гибели людей в ДТП и самым высоким уровнем тяжести последствий ДТП. Тяжесть последствий ДТП у нас в 7 – 8 раз выше, чем в США и большинстве стран Европы. Из 100 пострадавших в ДТП в России в 2001 г. погибло почти в 3 раза больше, чем во Франции и Дании, в 6 – 9 раз больше, чем в Швеции и Германии. Каждые сутки в России на улицах городов и внегородских дорогах происходит более 450 ДТП, в которых погибают и получают травмы различной степени тяжести около 630 человек [14, стр. 10-21; 45, стр. 5-27].

Ежегодно в стране регистрируется около 160 тыс. ДТП, в которых страдают люди. За 1990 – 2000 гг. в Российской Федерации зарегистрировано почти 1,9 млн. ДТП, в которых погибло более 360 тыс. чел. и более 2 млн. чел. получили ранения. С 1992 по 1999 г. в них погибло более 250 тыс. человек; 1,5 млн. человек были ранены. По данным отечественных криминологов, с 1995 по 2005 в Российской Федерации в результате дорожно-транспортных происшествий погибло 315 тысяч человек, около 10 млн. пострадали. В связи с различными техническими неисправностями транспортных средств с 1992 по 2002 г. в дорожно-транспортных происшествиях погибло более 8,5

тыс. человек. Число происшествий по этой причине резко увеличивается, например с 1995 по 2005 г. более чем в 3,7 раза.

Применительно к автотранспортным преступлениям особенно актуальной является такая проблема, как плохое качество дорог. Число погибших в дорожно-транспортных происшествиях из-за неудовлетворительного состояния улиц и дорог в 1999 г., в сравнению с 1998 г., увеличилось почти наполовину и составило 3,6 тыс. человек; а в 2002 г., по сравнению с 2000 г., увеличилось в 1,5 раза и составило 3,8 тыс. человек.

Значительная часть неосторожных преступлений совершается в нетрезвом виде, при значительно ослабленном самоконтроле. За 1992 – 2000 гг. только в дорожно-транспортных происшествиях по вине водителей, находившихся за рулем в нетрезвом состоянии, погибло почти 50 тыс. человек [14; 34; 39]. Для сравнения, в Европейских странах ситуация выглядит более благополучной. Например, в Финляндии доля водителей, задержанных в нетрезвом состоянии, считается одной из самых низких в мире. По вине владельцев автотранспортных средств, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, совершается не более 10 – 20 зарегистрированных автотранспортных преступлений в год. В общенациональном исследовании, проведенном правительством Финляндии в 1988 г., было выявлено, что из 77 тыс. водителей алкоголь в крови был обнаружен у 0,24%, в 1991 г. – 0,18%, в 2001 г. – 0,15% [29, стр. 87-88; 36, стр. 33-34].

Как мы уже указывали, в Российской Федерации ситуация с обеспечением безопасности дорожного движения остается сложной. Статистика свидетельствует, что основа всех ДТП – человеческий фактор. Около 80% всех ДТП происходит из-за нарушений водителями правил дорожного движения. Среди пострадавших в результате ДТП в последние годы пешеходы составляют 35-40%, водители – около 30%, пассажиры – 26-32%, иные участники движения – до 3% [10; 30].

Анализ основных видов ДТП по г. Санкт-Петербургу, предпринятый Ф.Ю. Сафиным и С.М. Шапиевым, свидетельствует о том, что 70% в общем массиве таких происшествий составляют наезд на пешеходов, 9% – столкновения, 5% – наезды на препятствия, 3% – наезды настоящие транспортные средства, по 1% – на опрокидывания, наезды на велосипедистов и иные виды ДТП. По

дням недели наибольшее число ДТП совершаются в пятницу (16,08%), четверг (16,01%), понедельник (14,95%), наименьшее – в воскресенье (11,51%) и субботу (13,03%). По времени суток абсолютный минимум ДТП происходит в период от 4 до 5 часов, максимум – с 19 до 20 часов. Из общего количества ДТП, совершенных на территории Санкт-Петербурга, 43,4% допущены по вине водителей. Основными причинами ДТП этой категории являются несоблюдение очередности проезда и выезд на полосу встречного движения. Следует отметить, что из общего количества ДТП по вине водителей 72,6% приходится на транспорт физических лиц. За последние годы в г. Санкт-Петербурге аварийность по вине пешеходов составляла 54,9% от общего числа ДТП. Превалирующим нарушением среди пешеходов, влекущим ДТП, является переход через проезжую часть в неустановленном месте и вне пешеходного перехода, удельный вес которого составляет более 80%. Наиболее серьезным нарушением в Санкт-Петербурге правил дорожного движения остается управление транспортными средствами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. При таких обстоятельствах происходит каждое четвертое ДТП, при этом удельный вес происшествий по вине нетрезвых водителей личных автомобилей, мотоциклов в 1,3 раза выше, чем на служебном транспорте [23, стр. 394-396].

Таким образом, при анализе состояния тенденций автотранспортных преступлений, следует помнить, что нельзя отождествлять это понятие с термином «дорожно-транспортные происшествия» (так как термин имеет достаточно широкое значение), хотя изучая столь важную и актуальную проблему, необходимо рассматривать любые нарушения правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта, регистрируемые ГИБДД. Распространенность автотранспортных преступлений, их специфика обусловливают целесообразность специального криминологического рассмотрения данного социального явления. Характеризуя состояние и динамику автотранспортных преступлений, следует подчеркнуть зависимость ряда показателей от социальных процессов, происходящих в обществе (резкий всплеск ДТП в 1991, 1998 гг., падение автотранспортной дисциплины водителей в начале и середине 90-х годов на фоне социально-экономического кризиса, общего роста преступности); а также высоких

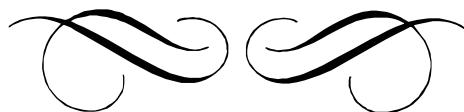
темпов автомобилизации (с 2000 года по настоящее время), общего снижения безопасности дорожного движения в стране (состояние дорог, низкий профессиональный уровень водителей и т. д., что объясняет значительное повышение показателей аварийности в 2004 г.). Особенно настораживает тот факт, что ежегодно в ДТП погибает больше граждан, чем в результате умышленных преступлений против жизни и здоровья. Статистические сведения о распространенности автотранспортных

преступлений далеки от реальности, так как данный вид преступлений обладает высокой латентностью. Значительная часть автотранспортных преступлений причиняет непоправимый вред жизни, здоровью граждан, наносит ущерб их имуществу. Огромные материальные потери несет государство. Таким образом, автотранспортные преступления следует отнести к категории опасных форм проявления социальной безответственности, безразличия, недисциплинированности.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006г. №100 // Вестник МВД России. – 2006. – №1.
2. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенеза. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
3. Актуальные проблемы исследования обстоятельств дорожно-транспортных происшествий: Материалы первой международной конференции. Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы. – СПб., 2001.
4. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М.: НОРМА, 2001.
5. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: НОРМА, 2006.
6. Антонов-Романовский В.Г. Виктимность и самозащита населения крупных городов // Проблемы защиты жертв преступлений. – М., 1999.
7. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. – М., 2006.
8. Байэтт Р., Уоттс Р. Расследование дорожно-транспортных происшествий. – М.: Транспорт, 1983.
9. Бойков А.Д. Государственная политика борьба с преступностью и ее отражение в праве и правосудии // Россия на рубеже тысячелетий. – М., 2000.
10. Головко В.В. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2008.
11. Доклад Министра внутренних дел Российской Федерации Р.Г. Нургалиева // Вестник МВД России. – 2006. – №1.
12. Долгова А.И. Виктимность и криминогенность // Проблемы защиты жертв преступлений. – М., 1999.
13. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. – М., 1982.
14. Евтюков С.А., Васильев Я.В. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий / Под общ. ред. С.А. Евтюкова. – СПб.: Изд-во ДНК, 2008.
15. Жулев В.И. Предупреждение дорожно-транспортных происшествий. – М., 1989.
16. Забрянский Г.И. Виктимизация несовершеннолетних // Проблемы защиты жертв преступлений. – М., 1999.
17. Калягин В.П. Транспорт: толковый словарь. – СПб.: ЭЛМОР, 2003.
18. Коробеев А.И. Транспортные правонарушения: квалификация и ответственность. – М.: Юрид. лит., 1990.
19. Криминальная мотивация / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М., 1986.
20. Криминологический словарь / Отв. ред. Г.А. Аванесов, Р.С. Белкин, Б.А. Федосюткин. – М.: Юрид. лит., 1993.
21. Криминология и профилактика преступлений / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2001.
22. Криминология: Словарь / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999.
23. Криминология. Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999.
24. Криминология: Учебник / Под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.Н. Миньковского. – М.: Юрид. лит., 1988.
25. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – М.: Юристъ, 1999.
26. Криминология: Учебное пособие / Под ред. проф. Н.М. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998.
27. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.
28. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. – М., 1976.

29. Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. – Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих (Международные публикации), 1994.
30. Лукъянов В.В. Состав и квалификация дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений: Специальные вопросы уголовного и административного права. – М., 2003.
31. Лунеев В.В. Латентной криминальности необходим системный мониторинг // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2010. – №3(17).
32. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. – М., 2005.
33. Максимов С. В. Эффективность общего предупреждения преступлений. – М., 1992.
34. Методические рекомендации по исследованию причин ДТП с особо тяжкими последствиями. – М.: ФГУП НИИАТ, 2003.
35. Механизм преступного поведения / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1981.
36. Нурменен Т. Ситуация на дорогах в современной Финляндии. – Хельсинки, 2002.
37. Овчинский В.С. Криминология и биотехнология. – М.: НОРМА, 2005.
38. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1976.
39. Расследование дорожно-транспортных происшествий. Справ.-метод. пособие / Н.А. Селиванов, А.И. Дворкин, Б.Д. Завилов и др. – М.: Лига Разум, 1998.
40. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2002.
41. Ривман Д.В., Устинов Р.С. Виктимология. – Н.Новгород, 1998.
42. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
43. Российская криминологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: ИНФРА, 2000.
44. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации. – М.: Экзамен, 2007.
45. Суворов Ю.Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза // Судебно-экспертная оценка действий водителей и других лиц, ответственных за обеспечение безопасности дорожного движения на участках ДТП: Учеб. пособие. – М.: Экзамен, 2003.
46. Франк Л.В. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. – Душанбе: Ирфон, 1997.

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан, доцент Таджикского национального
университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

ХАСАНОВА Сульета Гидовна,
доцент кафедры уголовного права Адыгейского
государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: khasanova

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ПРАВОВАЯ ОХРАНА, ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ЦЕННОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются человек, общество, государство с аксиологических позиций. Особое внимание уделяется вопросам правовой охраны и идеологической сущности этих явлений.

Идет речь о необходимости государственного участия в процессе формирования такой системы ценностей, на основании которой может развиваться гражданское общество. Подробно обосновывается необходимость формирования в России государственно-правовой идеологии.

Рассматриваются регулятивная, охранительная, воспитательная функции права с позиции аксиологии. В основу построения системных аксиологических моделей заложены принципы разграничения социальных ценностей на предметные и субъективные, на ценности жизни (вitalные ценности) и культурные ценности (ценности культуры). Выделенные группы ценностей подробно исследуются. Обсуждается вопрос об апеллировании государства к той или иной системе ценностей. Изучаются понятие и сущность правовой системы, ее взаимосвязь с системой социальных ценностей.

Заслуживает поддержки предлагаемый в статье вывод о том, что публичная политическая власть способна выступить в качестве фактора, обуславливающего развитие правовой системы только при условии наличия в государстве системы юридических гарантий.

Ключевые слова: человек; общество; государство; правовая охрана; идеологическая сущность; социальная ценность; правовая система; юридические гарантии; гражданское общество; государственно-правовая идеология; законодательство.

LEGAL PROTECTION, IDEOLOGICAL ESSENCE AND VALUE PERCEPTION OF THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND STATE

The summary. The article considers the individual, society, state from the axiological perspective. A special attention is paid to the issues of legal protection and ideological essence of these phenomena.

The subject concerns the need for the state participation in the formation of such a system of values on the basis of which civil society can develop. A detailed proof is given for the necessity of forming the state-and-legal ideology in Russia.

The regulatory, protective, educational functions of law from the standpoint of axiology are under consideration. The construction of system axiological models is based on the principle of differentiation of social values into objective and subjective ones, into values of life (vital values) and cultural values (values of culture). The distinguished groups are studied in detail. The issue of the state appealing to one or another system of values is discussed. The concept and essence of legal system, its correlation with the system of social values is under study.

The proposed in the article conclusion that the public political power is able to act as a factor which enables the development of legal system only under the presence of legal guarantees system in the state.

Key words: individual; society; state; legal system; legal protection; ideological essence; social value; legal guarantees; civil society; state-and-legal ideology; legislation.

Разрушение советской системы ценностных приоритетов, положенных в основу официальной идеологии советского периода и последовавшая за этим «деидеологизация», сопряженная с продвижением либеральных ценностей, свойственных западной традиции, привели к дискредитации и тех ценностных ориентиров, которые, по сути, носят абсолютный общечеловеческий характер. В 90-е годы прошедшего столетия негативное значение придавалось порой таким явлениям как коллективизм, государственные и национальные интересы, патриотизм. Почти обесценены были такие понятия как общественное мнение, милосердие, подвиг и т. д. Разрушение системы ценностей, выступавшей ранее в качестве консолидирующей основы общества, объективно усилило духовную деградацию, способствовало маргинализации части населения и дальнейшее социально-культурное расслоение. В конечном счете, неспособность государственной власти апеллировать к понятым общенациональным ценностям, стала одним из факторов детерминирующих быстрое разложение и распад

самой политico-правовой конструкции. Государство, не имеющее ценностных ориентиров, не имеющее реальной идеологической основы [45; 49; 74; 76; 90; 91; 94; 98; 99] и не способное обеспечить сохранность традиционных ценностных устоев, само утрачивает ценностное значение для общества, перестает быть ценностью [34; 35; 43, стр. 18-21; 47; 54; 55; 56; 58; 59; 64; 72; 78; 85; 86; 96; 97, стр. 307-312].

В силу указанных причин, сегодня все очевиднее проявляется необходимость государственного участия в процессе формирования такой системы ценностей, на основании которой может развиваться гражданское общество [8; 15; 16; 17; 18; 21; 22; 24; 28; 32; 36; 41; 46; 61; 73; 82; 95; 101], совершенствоваться и эффективно функционировать система публичной политической власти [9; 19; 27; 29; 33; 42; 44; 50; 51; 53; 69; 77; 81; 87; 100; 102]. Такая необходимость осознается на высшем политическом уровне. В частности, в своем первом президентском Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Д.А. Медведев особое внимание уделил

ценностям, представление о которых «делает нас единым народом» и которые формируют наше представление о будущем. В качестве таких ценностных ориентиров Президент выделил: справедливость, свободу, жизнь человека, семейные традиции, патриотизм. В Послании определяются также ценностные приоритеты развития российской правовой системы, которые, как представляется, должны составлять основу, «ядро» объекта конституционно-правовой охраны: становление демократических институтов; формирование качественно новой правовой системы и независимого суда; преодоление пренебрежительного отношения к праву; реализация закрепленных Конституцией социальных гарантий; укрепление международной законности [1].

Безусловно, за последние годы в этом направлении многое сделано в России. Говоря об итогах работы, Д.А. Медведев в своем крайнем Послании Федеральному Собранию 22 декабря 2011 года отметил: «Наше гражданское общество укрепилось и стало более влиятельным, существенно возросла социальная активность общественных организаций:... Считаю увеличение активности некоммерческих организаций одним из ключевых достижений последних лет. Мы немало сделали для их поддержки, для развития и стимулирования добровольчества в стране... Мы серьезно продвинулись в реформировании судебной системы, в особенности, уголовного законодательства, сделали его более справедливым, гуманным и адекватным целям развития нашего общества... Наконец, мы начали реформу правоохранительной системы, которая открыла дорогу для прихода в эту сферу большого количества профессионалов, на деле защищающих права и законные интересы наших граждан... Наша внешняя политика стала более современной, работающей на цели модернизации страны. Прорывные результаты достигнуты в интеграционных процессах на постсоветском пространстве». Страна успешно преодолела наиболее сложный период экономических потрясений и вернулась к докризисным показателям развития. Здесь полностью исполняются взятые социальные обязательства. В 2011 году самая низкая за историю новой России инфляция, самые высокие с советских времен зарплаты, социальные выплаты, уровень реальных доходов населения. Д.А. Медведев подчеркнул:

«Мы полностью обеспечили реализацию демографических программ, что стало одним из факторов стабилизации численности населения... В современной России самая высокая за ее историю средняя продолжительность жизни». Многое сделано в области материнства и детства, в сфере модернизации экономики. Модернизация политической системы сделала ее эффективнее. Повысилось качество народного представительства, стимулируется развитие политической конкуренции.

«В целом нам многое удалось сделать. И итоги прошедших лет можно считать успешными, а ряд достигнутых результатов – беспрецедентными... Считаю, что работа по обновлению экономики, обновлению всей жизни нашего общества должна быть главной задачей тех, кто будет управлять государством в последующие годы» [2].

Необходимость государственного участия в процессе становления системы ценностей, не должно восприниматься с волонтаристских позиций, как это было в середине 90-х годов прошлого века, когда понятие национальной идеи толковалось чуть ли не как явление однопорядковое с государственным заказом. В современных условиях государство должно, прежде всего, выступить гарантом тех социальных ценностей, которые имеют традиционную значимость, являются универсальными для всех социокультурных общностей, проживающих сегодня на территории Российской Федерации, а также для соотечественников, проживающих за рубежом. Таким образом, проблема, связанная с формированием эффективных правоохранительных механизмов, совершенствованием системы юридических гарантий и санкций, выступающих в качестве средств осуществления охранительной функции права, сегодня весьма актуальна. Но попытка ее практического решения вряд ли приведет к ожидаемому эффекту, без предварительного теоретико-правового осмысливания, без научного анализа взаимодействия простейших элементов сложной правоохранительной системы. Это предполагает исследование соответствующих правовых явлений на первичном уровне – на уровне охранительного правоотношения, объект которого в аксиологическом аспекте проявляет себя в качестве социальных ценностей.

В теоретическом правоведении традиционно выделяются две специальные (основные) функции

права – регулятивная и охранительная [6; 7; 10; 11; 12; 13; 40, стр. 15-20; 65; 67; 68; 70; 80; 103]. Существование регулятивной функции обусловлено регулятивной природой самого права. Правовое регулирование осуществляется посредством комплексного установления юридических дозволений и ограничений. Охранительная функция в этой связи рассматривается как производная, вытекающая из объективной необходимости последующей охраны наиболее значимых социальных ценностей от потенциальных и реальных посягательств. О осуществление охранительной функции права может носить как характер активного противодействия противоправным посягательствам, так и характер системного воздействия на комплекс общественных отношений, составляющих целевую среду охраняемого объекта. Такое охранительное воздействие и противодействие осуществляются в форме особого вида юридической деятельности, именуемой правоохранительной деятельностью. Ее содержание составляет охрана и защита, представляющих социальную ценность отношений от деструктивных посягательств, контроль и надзор за соблюдением правовых предписаний. При этом правоохранительная деятельность предполагает особое *отношение* между субъектом этой деятельности и объектом охранительного воздействия.

Охранительная функция права «направлена на охрану регулируемых правом отношений, на охрану основополагающих ценностей, признанных в обществе (жизнь, честь, свобода личности, собственность, общественный порядок, общественная безопасность, институты демократии и т. д.). В рамках этой функции устанавливаются различные виды юридической ответственности за действия, посягающие на указанные ценности, и предупредительно-охранительные меры иного характера [93]. В этом проявляется одно из основных отличий охранительных правоотношений от правоотношений регулятивных. В форме охранительных правоотношений осуществляется привлечение к юридической ответственности, применяются иные меры воздействия, обеспечивающие защиту социальных ценностей.

Охранительное правоотношение, рассматриваемое в контексте системного подхода, представляет собой сложное явление, состоящее из элементов объединяемых структурно-

логическими связями. В качестве элементов правоотношения обычно выделяют: субъектов (субъектный состав), объект и содержание – субъективное право и юридическую обязанность. В современной учебной и научной литературе, понятие состава и структуры правового отношения разграничиваются [4; 23; 25; 26; 30; 31; 38; 48; 62; 71; 79; 83; 84; 89; 92]. Состав правового отношения образуется его субъектами, которые являются элементами правового отношения как системы. В этом случае, права и обязанности участников – это не самостоятельные элементы правоотношения, а юридические свойства элементов (субъектов), вытекающие из содержания правовых норм. В правоотношении эти свойства определяют его структуру, под которой понимаются собственно правовые связи, отношения между субъектами [63, стр. 18-23]. При этом специфика субъектов охранительных правоотношений выражается в том, что круг этих субъектов определяется государством. Носитель субъективного права в охранительных правоотношениях выступает как потерпевший, а носитель обязанностей как правонарушитель. Субъективная обязанность правонарушителя – это, прежде всего, созданная государством необходимость претерпеть те последствия, которые предусмотрены санкцией и определены компетентным органом государства. Кроме того, в охранительных правоотношениях присутствует третья сторона – государство, от лица которого оказывается принудительное воздействие на правонарушителя в соответствии с санкцией.

Особенность охранительных правоотношений проявляется в их функциональной направленности. Поскольку первоочередной целью таких отношений является охрана социальных ценностей от внешних и внутренних посягательств, поскольку и их содержание складывается из формально-юридически закрепленных возможностей одних субъектов требовать от компетентных органов защиты своих интересов и, соответственно, обязанности этих органов такую защиту предоставлять. Поэтому содержание охранительных правоотношений часто рассматривается исключительно в контексте профессиональной правоохранительной деятельности, а в качестве главной отличительной черты выделяется то, что они связаны с применением мер государственного принуждения и прежде всего с реализацией юридической

ответственности.

Рассматривая правоотношение в качестве деятельностиной (праксиологической) формы осуществления охранительной функции права, мы исходим из того, что в рамках правоотношения последовательно или комплексно решаются различные задачи, решение которых необходимо для достижения общей цели правоохранительного воздействия. В частности в рамках охранительного правоотношения оказывается *предупредительное и ситуативное* правовое воздействие. Такая направленность охранительных правоотношений определяется тем, что охранительная функция, в свою очередь, складывается из подфункций или функций второго порядка – профилактической и оперативной. Этот критерий функциональной градации, по сути, отражает прямую и обратную связи социального управления – создание необходимых условий (гарантий) и соответствующая реакция на нарушение. Кроме того, следует выделять также три сферы социальной жизнедеятельности, традиционно рассматриваемые в качестве основы классификации социальных явлений – экономика, политика и идеология (*как система ценностей, определяющих способ и цель социального развития*). В соответствии с этим критерием, выделяются политическая, экономическая и аксиологическая функции охранительного правоотношения.

В рамках охранительных правоотношений обеспечивается нормальное функционирование общества путем охраны и защиты явлений, имеющих существенное значение для устойчивого развития социальной системы, и определяющих ориентацию поведения участников социальных отношений. В основу осуществления аксиологической функции положен принцип, в соответствии с которым искажение ценностных ориентаций противоречит социальной природе человека и, соответственно, является *антиценностью*. В частности, в форме охранительных правоотношений осуществляется решение общественной задачи по охране представляющих социальную ценность возможностей (свобод) участников социальных отношений. В охраняемом состоянии эти субъективные *возможности* приобретают качество субъективных прав, реализация которых обеспечивается государственным установлением корреспондирующей *необходимости*

(юридической обязанности) для остальных субъектов. Если посредством ценностей выявляется положительное или отрицательное значение для человека и общества оцениваемых объектов, то сами охранительные отношения становятся своеобразным *оценочным критерием*, на основании которого субъекты права регулируют свое поведение, реализуют свои интересы. В рамках охранительных правоотношений осуществляется оценка социальной реальности, определяется круг ценностных ориентиров, положение конкретной социальной ценности в сформировавшейся и воспринятой ценностной иерархии, устанавливается связь различных ценностей между собой с социальными и культурными факторами, структурой правосознания и пр. Целью оценки является осознание ценности, то есть положительного или отрицательного значения объекта для оценивающего субъекта. Поэтому публичная оценка при установлении правовой нормы и частная оценка в процессе реализации права – необходимые этапы на стадиях правового регулирования социальных отношений. В этом смысле охранительные правоотношения выполняют оценочную функцию, значение которой определяется тем, что «следование ценностям жизни и культуры укрепляет общество и его организующий стержень – государство, придает ему действенность» [47].

Ценностное значение явления выступает своеобразным критерием разграничения на позитивные и негативные явления социальной реальности, в связи с чем, ценностный аспект раскрывается в виде отношения «ценность – антиценность». Осуществление аксиологической функции права на первом, основном этапе, воплощается в оценке социальных явлений. Оценочная процедура в данном случае формализуется (моделируется) в процессуальных нормах и реализуется в форме правотворческой деятельности. Определяя какое-либо действие в качестве антиценности, законодатель предоставляет полномочия соответствующим органам государства и гражданам быть публично-правовым или частноправовым правоприменяющим субъектом охранительного правоотношения. От результата правотворческой оценки зависит формулировка состава неправомерных юридических фактов, установление запретов и санкций. Запрет как указание вида

(модели) нежелательного поведения имеет своей целью предвосхищение применения санкций, предупреждение социально-вредного поведения. Санкция, в свою очередь, является указанием вида и меры негативных последствий, наступление которых обеспечивается государством для субъектов права, не придерживающихся в своих поступках официально закрепленной системе публичных ценностей [66]. *Запрет выражает относимость охраняемого явления к социальным ценностям, а санкция отражает степень значимости этой ценности для общества, ее место в ценностной иерархии.* В целом система юридических запретов и санкций отражает качественную общественную оценку вариантов возможного поведения.

Эта оценка имеет существенное значение в процессе осуществления правоохранительной деятельности. На первой ее стадии осуществляется оценка конкретного фактического поступка, или фактической деятельности, как правомерных (социально ценных) или как неправомерных, причем не только не представляющих ценность, но и деструктивно влияющего на саму систему социальных ценностей (социально вредных, общественно опасных).

В современной отечественной теоретико-правовой науке (как впрочем, и в дореволюционный период), традиционно выделяются *два основных подхода к пониманию объекта правоотношения: монистический (концепция единого объекта) и плюралистический (концепция множественности объектов)* [60, стр. 191-198]. В контексте монистической концепции единственным возможным объектом правоотношения признается поведение субъекта. Объект, таким образом, представляет собой однородное единство. Такая научная позиция наиболее развернутое выражение и обоснование получила в работах О.С. Иоффе, который исходил из того, что объект правоотношения должен обладать способностью к реагированию на правовое воздействие [37, стр. 82]. Монистической, но не тождественной позиции, придерживаются другие авторы, понимая под объектом правоотношений материальные и духовные блага, предоставлением и использованием которых удовлетворяются интересы уполномоченной стороны правоотношений.

Сторонники плюралистической теории исходят

из многообразия объектов правоотношений и их непосредственной зависимости от характера и видов самих правоотношений. По мнению ученых, придерживающихся этой точки зрения, объекты правоотношений столь же разнообразны, сколь многообразны регулируемые правом общественные отношения, т.е. сама жизнь [57]. В этом случае объектами правоотношений выступают материальные и нематериальные блага, поведение и действия субъектов, услуги и их результаты, продукты духовного творчества, ценные бумаги, официальные документы и т. д.

Монистический и плюралистический подходы, к пониманию объекта правоотношения, соответствующим образом детерминируют и понимание видового феномена «*объект охранительных правоотношений*». В контексте первого подхода объектом охранительного правоотношения может выступать лишь то, на что направлено охранительное воздействие правовой нормы, выступающей в качестве формально-юридического основания возникновения, существования и изменения правоотношения. Но воздействовать право может только на поведение людей. При этом как субъективные права, так и юридические обязанности, которые направлены на обеспечение в интересах уполномоченного лица определенного поведения лица обязанного. Поведение же обязанного лица, на которое вправе притязать уполномоченный, как раз и составляет, в соответствии с монистическим подходом, объект правоотношения [39, стр. 230]. В соответствии с данным подходом, объектами охранительных отношений выступают поведенческие установки, возникающие в процессе обеспечения и защиты интересов заинтересованных лиц. В частности в рамках охранительных правоотношений, возникающих у гражданина с государством, субъекты вправе требовать друг от друга соблюдения определенных правил поведения, закрепленных в нормативно-правовых актах и обеспеченных юридическими гарантиями и санкциями.

Основанием критики данного подхода стало то, что он не может быть применен ко всем охранительным правоотношениям (например, в рамках данного подхода не дается убедительного разъяснения тому, как реализуются охранительные отношения, связанные с защитой индивида от вторжения в сферу его частных интересов со стороны самого государства). Поэтому

плуралистическая теория объекта правоотношения не сводит последний только к поведению обязанного лица, а понимает под объектом духовные и материальные блага, представляющие ценность для государства, общества, личности. Эти блага выступают как материальные ценности – *вещи*, а также *продукты духовного творчества*, личные неимущественные блага (жизнь, здоровье, честь, достоинство человека), социальные процессы, например поведение участников правоотношения и его последствия.

Обобщение высказываемых в современной юридической науке суждений позволяет заключить, что под объектом охранительного правоотношения понимается, по сути, конкретизированная применительно к отдельно взятому виду взаимодействия между субъектами права область предмета правового регулирования, включающая материальные и духовные отношения, представляющие социальную ценность.

Рассматривая объект охранительного правоотношения в ценностном аспекте, необходимо учитывать различие общеупотребительной и философской интерпретаций категории «ценность». «В обыденном понимании ценность – все то, что ценят люди. А для них ценно обычно то, что полезно. С этой точки зрения ценностью могут быть природные и социальные явления, вещи и поступки, даже взгляды и убеждения. Однако при философском взгляде на понятие «ценность» можно заметить, что ценность проявляется через отношение кого-то к тем или иным вещам и явлениям. Этот кто-то признает ценным лишь то, что служит удовлетворению его потребностей и интересов и играет определенную роль в его деятельности, в его жизни. Иначе говоря, в этом случае ценность образует не сама вещь, а лишь ее значение для кого-то» [78, стр. 11]. В указанном значении, объектом охранительного правоотношения является *система осознанных обществом проявлений материального и духовного мира, охраняемых правом*. Эти явления объективной реальности имеют особую общественную значимость, относительно универсальный характер, признаны обществом и, в силу этого, выступают в качестве критерия публичной оценки поведения индивидуальных и коллективных субъектов социальной

деятельности. Таким образом, ценность проявляет себя еще и как свойство объекта, необходимое субъекту ввиду его способности удовлетворять определенную потребность, отвечать конкретному интересу и поставленной цели.

Плюралистический ценностный подход, предполагающий рассмотрение объекта охранительного правоотношения в качестве множества различных социальных ценностей представляется наиболее приемлемым, так как позволяет рассматривать проблему комплексно, в связи с множеством объективных и субъективных критериев, характеризующих поведение участников охранительных правоотношений. Вместе с тем, исключительно *описательная интерпретация* феномена «объект охранительного правоотношения» в полной мере не соответствует требованиям научного исследования. Необходимо выделить некоторые закономерности, отвечающие теоретическому уровню работы. Исходя из этого, целесообразно обратиться к методу системного анализа и рассматривать объект охранительного правоотношения в качестве системы. В этой связи можно констатировать, что основным условием представления объекта в виде системы является наличие в нем свойства целостности, то есть такого качественного состояния, когда свойства системы в целом не могут быть сведены лишь к сумме свойств образующих ее элементов. Таким образом, система – это целостное единство элементов и структуры [14, стр. 54].

В соответствии с вышеизложенным пониманием системы, объект охранительных правоотношений следует интерпретировать не просто как совокупность явлений социальной реальности имеющих существенное значение для развития данного, конкретного общества, а как *систему социальных ценностей, охраняемых посредством права*. При этом подпадающие под правовую охрану системы ценностей видоизменяются и характеризуются различием каких-то деталей. Каждая историческая общность может характеризоваться специфическим набором и иерархией ценностей, система которых выступает в качестве социального регулятора наиболее высокого уровня, являясь также основанием социальной оценки иных общественных явлений, прежде всего человеческих поступков. В этой системе зафиксированы те критерии социально значимого и признанного (данным

обществом и социальной группой), на основе которых развертываются более конкретные и специализированные системы нормативного контроля, соответствующие институты и сами целенаправленные проявления поведенческой активности людей – как индивидуальные, так и коллективные. Усвоение этих критерииев правосознанием личности составляет необходимую основу формирования общественного правосознания, способствует поддержанию правопорядка в обществе. Интеграция, внутренняя противоречивость и динамизм общественных систем находят свое выражение в структуре соответствующих им ценностных систем, способах их формального закрепления и воздействия на поведение участников общественных отношений. Свойство феномена «ценность», позволяющее выступать ему в качестве специфического критерия, позитивного и негативного, предопределяет его особое значение в правовой сфере.

Системный подход при исследовании объекта охранительного правоотношения в ценностном измерении предполагает выделение оснований юридической систематизации. В теоретическом правоведении предлагались различные критерии, позволяющие упорядоченно рассматривать все множество социальных ценностей, имеющих юридическое значение. «Непосредственная данность различных классов ценностей – писал в этой связи Н.Н. Алексеев, – есть неоспоримый факт: как существуют различные тона и цвета, так существуют и различные виды ценностей. Но затруднение заключается в том, сколько дано нам таких классов и каковы они?» [5, стр. 110].

В связи с вышеизложенным, надо констатировать, что в основу построения системных аксиологических моделей чаще всего закладывается принцип разграничения социальных ценностей на предметные и субъектные. *Предметные ценности* рассматриваются как свойства предмета, но присущие ему не от природы, а в силу вовлеченности объекта в сферу социального бытия. Наряду с предметными ценностями, которые являются объектами направленных на них интересов, в качестве ценностей выступают так же явления общественного сознания, выражающие эти интересы в идеальной форме (*субъектные ценности*). К таким ценностям относятся, например, понятие добра и зла, справедливости и

несправедливости. Данные формы сознания не просто описывают какие-то действительные или воображаемые явления реальности, а выносят им оценку, одобряют или осуждают их, требуют их осуществления или устранения, т.е. являются нормативными по своему характеру.

В целях данного исследования целесообразно взять за основу градацию существующих ценностей на две группы – ценности жизни (витальные ценности) и культурные ценности (ценности культуры). Витальные ценности определяются жизненно важными потребностями индивида, коллектива, общества. В свою очередь, культурные ценности – это «особый вид ценностей, способный в той или иной мере удовлетворять духовные и эстетические потребности человека и одновременно содержащий в себе художественную либо научную, мемориальную или иную культурную ценность». Они могут быть как движимыми, так и недвижимыми объектами. К движимым объектам относятся предметы, находящиеся в недвижимых объектах или извлеченные из них и способные представлять ценность сами по себе. К недвижимым объектам относятся местности природного, этнического, археологического, исторического и другого научного значения; архитектурные сооружения, ансамбли, представляющие научную, мемориальную, художественную и иную культурную ценность» [20, стр. 3].

В юридическом плане представляет интерес подход предполагающий разграничение ценностей жизни и ценностей культуры на три группы. Первая группа, – это общие ценности как идеи. Они являются своего рода предопределенностями, необходимостями, выражающими общие интересы и устремления людей (например, идея государства, имевшая место и до ее воплощения в сложившиеся государственно-правовые формы). Общие ценности, как идеи, иногда признают сущностью предметов материального мира. Вторая группа – это общие ценности в их объективированном виде, представленные, например, известными историей и современности государственно-правовыми системами. Третья группа – это ценности, передающие наряду с общим неповторимое многообразие духовного мира каждого народа и отдельной личности в каждый конкретный период истории [47, стр. 17].

Те ценности, которые способны менять свои места в данной иерархии, являются

относительными. Ценности, которые не подлежат смещениям по шкале оценок именуются абсолютными. Абсолютные ценности не зависят от изменений социально-исторических условий, не являются продуктом воли государства, не декретируются его распоряжениями, стоят выше его сиюминутных интересов и не подлежат девальвации. Поэтому они способны выступать в роли критериев нормотворческой деятельности для законодателей разных государств в разные исторические периоды. Кроме того, правовые ценности подразделяются в соответствии с критерием «цель – средство». Н. Неновски в этой связи пишет: «Иерархизация правовых ценностей и, соответственно, правовых норм предполагает их понимание как системы, в которой одни звенья обслуживают другие, одни из них высшего порядка, а другие низшего. Это означает, что одни из них играют роль целей, а другие – средств. Чем выше поднимаемся по ценостной пирамиде, тем ярче ценности представляются нам целями, а чем ниже спускаемся по этой пирамиде, тем больше выделяются они как средства» [58, стр. 140].

Завершая рассмотрение системы материальных и духовных ценностей в качестве комплексного объекта правовой охраны, особо выделим такое свойство, как изменчивость социальных систем. Соответственно, в зависимости от типологии и состояния правовых систем, значимость ценности в рамках иерархической системы может как возвышаться, так и занижаться (или вообще обращаться в свою противоположность), но, как правило, она всегда будет там, где существует отношение к праву как к единой внутренне согласованной регулятивно-охранительной системе публичного характера.

На конкретно-определенную систему ценностей всегда ориентируется государство. Система ценностей, отстаиваемая находящимися у власти силами, социальными слоями (классами, олигархическими группами, родовыми кланами и т. д.), рассматриваемая как комплекс средств достижения цели, берется под государственную охрану и представляется как государственная идеология. Но любая, даже идеологически оформленная система ценностей, трансформируются в процессе исторического развития, но при этом многие положенные в основу античных мифологово-идеологических концептов социальные ценности сохранили свое значение и после гибели породившей их цивилизации.

Очевидна также длительность воздействия гуманистических и демократических ценностей европейского Просвещения (истоки которых берут начало в античной культуре) на идеологию современных политических сил.

Апеллирование государства к той или иной системе ценностей определяется их системообразующим свойством. При этом ценности выполняют консолидирующую функцию, способствуя эффективному достижению целей правового регулирования, так как на основе правовых ценностей формируется единое правосознание общества – необходимое условие обеспечения целостности социальной системы. Кроме того, система ценностей является средством, обеспечивающим стабильность функционирования правовой системы. Следование публичной политической власти системе фундаментальных ценностей, которым в обществе придается значение традиционных, фундаментальных, базовых, основополагающих и т. д., в значительной мере гарантирует нормальное поступательное развитие правовых институтов, механизмов правового регулирования, законодательства [52, стр. 5]. Вместе с тем, государство само в определенном смысле представляет собой политico-правовой «механизм», обеспечивающий охрану системы традиционных ценностей, или ценностей, составляющих идеологическую основу общества. В юридическом плане это означает необходимость охранительного правового воздействия со стороны государства на социальные отношения, складывающиеся по поводу наиболее значимых (фундаментальных) ценностей, необходимость правовой охраны и защищенности системы ценностей в целом.

Воспринятая обществом и гарантуемая государством система ценностей выступает в качестве специфической цементирующей, консолидирующей основы общества. При этом формально-юридическим отражением отношений выстроенных в рамках общества становится правовая система. Юридическое значение рассматриваемой проблематики выражается в необходимости *обеспечения юридическими средствами устойчивого развития правовой системы*, в рамках которой закрепляется сформированная общественным правосознанием система фундаментальных ценностей, а также обеспечивается их защита. Рассматривая

соотношение правовой системы и системы *правовых ценностей*, пожалуй, следует присоединиться к той точке зрения, в соответствии с которой понятием «правовая система» не охватывается весь комплекс юридических явлений. Данная категория используется, прежде всего, для выражения внутренних связей правовых явлений, их организации, структуры как показатель целостности и необходимости связи элементов правовой надстройки, позволяющий рассматривать ее как органическую систему. Ценостный срез правовой реальности, уровень ее развития характеризует, определяется как «правовая культура общества» [75, стр. 27]. Таким образом, правовая система отражает состояние целостности комплекса юридических явлений, а правовая культура – ценостно-качественный аспект правовой реальности, индивидуальность той или иной правовой системы. В этой связи, совершенно точным и логичным выглядит использование термина *национальная правовая система*, отражающая автономность правовой системы в качестве самостоятельного социального образования. Автономность и самостоятельность правовой системы обусловливается системой ценностей, имеющих жизненно важное значение для соответствующей социальной общности. Эта обусловленность определяет саму возможность выступать ей в качестве обособленного субъекта в отношениях с другими аналогичными субъектами.

Взаимосвязь системы социальных ценностей и правовой системы проявляется не только в том, что социальные ценности детерминируют правовую форму. Любые трансформации правовой системы неизбежно оказывают обратное воздействие на систему социальных ценностей. Они либо влекут ее колебания, либо способствуют совершенствованию, развитию и, как уже было

отмечено, выступают в качестве фактора стабильности. Равноправие и учет разных интересов в процессе формирования и функционирования политico-правовой системы являются главной формой взаимоотношений в многонациональном и поликонфессиональном обществе. Трудно не согласиться в этой связи с высказанным В.В. Путиным положением, что «при всем обилии взглядов, мнений... у нас были и есть общие ценности. Ценности, которые сплачивают и позволяют назвать нас единым народом» [3]. Охрана и защита ценностей, «которые сплачивают и позволяют назвать нас единым народом» – одна из важнейших задач государства. При этом важное значение имеет не только формально-юридическое закрепление основных социальных ценностей, к которым следует отнести и ценности национального приоритета, но и *создание условий*, предоставляющих возможность их реализации. При отсутствии *реально действующих* юридических гарантий провозглашенные в основном законе ценностные ориентиры будут оставаться фактически «не работающими», а соответственно, в необходимой степени не может быть обеспечено стабильное, устойчивое развитие национальной правовой системы [88, стр. 4]. Публичная политическая власть способна выступать в качестве фактора, обуславливающего устойчивое развитие национальной правовой системы только в случае комплексного совершенствования системы юридических гарантий. Государственная гарантированность должна обеспечиваться с учетом особенностей как абсолютных ценностных ориентиров, так и конкретных действующих в обществе на настоящий момент ценностных установок, с учетом специфики ценостной системы сформированной в рамках соответствующей национальной правовой традиции.

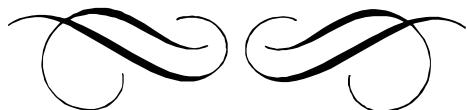
Список литературы

1. Медведев Д.А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 22 декабря 2011 г. // Российская газета. – 2011. – № 290 (5666). – 23 декабря.
2. Медведев Д.А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 22 декабря 2011 г. // Российская газета. – 2011. – № 290 (5666). – 23 декабря.
3. Выступление В.В. Путина при представлении ежегодного Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июня 2000 г. г. Москва // Российская газета. – 2000. – 11 июля.
4. Александров Н.Г. Юридическая норма и правоотношение. – М., 1947.
5. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандуков. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1999. (Мир культуры, истории, философии).

6. Алексеев С.С. Общая теория права. – Т. 1. – М., 1981.
7. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание, назначение, социальная ценность. – М., 2001.
8. Байниязов Р.С. Роль правосознания в гражданском обществе // Правоведение. – 2004. – №7.
9. Байгин М.И. Государственная и политическая власть. – Саратов, 1972.
10. Байгин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 4-16.
11. Байгин М.И. Сущность права (современное нормативное понимание: на грани двух веков). – Саратов, 2001.
12. Баранов П.П., Шпак А.В. Сила права: политico-конституционный анализ. – Ростов-на-Дону, 2004.
13. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. – СПб., 2000.
14. Веденеев В.А. О применении системного подхода в исследовании права (введение в методологию проблемы) // Проблемы государства и права (труды научных сотрудников и аспирантов). Вып. 9. – М., 1974.
15. Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. – М., 1995.
16. Войтович Х.В. Реформа Гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы в контексте становления гражданского общества // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: сб. ст. по матер. межвуз. научно-практ. конф.: 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очаредько. – СПб., 2012.
17. Гафуров З.Ш. Социально-правовое государство и право человека на достойное существование // Государство и право. – 2008. – № 5. – С. 11-20.
18. Геллер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники / Пер. М.Б. Гнедовского. – М., 2004.
19. Гончаров В.В., Жилин С.М. Понятие и сущность государственной власти: конституционно-правовой анализ // Социология власти. – 2010. – № 1.
20. Горбачев В.Г., Растопчин В.Г., Тищенко В.И. Культурные ценности. – М., 1994.
21. Гражданское общество в России: западная парадигма и российская реальность. – М., 1996.
22. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. – М., 1991.
23. Гранат Н.Л. Правовые отношения // Юрист. – 1998. – № 10. – С. 9-14.
24. Грандонян К.А. Противоречия гражданского общества: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011.
25. Гречесов Ю.И. Правовые отношения и осуществление права. – Л., 1987.
26. Гречесов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. – Л., 1981.
27. Дмитриев Ю.А., Златопольская А.А. Гражданин и власть. – М., 1984.
28. Дмитриев Ю.А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества // Государство и право. – 1994. – №7. – С. 28-34.
29. Дробышевский С.А., Будилина Т.В. Научная мысль в поисках наилучшей политico-правовой системы. – Красноярск, 2000.
30. Дудин А.П. Диалектика правоотношения. – Саратов, 1983.
31. Дудин А.П. Объект правоотношения (вопросы теории). – Саратов, 1980.
32. Замбровский Б.Л. К вопросу о формировании гражданского общества и правового государства // Социально-политический журнал. – 1991. – №6. – С. 15-23.
33. Златопольский Д.Л. Государство и личность: основы взаимоотношений // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 1993. – №1. – С. 3-12.
34. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М., 2007.
35. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
36. Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и правовое государство // Полис. – 1992. – №1-2. – С. 8-17.
37. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. – Л., 1949.
38. Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении. – Л., 1957.
39. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., 1961.
40. Исмагилов Р.Ф., Оль П.А., Рейф В.М., Ромашов Р.А. Функции права // Теория государства и права / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. В 3-х томах. – Том 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
41. Кальной И.И., Лопушанский И.Н. Гражданское общество: истоки и современность. – М., 2006.
42. Каменская Г.В., Родионов А.Н. Политические системы современности. – М., 1994.
43. Карнаухов С.С. «Интересы» или «ценности»: основная проблема исследований безопасности как государственно-правового феномена // История государства и права. – 2009. – №7.
44. Керимов Д.А. Философские основания политico-правовых исследований. – М., 1986.
45. Козлихин И.Ю. Право и политика. – СПб., 1996.
46. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм / Пер. с нем. – М., 1998.
47. Косарев А. Ценности и оценки в истории государства и права // Юридическое образование. – 2006. – №4.

48. Кропачев Н.М., Прохоров В.С. О понятии правовых отношений // Правоведение. – 1986. – №3. – С. 33-41.
49. Крыгин С.С. Правовоспитательная функция современного Российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
50. Лившиц Р.З. Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов // Сов. государство и право. – 1990. – №10. – С. 13-21.
51. Любашин В.Я. Государственная власть: понятие, особенности и виды // Правоведение. – 2002. – № 6.
52. Малахов А.К. Приоритеты государственно-правового развития России в контексте ее глобальной суверенизации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
53. Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. – 2001. – №3. – С. 94-99.
54. Мамут Л.С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. – 1996. – №4. – С. 45-54.
55. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
56. Мартышин О.В. Проблемы ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – №10. – С. 5-15.
57. Матузов Н.И. Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. – 1976. – № 3. – С. 23-33.
58. Неновски Н. Право и ценности. – София: Болгарская академия наук, 1983.
59. Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г., Шукшина Е.Г. Государство, общество, личность: проблемы совместимости. – М.: Юристъ, 2005.
60. Поцелуев Е.Л. Понятие объекта правоотношения: Монистическая и плюралистическая теории // Научные труды. Российской академии юридических наук. Вып. 2. – В 2-х т. – Т. 1. – М., 2002.
61. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
62. Протасов В.Н. Правоотношение как система. – М., 1991.
63. Протасов В.Н. Что и как регулирует право. – М., 1995.
64. Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. – Львов, 1985.
65. Радько Т.Н. Методические вопросы познания функций права. – Волгоград, 1974.
66. Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. – Волгоград, 1970.
67. Радько Т.Н. Социальные функции советского права. – Волгоград, 1971.
68. Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. – Н.Новгород, 1995.
69. Рахимов Р.А., Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 52-59.
70. Рeutов В.П. О разграничении функций права и правового регулирования // Правоведение. – 1974. – № 5.
71. Решетов Ю.С. Правоотношения и их роль в реализации права. – Казань, 1993.
72. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
73. Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. – 2000. – № 12. – С. 64-72.
74. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы геополитической доктрины России). – СПб., 2006.
75. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы. – Саратов, 1989.
76. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
77. Сальников М.В., Кудрявцев Ю.А. Политический режим как элемент формы государства. – СПб., 2006.
78. Самигуллин В.К. Закат права или переоценка ценностей // Право и политика. – 2005. – №12.
79. Свидерский В.И. О диалектике правоотношений. – Л., 1983.
80. Слюсаренко Е.Л. О понятии функции социалистического права // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. – Вып. 12. – Киев, 1978.
81. Смоленский М.Б., Дунаев Н.Н. Правовая культура и личность в контексте российской государственности. – Ростов-на-Дону, 2002.
82. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 197-204.
83. Тархов В.А. Гражданское правоотношение. – Уфа, 1993.
84. Теория государства и права / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. В 3-х томах. – Том 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
85. Тихомиров Ю.А. Государственность: крах или воскрешение // Государство и право. – 1992. – №9. – С. 11-19.
86. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 24-32.
87. Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. – 2004. – № 4. – С. 3-16.
88. Ткаченко М.А. Юридическая защита национальных интересов России в новом геоэкономическом порядке:

- Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
89. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. – М., 1980.
90. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
91. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
92. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М., 1974.
93. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. – М., 1979.
94. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность. – СПб., 1999.
95. Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования. // Государство и право. – 1992. – №6. – С. 23-31.
96. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5-14.
97. Шамба Т.М. Законность и правопорядок в системе политico-правовых ценностей современной правовой жизни // Научные труды Российского государственного торгового университета. – М., 2004.
98. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
99. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
100. Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – СПб., 2006.
101. Явич Л.С. Господство права (к концепции правового государства в СССР) // Правоведение. – 1990. – № 5. – С. 11-20.
102. Явич Л.С. О философии права на XXI век // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 4-33.
103. Явич Л.С. Общая теория права. – Л., 1976.

АНТОНОВА Любовь Григорьевна,
мировой судья г. Санкт-Петербурга
E-mail: docantonov@mail.ru

ВИНОГРАДОВ Михаил Юрьевич,
начальник отдела лицензионно-разрешительной
работы УМВД России по Приморскому району
г.Санкт-Петербурга
E-mail: vinogradov1942@yandex.ru

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук
E-mail: prokuratura@inbox.ru

РЫТЬКОВА Виолетта Юрьевна,
кандидат юридических наук
E-mail: ritkova@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ЭЛЕМЕНТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению особенностей процессуального статуса следователя с точки зрения действующего уголовно-процессуального законодательства. В предлагаемой статье авторами рассматриваются и анализируются составляющие элементы статуса следователя, а также рассматриваются возможные пути повышения эффективности реализации полномочий следователя как одного из основных участников уголовно-процессуальных отношений.*

***Ключевые слова:** предварительное следствие; уголовно-процессуальное законодательство; процессуальный статус следователя.*

ANTONOVA L. G.
VINOGRADOV M.Yu.
KONDRAT I.N.
RIT'KOVA V.Yu.

ELEMENTS OF THE INVESTIGATOR'S PROCEDURAL STATUS IN CRIMINAL COURT PROCEEDINGS OF RUSSIA

***The summary.** The article is concerned with the peculiarities of investigator's procedural status from the viewpoint of the current criminal procedure legislation. In the proposed article the authors consider and analyzed the constituent elements of the investigator's status as well as discuss possible ways to improve the implementation efficiency for the investigator's powers as one of the main participants of criminal procedural relations.*

***Key words:** preliminary investigation; criminal procedure legislation; investigator's procedural status.*

С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в области уголовно-процессуальных правоотношений произошло расширение прав и свобод человека, наполнение их новым содержанием, подкрепление их прочной системой гарантий, которые определяют их правовое положение. Соответственно, в ходе судебной реформы была пересмотрена деятельность государства и его структур с целью обеспечения прав и свобод человека, установления механизма защиты их законных интересов. Нас будет в рамках настоящей работы наиболее интересовать совершенствование работы органов предварительного следствия.

Произошедшие за последний период изменения в политической, социальной, экономической сферах, развитие уголовно-процессуального законодательства, переориентация его на обеспечение защиты прав и законных интересов как лиц, потерпевших от преступлений, так и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод, повлекли изменение процессуального статуса следователя, одного из основных участников уголовного судопроизводства. Предварительное следствие стало рассматриваться как одна из гарантий защиты прав личности, что изменило подход к определению функций, задач и полномочий следователя.

При рассмотрении процессуального статуса следователя следует исходить из общетеоретического понятия «статус субъекта права». В связи с этим, следует рассматривать два важных момента: во-первых, соотношение понятий «процессуальный статус следователя как должностного лица» и «конституционный статус должностного лица»; во-вторых, взаимосвязь процессуального статуса следователя с правовым положением гражданина вообще.

Рассматривая вопрос о процессуальном статусе следователя, следует иметь в виду, что согласно общей теории права, правовой статус должностного лица является специальным и существует на основе общего правового статуса гражданина, личности. Таким образом, под правовым статусом следователя следует понимать урегулированное нормами права положение гражданина, выступающего в качестве правоохранительного органа. Данное определение можно назвать определением в широком смысле, так как оно характеризует правовое положение

следователя как гражданина и как члена правоохранительного органа. Для обеспечения же системного подхода к изучению проблем процессуального положения следователя следует вывести понятие процессуального статуса следователя в более узком смысле, т.е. через элементы его структуры.

В структуру правового статуса личности включают соответствующие правовые нормы, законные интересы, юридическую ответственность, правовые принципы, правоотношения [4, стр. 87], гарантии [1, стр. 7].

Если понятие правового положения личности обобщает то, что одинаково присущее правовому статусу всех граждан, то отраслевой статус личности определяется нормами конкретной отрасли права. Отраслевой статус базируется на общеправовых нормах, охватывает наиболее существенные связи и отношения личности с обществом, государством и его органами, регулируемые нормами той или иной отрасли права, и поэтому включает в себя те правовые средства, с помощью которых государство закрепляет положение личности в системе этих отношений [2, стр. 48].

Согласно УПК РФ, следователем является должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные законом (п. 41 ст. 5, ст. 38). Предварительное следствие производится следователями Следственного комитета Российской Федерации, органами федеральной службы безопасности, органами внутренних дел и органами по контролю над незаконным оборотом наркотиков (ст. 151 УПК РФ). Нахождение следователей и следственных подразделений в составе различных правоохранительных органов не влияет на процессуальный статус этих должностных лиц: объем процессуальных прав и обязанностей у них одинаков. Закон лишь разграничивает их процессуальную компетенцию по подследственности в зависимости от предмета расследуемого дела, что находит внешнее выражение в квалификации преступления.

Правовую основу уголовно-процессуального статуса следователя составляют положения Конституции РФ, устанавливающие основы функционального содержания деятельности государственных органов, УПК РФ и иных нормативно-правовых актов. Каждая отрасль

права, регулирующая ту или иную совокупность отношений, определяет права и обязанности лиц, вовлеченных в орбиту этих отношений. Отраслевые права и обязанности, гарантии их осуществления и исполнения создаются не на голом месте, а представляют собой определенным образом воспринятые, развитые и одновременно конкретизированные соответствующие конституционные положения [2, стр. 73].

В науке и практике уголовного процесса постоянно продолжается поиск путей повышения эффективности и оптимизации предварительного следствия. Одним из направлений повышения эффективности предварительного следствия, на наш взгляд, является оптимальное разрешение вопроса уголовно-процессуального статуса следователя, определение его функций, задач и полномочий, обеспечение гарантий законности и обоснованности деятельности, его процессуальной самостоятельности. Такое мнение высказывалось многими процессуалистами.

Говоря о функциях, следует подчеркнуть, что любая функция подчинена цели и работает на нее. Определение функций, вытекающих из задач, стоящих перед следователем, представляют собой достаточно сложную проблему. Общие функции наполняются конкретным содержанием, трансформируясь в специальные (специфические) функции, свойственные соответствующему органу государственной власти.

В этой связи следует согласиться с Б.М. Лазаревым в том, что компетенция органа может очерчиваться путем указания на функции, возложенные на него применительно к той или иной сфере деятельности. Причем в этом случае у органов возникают права и обязанности по возложению указанных функций [3, стр. 40]. В качестве еще одного элемента компетенции можно рассматривать права и обязанности следователя по выполнению своих функций в отведенных ему территориальных пределах. Они составляют, как указывается в периодической литературе, «территориальную компетенцию» [3, стр. 51].

Кроме того, поскольку действия правоохранительных органов носят в той или иной мере властный характер, законодательством детально закрепляются формы и порядок осуществления возложенных на орган функций. В результате, выделяется еще один элемент компетенции, в который входят «конкретные полномочия», причем необходимо, чтобы они были

четко «расписаны» по всем функциям.

На основании изложенного, мы выделяем четыре составные части правового статуса следователя: 1) целевой блок (цели и задачи); 2) компетенция (функции и полномочия); 3) процессуально-правовая ответственность; 4) гарантии деятельности следователя.

Таким образом, под процессуальным статусом следователя следует также понимать его права и обязанности, закрепленные нормами права (Конституция РФ, УПК РФ и др.) и обеспеченные соответствующими гарантиями. Под гарантиями следует понимать не преимущества следователя по сравнению с другими участниками уголовного судопроизводства, а закрепление в законах меры, обеспечивающие его эффективную деятельность.

Рассмотрим составные части процессуального статуса следователя.

Что касается целевого блока, то его содержание отчасти совпадает с описанием в юридической литературе целями и задачами (в том числе понимаемыми и как функции) [6, стр. 43-53]. Анализ нормативной основы процессуального статуса следователя позволяет сделать вывод о том, что цель деятельности следователя напрямую связана с целью всего уголовного судопроизводства.

Вообще, понятие уголовного судопроизводства было бы неполным, если бы оно не раскрывало содержание целей и задач, решение которых происходит в процессуальной форме. Рассмотрение вопроса отдельного субъекта судопроизводства, включая и следователя, невозможно в отрыве от целей и задач всего процесса в целом.

Цель судопроизводства, согласно ст. 6 УПК РФ, состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения или осуждения, ограничения ее прав и свобод. При этом цели в уголовном судопроизводстве следует отличать от выполняемых здесь задач. Если цель – это предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить, то задача – это то, что требует безусловного исполнения, разрешения [5, стр. 198, 861]. Если цель уголовного судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения или осуждения, ограничения ее прав и свобод, то задача уголовного судопроизводства –

это разрешение конкретных уголовных дел. В свою очередь, уголовное дело в широком смысле слова – это жизненный случай, требующий разрешения вопроса о необходимости применения к нему в процессуальных формах норм материального уголовного права. Таким образом, задачу уголовного судопроизводства следует понимать как выяснение и разрешение в процессуальных формах вопроса о необходимости и возможности применения норм уголовного права к конкретному жизненному случаю.

Цель уголовного судопроизводства, в силу ряда объективных или субъективных причин, может оказаться недостигнутой, например, когда преступление остается нераскрытым. В то же время задача процесса должна быть, безусловно, выполнена в любом случае, т. е. должны быть произведены все необходимые процессуальные действия в отношении конкретного жизненного случая, требующего разрешения вопроса о применении норм уголовного права [7, стр. 32].

Подобным же образом следует разграничивать цели и задачи сторон в уголовном деле, а также суда. Задача стороны уголовного преследования состоит в следующем: в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры, направленные на достижение стоящей перед ними цели (установление события преступления, изобличение лица или лиц, виновных в совершении преступления). Эти меры заключаются в разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела, в производстве предварительного расследования, направлении уголовного дела в суд или его прекращении в установленных законом случаях. Задачей стороны защиты является оказание подозреваемому или обвиняемому юридической помощи при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 49 УПК РФ). Задача суда состоит в создании необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ), а также в разрешении уголовных дел и процессуальных вопросов, отнесенных к его компетенции (ст. 29 УПК РФ).

Конечно, УПК РФ не определяет конкретные задачи, стоящие перед следователем, хотя в научной литературе ранее неоднократно предлагалось сформулировать их в законе. В

период действия УПК РСФСР задачи следователя определялись задачами, стоящими перед уголовным судопроизводством в целом [8, стр. 7-8]. В настоящее же время в учебной и научной литературе не уделяется должного внимания формулированию конкретных задач, стоящих перед следователем. В то же время без уяснения содержания этих задач невозможно полно и объективно оценить его место и роль следователя в уголовном судопроизводстве. Регулятивное значение правовых задач состоит в том, что они обязывают следователя сообразовывать с ними все свои действия и обеспечивает целенаправленность его деятельности.

Мы же считаем, что, кроме того, что задачи деятельности следователя в уголовном судопроизводстве вытекают из целей всего уголовного судопроизводства в целом, они должны соответствовать основному направлению деятельности, в которых выражается сущность и назначение следователя как субъекта уголовного судопроизводства.

Анализ норм УПК РФ, позволяет нам сформулировать следующие задачи, которые решает следователь в уголовном судопроизводстве:

- установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу;
- собирание, проверка и оценка доказательств;
- защита прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения его прав и свобод на основе совокупности собранных, проверенных и оцененных им доказательств;
- обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением;
- обеспечение безопасности субъектов уголовного судопроизводства.

Эти задачи решаются следователем на протяжении всего предварительного следствия по уголовному делу. Возможно, что в ходе расследования возникают и иные сопутствующие задачи, не играющие определяющей роли.

В соответствии с изложенными выше подходами представляется целесообразным в этом же плане рассмотреть и компетенцию следователя, которую можно определить как нормативно закрепленную систему функций и конкретных полномочий в отношении определенных

следственных и иных процессуальных действий. Устанавливая компетенцию следователя, УПК РФ точно разграничивают функции и полномочия. Функции определяют направления, сферы деятельности следователя, тогда как полномочия показывают, что конкретно он может или должен сделать в отношении конкретного действия. Следует иметь в виду, что в отличие от других участников уголовного судопроизводства (таких как потерпевший, свидетель и др.), которые могут делать все, что не запрещено законом, следователь может делать только то, на что он прямо уполномочен на основании УПК РФ. Учесть надо также, что компетенция следователя образует только его функции и полномочия, обращенные вовне. Полномочия, связанные с самоорганизацией, в состав компетенции не входит. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что процессуальный статус следователя определяется также и совокупностью его полномочий, закрепленных в УПК РФ.

Таково, на наш взгляд, содержание основных элементов, определяющих понятие, сущность и структурные особенности процессуального статуса следователя.

Основными элементами процессуального статуса следователя являются: цели и задачи; компетенция – функции и полномочия, закрепленные нормами права и обеспеченные соответствующими гарантиями и процессуально-правовая ответственность. Несомненно, что изучение процессуального статуса следователя,

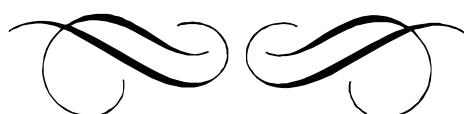
может создать хорошие условия для развития уголовно-процессуального законодательства лишь в том случае, когда четко определен статус всех участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, основываясь на общей теории правового положения личности, уголовно-процессуального статуса личности, мы определяем уголовно-процессуальный статус следователя как установленную нормами уголовно-процессуального права совокупность таких элементов, как функция (основное направление уголовно-процессуальной деятельности); задачи; полномочия следователя; процессуальная самостоятельность; гарантии законности и обоснованности деятельности; ответственность. Содержание уголовно-процессуального статуса следователя изменчиво только в зависимости от определения ему той или иной функции в различные исторические периоды становления и развития российской правовой системы.

Вышеизложенное позволяет сформулировать определение процессуального статуса следователя. Процессуальный статус следователя – это закрепленное нормами уголовно-процессуального права положение должностного лица, уполномоченного осуществлять предварительное следствие, а также иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, проявляющееся в функциях, полномочиях, гарантиях их осуществления, а также в процессуально-правовой ответственности.

Список литературы

1. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. – М., 1972.
2. Корнуков В.М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 1987.
3. Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. – М., 1972.
4. Матузов Н.И. Юридические обязанности и ответственность как элемента правового статуса личности // Конституция СССР и правовое положение личности. – М., 1979.
5. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
6. Попов Л.Л., Шагрин А.П. Управление, гражданин, ответственность. – Л., 1975.
7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник для вузов. 2-е изд. / Под общ. ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2005.
8. Уголовный процесс. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. – М., 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Правовое поле современной экономики» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал являются:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».

2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.

3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.

4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).

6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).

7. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].
- в затекстовой ссылке: 7. Чибинев В. М., Ресурсный потенциал и совокупные затраты как экономические категории и проблемы их исследования на современном этапе – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 29 с.

8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.

9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.

3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.

5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присыпать по адресу:

Редакция журнала «Правовое поле современной экономики»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru

www.centersovetnik.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40504

от 01 июля 2010 г.

Название Правовое поле современной экономики

Адрес редакции 198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114,
корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более
40 %

Форма периодического распространения журнал

Язык(и) русский

Территория распространения Российской Федерации

Учредитель (соучредители) Общество с ограниченной
ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ»
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя

Р.В. Шередин

Начальник Управления
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций

М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года
№ 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в
соответствии с законодательством Российской Федерации.

017619

Корректор Щурова Е.Ю.
Верстка Ларин Д.А.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ПРАВОВОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ»**

2012, № 1

Подписано в печать 20.01.2012. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 18,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 375.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»
